

001
К-82

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. В. КОЛЬЦОВ

У
ЧЕННЫЕ
ЛЕНИНГРАДА
В ГОДЫ БЛОКАДЫ
1941-1943

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

001 + 9/С/27

К 62

А. В. КОЛЬЦОВ

УЧЕНЫЕ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ БЛОКАДЫ

(1941—1943)

77192
к.

Переучет 196 г.

Переучет 1970-80

Переучет 2001

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1962 — Ленинград

Ответственный редактор
А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Ленинград — город науки. Спустя два десятилетия после его основания, в январе 1724 г., здесь была учреждена Академия наук, вскоре ставшая крупнейшим научным центром страны. В XVIII в. в Петербурге протекала деятельность М. В. Ломоносова. Тогда же в Петербургской академии наук работали Л. Эйлер, Д. Бернулли, И.-Г. Гмелин, Г.-В. Рихман, В. К. Тредиаковский, С. П. Крашенинников, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, П.-С. Паллас и другие прославленные ученые.

В 1773 г. в Петербурге был основан Горный институт, в 1798 г. — Военно-медицинская академия. В начале XIX в. в городе были созданы Лесотехническая академия (1803 г.), Институт инженеров железнодорожного транспорта (1809 г.), Университет (1819 г.) и Технологический институт (1828 г.).

В XIX в. и начале XX в. в Академии наук и высших учебных заведениях города трудились многие выдающиеся ученые. Математики М. В. Остроградский, П. Л. Чебышев, В. Я. Буняковский, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, астрономы В. Я. Струве, Ф. А. Бредихин, физики В. В. Петров, Э. Х. Ленц, Б. С. Якоби, Б. Б. Голицын, химики Н. Н. Зинин, А. М. Бутлеров, Н. С. Курнаков, биологи К. М. Бэр, А. О. Ковалевский, физиолог И. М. Сеченов и другие ученые обогатили различные области знаний такими открытиями, которые составляют предмет гордости отечественной и мировой науки. В Петербурге Д. И. Менделеев открыл периодический закон и создал периодическую систему химических элементов. Здесь А. С. Попов изобрел радио. С Петербургом — Петро-

градом—Ленинградом неразрывно связаны исследования старейшины физиологов мира И. П. Павлова.

Великая Октябрьская социалистическая революция, передавшая власть в руки трудового народа, открыла новый этап в развитии науки и культуры. Развитие науки стало жизненной потребностью Советского государства, приступившего к строительству нового общества. Научная работа в СССР получила такой размах, о котором в условиях буржуазно-помещичьего строя царской России ученые не могли даже мечтать.

В советские годы роль Ленинграда как одного из важнейших научных центров страны многократно возросла. В 1940 г. в городе имелось 146 научных учреждений, в которых трудились 5660 научных работников. В 1940/41 учебном году в 62 вузах Ленинграда обучалось 85.1 тысяч студентов.¹

В Ленинграде находились многие ведущие учреждения Академии наук СССР. В первой половине 1941 г. в городе работали следующие академические институты: по отделению физико-математических наук — Астрономический, Физико-технический, отделение Математического института им. В. А. Стеклова и Главная астрономическая обсерватория в Пулковке; по отделению химических наук — Радиевый, Химической физики; по отделению биологических наук — Ботанический, Зоологический и Физиологический; по отделению истории и философии — институты Востоковедения, Истории материальной культуры, Этнографии и отделение Института истории; по отделению литературы и языка — институты Литературы и Языка и мышления.²

Широким фронтом велись научные исследования в вузах города и отраслевых институтах. Университет в 1941 г. располагал 95 кафедрами, 113 лабораториями, 41 кабинетом и 12 научно-исследовательскими институтами.³

¹ Народное хозяйство города Ленинграда. Статистический сборник. Госстатиздат, М., 1957, стр. 131; Культурное строительство РСФСР. Статистический сборник. Госстатиздат, М., 1958, стр. 354.

² Академия наук СССР. Справочник-календарь на 1941 год. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 148—220.

³ В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич, Л. А. Шилов. Ленинградский университет. (Краткий очерк). Изд. ЛГУ, Л., 1957, стр. 42.

В Ленинграде продолжалась деятельность многих крупных ученых-академиков, создавших первоклассные научные школы и направления. В 1941 г. в городе работали академики: математик и кораблестроитель А. Н. Крылов, физики А. Ф. Иоффе, В. А. Фок, В. П. Линник, химик А. Е. Фаворский, Н. Н. Семенов, А. Н. Теренин, А. Е. Порай-Кошиц, В. Г. Хлопин, геолог П. И. Степанов, зоологи Е. Н. Павловский и С. А. Зернов, физиологи Л. А. Орбели и А. А. Ухтомский, историки С. А. Жебелев, Е. В. Тарле, А. И. Тюменев, востоковеды В. М. Алексеев, А. П. Баранников, И. Ю. Крачковский, П. К. Коковцов, И. А. Орбели, В. В. Струве, Ф. И. Щербатской, славяновед Н. С. Державин, литературовед А. С. Орлов, филологи И. И. Мещанинов и С. П. Обнорский. Различные отрасли технических наук были представлены именами академиков А. А. Байкова, Б. Г. Галеркина, А. П. Германа, И. В. Гребенщикова, Н. Т. Гудцова, В. П. Никитина, М. А. Павлова, В. Л. Поздюнина.

Развивая лучшие традиции отечественной и мировой науки, ученые Ленинграда напряженно работали во всех областях науки. Свои творческие усилия они направляли на быстрейшее выполнение заданий третьего пятилетнего плана, принятого XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 г.

В дни, когда зловещая тень фашизма нависла над миром, жизнь в Ленинграде продолжалась обычным порядком. Ученые работали в лабораториях, кабинетах, архивах, библиотеках. И июнь 1941 г. начался как обычно. Невыразимо прекрасен был Ленинград в белые ночи. На стрелке Васильевского острова царил радостное оживление. В Университете заканчивались экзамены, в академических институтах шли последние перед летним отпуском заседания ученых советов. Многие научные сотрудники собирались в экспедиции и командировки. Других из них ждал летний отдых.

Как и весь советский народ, строивший под руководством Коммунистической партии социализм, ученые уверенно смотрели в будущее. Казалось, ничто не предвещало им в скором времени тяжелых страданий и испытаний. Однако творческим планам ленинградских ученых не суждено было осуществиться: этому помешало вероломное нападение на нашу Родину фашистской Германии.

Историческая литература о блокаде Ленинграда увеличивается с каждым годом.⁴ Создание трудов о героической 900-дневной обороне города советские историки считают своим почетным долгом. Усилению их творческой работы весьма способствовало постановление Центрального Комитета партии «Об издании труда „История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг.“», принятое 12 сентября 1957 г.⁵

Среди книг и статей о блокаде Ленинграда видное место занимают те, в которых освещается культурная жизнь города. Назовем некоторые из них. В 1948 г. Государственное издательство «Искусство» выпустило под редакцией Т. Я. Карской сборник статей «Ленинградские театры в годы Великой Отечественной войны». В том же году в Лениздате вышел труд Н. В. Баранова «Архитектура и строительство Ленинграда», один из разделов которого посвящен архитектурно-строительной практике в годы Отечественной войны. Краткие сведения о деятельности ленинградских художников в блокадные дни содержатся в статье И. Бродского и А. Кагановича, дающей общую характеристику развития изобразительного искусства в городе за 40 послеоктябрьских лет.⁶ Яркую картину о жизни и работе общеобразовательных школ Ленинграда в годы блокады нарисовала член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР М. В. Кропачева в докладе на научной сессии, созванной Академией педагогических наук в ознаменование 250-летия Ленинграда.⁷

Не оказалась вне поля зрения исследователей и деятельность ученых-ленинградцев. Попытки рассказать о ней

⁴ Ее обстоятельный обзор дал А. В. Карасев. См.: А. В. Карасев. Ленинград периода Великой Отечественной войны в советской исторической литературе. «История СССР», 1960, № 3, стр. 158—164.

⁵ Вопросы идеологической работы. Сборник важнейших решений КПСС (1954—1961 гг.). Госполитиздат, М., 1961, стр. 111.

⁶ Изобразительное искусство РСФСР, т. I. Художники Москвы и Ленинграда. Изд. «Советский художник», М., 1957, стр. 199—202.

⁷ М. В. Кропачева. Ленинградские школы в годы Великой Отечественной войны. В кн.: «Материалы научной сессии, посвященной 250-летию Ленинграда». Изд. Акад. пед. наук РСФСР, М., 1959, стр. 51—66.

предпринимались уже в годы войны, начиная с 1942 г. 12 ноября 1942 г. академик А. Ф. Иоффе опубликовал в «Ленинградской правде» статью «Ленинградские ученые в Отечественной войне», высоко оценив в ней труд деятелей науки города-героя.

В сборнике «Героический Ленинград. 1917/1942», изданном Госполитиздатом в Ленинграде в 1943 г., помещена наряду с другими статья А. Волковой «Ленинград — город передовой науки, культуры и искусства». Автор сообщает в ней сведения, хотя и весьма краткие, о работе научных учреждений города в первые годы Отечественной войны. Такими же сведениями насыщена статья Т. Закржевской «Советская интеллигенция в дни Отечественной войны», опубликованная в майском номере журнала «Пропаганда и агитация» за 1943 г.

Восхищение героизмом ленинградских ученых президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров выразил в статье «Цитадель советской науки», которую он написал в январе 1944 г. «И в дни блокады, и в дни самых ожесточенных боев, и в часы бомбежки с воздуха и артиллерийских обстрелов ученые продолжали свою творческую работу»,⁸ — писал В. Л. Комаров. Академик С. И. Вавилов, сменивший В. Л. Комарова на посту президента Академии наук СССР, в труде «Советская наука на службе Родине», изданном в начале 1946 г., ленинградским ученым посвятил следующие слова: «История советской науки не должна забыть тех ленинградских ученых, которые более двух лет под бомбами самолетов, под артиллерийским обстрелом, в условиях голода, холода и невиданных лишений продолжали свою научную работу, читали лекции, работали в госпиталях, писали книги. Последние силы отдали они на помощь бойцам, оборонявшим родной город».⁹

Подвиг ученых запечатлен в ряде статей и очерков, вошедших в сборник «Ленинградцы в дни блокады», изданный в 1947 г. С неослабевающим интересом читается включенная в этот сборник статья профессора К. Ф. Ого-

⁸ Акад. В. Л. Комаров. Цитадель советской науки. «Вестник АН СССР», 1944, № 1—2, стр. 23.

⁹ С. И. Вавилов, Собрание сочинений, т. III. Работы по философии и истории естествознания. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 603.

родникова «На пулковских высотах». Ученый рассказывает в ней о своем участии в боевых операциях на подступах к Ленинграду. В сборнике помещены также очерки о профессоре М. К. Петровой, академике Б. В. Асафьеве и о работе ученых Ботанического института Академии наук СССР.¹⁰

Материал, относящийся к научной жизни Ленинграда в период блокады, содержится в книгах, посвященных истории высших учебных заведений и научных учреждений города. (Речь идет, разумеется, о книгах, вышедших в военные и послевоенные годы). Как правило, выход таких книг приурочивался к юбилейным датам.

В 1945 г., в ознаменование 125-летия со дня основания Университета, был издан под редакцией профессора В. В. Мавродина коллективный труд «Ленинградский университет. 1819—1944».¹¹ Труд состоит из трех частей. Третья его часть, ярко написанная профессором О. Л. Вайнштейном, называется: «Университет в период Отечественной войны».

В связи с 30-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции при участии большого авторского коллектива была подготовлена и в 1948 г. издана книга «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947. Очерки». В ней много внимания уделено деятельности Университета во время войны и блокады.¹² В 1957 г. увидела свет книга В. В. Мавродина, Н. Г. Сладкевича и Л. А. Шилова «Ленинградский университет. (Краткий очерк)». Несмотря на небольшой объем книги, авторы ее сумели осветить все важнейшие события истории Университета. Рассказали они и о жизни университетского коллектива в блокадные дни.

В труде «50 лет 1-го Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова», изданном

¹⁰ К. Огородников. На пулковских высотах. В сб.: «Ленинградцы в дни блокады». Лениздат, Л., 1947, стр. 126—132; Е. Кнопова-Челурнова. Мария Капитоновна Петрова. Там же, стр. 133—141; В. Богданов-Березовский. Борис Владимирович Асафьев. Там же, стр. 156—161; Э. Корольчук. В Ботаническом саду. Там же, стр. 162—177.

¹¹ Ленинградский университет, 1819—1944. Изд. «Сов. наука», М., 1945, стр. 141—182.

¹² Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947. Очерки. Изд. ЛГУ, Л., 1948, стр. 45—65.

в 1947 г., обстоятельно изложена многообразная деятельность ученых-медиков и в годы войны. В 1948 г. был издан сборник статей о Горном институте, значительную часть которого занимает работа Е. Л. Гороховского о деятельности Института в период войны.¹³ В том же году вышла в свет книга «50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина)», содержащая специальную главу «Великая Отечественная война и работа Института на оборону страны (1941—1945)». В одном из выпусков «Трудов» Кораблестроительного института за 1957 г. помещена статья И. В. Никитина «Ленинградский кораблестроительный институт в Великой Отечественной войне».¹⁴ В 1958 г. читатель получил книгу об Инженерно-строительном институте, один из очерков которой носит название: «Институт в период Великой Отечественной войны».¹⁵

В подготовленной большим коллективом ученых монографии об Институте инженеров железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова истории Института в годы войны посвящена отдельная глава.¹⁶

Авторы перечисленных трудов, многие из которых сами были свидетелями описываемых событий, материал о жизни высших учебных заведений в годы войны располагают примерно по следующему плану. Сначала они рассказывают о работе ученых в первые месяцы войны, затем — во время блокады. Большое внимание уделяют они деятельности и тех ученых, которые были эвакуированы из Ленинграда. Изложение событий доводится обычно вплоть до окончания войны. Вместе взятые, труды по истории крупнейших вузов города дают представление

¹³ Е. Л. Гороховский. Ленинградский ордена Ленина горный институт в дни Великой Отечественной войны Советского Союза. В кн.: «Ленинградский ордена Ленина горный институт за 30 лет советской власти. 1917—1947». Издание ЛГИ, Л., 1948, стр. 92—143.

¹⁴ Труды Ленинградского кораблестроительного института, вып. XXI, Л., 1957, стр. 95—114.

¹⁵ Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-строительный институт за 125 лет. 1832—1957. Госстройиздат, Л., 1958, стр. 45—49.

¹⁶ Ленинградский ордена Ленина институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова. 1809—1959. Трансжелдориздат, М., 1960, стр. 280—303.

о героизме ленинградских ученых. К сожалению, большинство из названных книг и статей лишены научного аппарата.¹⁷

Литература о деятельности научных институтов в период блокады беднее, нежели о работе вузов города. Она ограничивается всего лишь несколькими исследованиями.

В 1950 г. вышли в свет «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947)», подготовленные под общим руководством академика С. И. Вавилова. В «Материалах», представляющих летопись важнейших событий истории Академии наук СССР за тридцать послеоктябрьских лет, содержатся сведения и о работе академических учреждений Ленинграда в дни блокады.¹⁸

Деятельности Всесоюзного географического общества во время войны посвящена небольшая статья, автор которой кратко характеризует и работу членов Общества в блокированном Ленинграде.¹⁹ Некоторый материал о труде ученых Ботанического института Академии наук СССР, остававшихся в осажденном городе, имеется в книге «От Аптекарского огорода до Ботанического института. Очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР», изданной в 1957 г.

Автор содержательной статьи «Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941—1943)» В. И. Салов, поставивший перед собой задачу осветить главным образом работу академических комиссий по мобилизации природных ресурсов страны на нужды фронта, не прошел мимо и некоторых фактов, касающихся деятельности ленинградских ученых. И хотя таких фактов в статье приведено очень немного, они не могут не привлечь к себе внимание читателя.²⁰

¹⁷ Исключение составляет книга об Институте инженеров железнодорожного транспорта. В VIII главе этой книги — «Институт в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)» имеется несколько ссылок на документы Ленинградского партийного архива.

¹⁸ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950. Истории Академии наук СССР в период войны отведены стр. 249—299.

¹⁹ В. И. Ромишовский. Географическое общество в дни Великой Отечественной войны. «Вестник АН СССР», 1947, № 2, стр. 18—21.

²⁰ «Исторические записки», 1957, № 60, стр. 28—30.

О последних месяцах жизни академика А. А. Ухтомского в Ленинграде рассказал В. Л. Меркулов, один из его учеников. Достоинством монографии В. Л. Меркулова об А. А. Ухтомском в той ее части, которая касается деятельности ученого в 1941—1942 гг., является широкое привлечение свежих архивных документов, а также воспоминаний лиц, имевших возможность наблюдать за работой ученого.²¹

Подвиг ученых нашел освещение, правда весьма краткое, и в трудах, посвященных как тем или иным сторонам жизни блокированного города, так и истории обороны Ленинграда в целом.

В 1959 г. Академия наук СССР издала монографию А. В. Карасева «Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943», которая высоко оценена в рецензиях, опубликованных на страницах советской печати.²² Автор характеризует жизнь научных учреждений города кратко, но весьма выразительно. На всех этапах обороны Ленинграда ученые в освещении А. В. Карасева выступают как подлинные патриоты, стоявшие в едином строю со славными защитниками города. Труд А. В. Карасева построен на очень широкой источниковедческой базе. Исследователь, в частности, впервые обратил внимание на такой важнейший источник, как неизданный «Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады» (подробно о «Сборнике» см. на стр. 133—138 нашей работы).

В книге Ф. И. Сироты «Ленинград — город-герой» имеется небольшой раздел «Вклад ученых и новаторов». Автор, опираясь на документы Ленинградского партийного архива, рассказывает о самоотверженном труде ученых и новаторов.²³ Краткие сведения о деятельности ученых содержатся также в статье Ф. И. Сироты «Борьба

²¹ В. Л. Меркулов. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875—1942). Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 233—246.

²² С. Аввакумов, Н. Корнатовский, И. Трифонов. Книга о бессмертном подвиге ленинградцев. «Коммунист», 1959, № 12, стр. 115—116; см. также рецензии Г. Одинцова в «Военно-историческом журнале» (1959, № 11, стр. 96—100) и П. Н. Михрина в журнале «Вопросы истории» (1960, № 12, стр. 145—148).

²³ Ф. И. Сирота. Ленинград — город-герой. Лениздат, Л., 1960, стр. 124—131.

Ленинградской партийной организации за сохранение жизни населения города в период блокады». ²⁴

Факты о работе ученых приведены Д. В. Павловым в книге «Ленинград в блокаде (1941 год)», ²⁵ представление об участии ученых в формировании отрядов народного ополчения можно получить, ознакомившись с книгой С. Беляева и П. Кузнецова «Народное ополчение Ленинграда», изданной в 1959 г.

Краткие сведения о деятельности ленинградских ученых в годы блокады имеются также в сборниках статей, изданных в связи с подготовкой к юбилейному совещанию работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники Ленинграда, состоявшемуся в июне 1957 г. ²⁶

Однако книг, специально посвященных жизни и труду ленинградских ученых во время блокады, до сих пор еще не подготовлено. Автор и поставил перед собой задачу восполнить этот пробел. Цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы на конкретном материале показать деятельность ученых Ленинграда в один из самых тяжелых периодов его истории.

Автор не имеет намерения подробно анализировать научные труды, выполненные учеными Ленинграда. Он ограничивается лишь общей характеристикой их, сознавая, что исчерпывающий анализ научных исследований, завершенных во время блокады, может дать лишь целый авторский коллектив.

В процессе изучения материалов, относящихся к нашей теме, автора не покидало стремление рассказать

²⁴ «Вопросы истории КПСС». Уч. зап. ЛГУ, № 289, вып. 33, Л., 1960, стр. 143—144, 155.

²⁵ Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде (1941 год). Военное изд. Мин. Обороны Союза ССР, М., 1958, стр. 53—54, 116.

²⁶ Материалы юбилейного совещания содержатся в следующих книгах: Атомная энергия в мирных целях; Энергетика; Энергомашиностроение; Машиностроение; Судостроение; Приборостроение; Металлургия; Литейное производство; Сварочное производство; Кузнечно-штамповочное производство; Железнодорожный транспорт; Водный транспорт; Химия; Геология; Строительство; Строительные материалы; Городское хозяйство; Текстильная промышленность; Швейная промышленность; Кожевенно-обувная промышленность; Пищевая промышленность. Указанные книги были изданы в Ленинграде в 1957 г.

о деятельности возможно большего числа ученых. Но в небольшой работе автор не имел возможности назвать имена всех ученых, трудившихся в осажденном Ленинграде. Основное внимание он сосредоточил на освещении деятельности сотрудников ленинградских учреждений Академии наук СССР, имея в виду, что характеристика трудов многих ученых, проводивших исследования в вузах, уже дана в книгах, упомянутых выше. Автор старался при этом осветить главные, основные события научной жизни Ленинграда блокадных лет.

Источниковедческую базу данной работы составляют как печатные материалы, так и непубликовавшиеся документы Архива Академии наук СССР.²⁷

В числе печатных материалов следует назвать статьи и заметки о научной жизни Ленинграда, опубликованные в военные и послевоенные годы на страницах газет «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», журнала «Пропаганда и агитация» и др.

Большую ценность представляют воспоминания самих ученых, переживших блокаду. Таковы, например, воспоминания академика Б. В. Асафьева — «Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны», члена-корреспондента Академии наук СССР А. В. Оссовского на ту же самую тему, напечатанные в книге о музыкальной жизни Ленинграда.²⁸ Помещенные в этой же книге воспоминания музыковеда и композитора В. М. Богданова-Березовского «Из дневника блокадных лет» — документ, сильно воздействующий на читателя, — содержит наряду со многим другим материалом интересные подробности о работе Института театра и музыки.

Ни один исследователь истории советской науки не может обойтись без документов Архива Академии наук СССР. Особенно это относится к интересующей нас теме. Собрание материалов о деятельности академических учреждений в годы войны Архив ведет на протяжении многих лет, начиная с первых месяцев войны.²⁹ Усилия

²⁷ Характеристику источников по истории блокады дал А. В. Карасев. См.: А. В. К а р а с е в. Документальные материалы о трудящихся Ленинграда в годы блокады. «Исторический архив», 1956, № 6, стр. 144—152.

²⁸ В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы. Изд. «Советский композитор», Л., 1959, стр. 27—41.

²⁹ «Вестник АН СССР», 1946, № 11—12, стр. 136.

сотрудников Архива не пропали даром: в настоящее время Архив располагает многими документами по теме нашей работы. К сожалению, рука исследователя прикасалась к ним еще очень мало.

В Архиве сосредоточены фонды ленинградских учреждений Академии наук. В этих фондах находятся и материалы военных лет. Исследователь обнаружит здесь отчеты о работе академических учреждений, индивидуальные отчеты ученых, обширную переписку по научно-организационным вопросам, протоколы различных заседаний, письма и заявления сотрудников, воспоминания ученых и т. д. В Архиве имеется много документов и о работе ученых, не входивших в штат академических учреждений. Особенно богат такими документами фонд Ленинградского Дома ученых им. А. М. Горького, секциями которого было объединено большое количество ученых города.

Документы Архива Академии наук СССР являются, таким образом, ценнейшим источником при изучении деятельности ленинградских ученых в период блокады.

Глава I

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

(июнь—август 1941 г.)

Ранним утром 22 июня 1941 г. вооруженные полчища фашистской Германии вторглись в пределы СССР. Период мирного социалистического строительства был прерван. Началась Великая Отечественная война.

Против Советского Союза фашистская Германия, вместе со своими союзниками, выставила в первые же дни войны 190 дивизий. Пользуясь большим численным перевесом, превосходством в военной технике и преимуществами внезапного нападения, фашистские войска, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, стали быстро продвигаться в глубь СССР. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность.

Германский фашизм — злейший враг всего прогрессивного человечества — поставил своей целью поработить свободолюбивые народы СССР, превратить Советский Союз в колонию, уничтожить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Фашизм развязал грабительскую, захватническую войну.

Партия и правительство призвали народы Советского Союза грудью встать на защиту своей Родины. Этот призыв нашел глубокий отклик в сознании миллионов советских людей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в Ленинграде и области было объявлено военное положение.

В первые дни войны на заводах и фабриках, в вузах и научных институтах города прошли митинги трудя-

щихся. Митинги первых дней войны! Они навсегда останутся в памяти тех, кто на них присутствовал. Сколько любви к Родине, готовности отдать жизнь за советский строй и ненависти к фашистам, посягнувшим на завоевания Октябрьской революции, звучало в речах выступавших!

Многолюдный митинг состоялся 23 июня 1941 г. на историческом факультете Университета. Открыл его декан факультета профессор В. В. Мавродин. С речами выступали академик Е. В. Тарле, профессор О. Л. Вайнштейн, доцент Х. Муратов и др. Участники митинга, клеймив позором фашистских варваров, заявили о своем горячем желании защищать Родину.¹

На митинге в Кораблестроительном институте была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, рабочие, служащие, студенты и профессорско-преподавательский состав... готовы грудью защищать страну социализма... Вместе со 193-миллионным советским народом заявляем в ответ на разбойничьи нападения кровавого фашизма, что своим честным, самоотверженным трудом, каждый на своем посту, будем обеспечивать победу над кровавым врагом и все, как один, готовы с оружием в руках по первому зову партии и правительства выступить на защиту нашей Великой Родины».²

В те дни на страницах ленинградской печати можно было встретить много статей, написанных крупными учеными. Все статьи объединяла одна мысль — враг будет разгромлен, советский народ победит.

23 июня 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала статью академика Е. В. Тарле «Фашизм — злейший враг культуры». «Все в Европе, — писал ученый, — кому в самом деле дороги интересы прогресса человечества, в этот исторический момент, несомненно, — душой с Советским Союзом, который и нанесет сокрушительный удар зарвавшимся насильникам».³

1 июля 1941 г. на страницах «Ленинградской правды» выступил со статьей «Победа будет за нами» академик

¹ «Ленинградская правда» от 24 июня 1941 г., № 148, стр. 2.

² И. В. Никитин. Ленинградский кораблестроительный институт в Великой Отечественной войне. Тр. ЛКИ, вып. XXI, 1957, стр. 96.

³ «Ленинградская правда» от 23 июня 1941 г., № 147, стр. 3.

А. Н. Крылов. С присущей ему образностью он писал о благородных целях Отечественной войны. Приведя примеры из прошлого, когда русским солдатам приходилось воевать за чуждые им интересы царской династии, А. Н. Крылов закончил статью следующими словами: «Бойцы Красной Армии знают, что они идут на фронт воевать не за „арендованную землю“, не завоевывать „чужую“, а отстаивать свою, и не надо быть Скобелевым, чтобы на их лицах прочесть слово ПОБЕДА».⁴

Академик М. А. Павлов в статье «С энтузиазмом будем работать на оборону Отечества», опубликованной «Ленинградской правдой» 2 июля, писал: «Все мы горим желанием стать в ряды активных работников военной промышленности, полностью, до конца отдать свои знания и опыт для того, чтобы победа над коварным и злобным врагом была обеспечена, чтобы фашистская язва была уничтожена».⁵

В первые же дни войны десятки тысяч ленинградцев вступали в ряды Красной Армии и в отряды народного ополчения. Ученые не остались в стороне от этого славного патриотического движения.

Университет дал Красной Армии и народному ополчению свыше двух с половиной тысяч бойцов. Добровольцами в Красную Армию вступили профессора Университета Д. Н. Насонов, К. Ф. Огородников, С. В. Солдатенков, О. В. Цехновицер и др.⁶ Чувства и мысли ученых, взявших в свои руки оружие, хорошо выразил профессор кафедры астрофизики К. Ф. Огородников, воевавший на пулковских высотах. «Из нашего Университета, — писал он впоследствии, — свыше 2500 человек ушло в армию. Был создан и университетский отряд народного ополчения. Разумеется, я также записался в него. Можно ли было поступить иначе? Конечно, нет. Вопрос шел о жизни и смерти нашего государства. На нас, современников Великой Отечественной войны, легла величайшая задача — отстаивать свободу и независимость

⁴ «Ленинградская правда» от 1 июля 1941 г., № 154, стр. 2; см. также: Акад. А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 771.

⁵ «Ленинградская правда» от 2 июля 1941 г., № 155, стр. 3.

⁶ Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947, стр. 46.

родной земли. Тогда каждый глубоко сознавал, что не только малодушие, но и простая пассивность навсегда лягут на тебя несмываемым позорным пятном».⁷

Застрельщиками вступления в Красную Армию и народное ополчение всюду являлись коммунисты и комсомольцы. 200 членов и кандидатов в члены партии, 500 комсомольцев Университета влились в народное ополчение. Партийное бюро филологического факультета в полном составе ушло на фронт. Профессора, преподаватели, студенты, рабочие и служащие Университета образовали 7 батальонов ополчения.⁸ Все члены кафедры основ марксизма-ленинизма Университета во главе с профессором Б. А. Чагиным (ныне членом-корреспондентом Академии наук СССР) вступили в народное ополчение.⁹ Оставил научную работу и отправился на фронт доцент математико-механического факультета член партии Н. П. Еругин. Став артиллеристом, он показал себя как храбрый воин и был занесен на почетную доску фронта.¹⁰

В первые месяцы войны ушли в Красную Армию сотрудники Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР Г. Е. Кочин, У. А. Шустер,¹¹ сотрудник Пулковской обсерватории А. А. Немиро¹² и многие другие ученые. В Ботаническом институте Академии наук СССР, в Геофизической обсерватории все коммунисты мужчины стали бойцами народного ополчения.¹³ Как велико было желание ученых отстоять родной город, говорит тот факт, что почти все сотрудники ленин-

⁷ Ленинградцы в дни блокады. Лениздат, Л., 1947, стр. 126—127.

⁸ С. Беляев, П. Кузнецов. Народное ополчение Ленинграда. Лениздат, Л., 1959, стр. 20.

⁹ Ф. И. Сирота. Ленинград — город-герой, стр. 17.

¹⁰ На фронте Н. П. Еругин был тяжело ранен. Вернувшись к научной работе, ученый вскоре защитил диссертацию на степень доктора физико-математических наук. См.: Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 145. О своем участии в боях Н. П. Еругин, ныне академик АН БССР, рассказал в книге «О тех, кто выстоял. Записки фронтовика» (Изд. АН БССР, Минск, 1961).

¹¹ Архив Академии наук СССР (в дальнейшем ААН), ф. 133, оп. 1 (1942), № 1669, лл. 46, 84.

¹² «Ленинградская правда» от 12 мая 1960 г., № 112, стр. 4.

¹³ С. Беляев, П. Кузнецов, ук. соч., стр. 18.

градских учреждений Академии наук СССР в возрасте от 18 до 50 лет вступили в ополчение.¹⁴

Партийное собрание Кораблестроительного института приняло решение о добровольном вступлении коммунистов в Красную Армию. В президиум собрания непрерывно поступали заявления сотрудников Института, содержавшие единственную просьбу — помочь вступить в Красную Армию и народное ополчение. Одно из заявлений принадлежало заведующему кафедрой проектирования судов академику В. Л. Поздюнину. В течение нескольких дней в комитет ВЛКСМ поступило 1200 заявлений комсомольцев, просивших направить их на фронт.¹⁵

Свыше 900 бойцов дал Институт инженеров железнодорожного транспорта сформированной в Октябрьском районе дивизии народного ополчения. Из 392 коммунистов Института 351 вступили в ополчение и включились в выполнение оборонных заданий. Командовать отрядами народного ополчения стали коммунисты — старший преподаватель кафедры математики С. А. Савельев, доценты И. П. Понкин, В. И. Эккель и др. В июне-июле 1941 г. Институт организовал из коммунистов и комсомольцев два партизанских отряда, сразу же направленных во вражеский тыл. Один из них, которым командовал преподаватель Н. И. Афанасьев, наносил удары по врагу на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Другой отряд, возглавлявшийся старшим преподавателем кафедры математики коммунистом В. Н. Маловым, вел боевые действия на территории Карельской АССР. Многие студенты и преподаватели Института участвовали в боевых операциях в составе 10-го истребительного батальона Октябрьского района. В боях погибли доценты Института Ф. Н. Ерофеев, И. П. Понкин, Л. Н. Постников, Е. М. Цейтлин, В. И. Эккель и др.¹⁶

В первый день войны партком Горного института получил 250 заявлений от профессоров, преподавателей, студентов, рабочих и служащих, выразивших желание отправиться на фронт. Поток заявлений в партком возра-

¹⁴ ААН, ф. 4, оп. 2 (1941), № 7, л. 47.

¹⁵ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 96.

¹⁶ Ленинградский ордена Ленина институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В. Н. Образцова. 1809—1959, стр. 280—283.

стал с каждым днем, и к 30 июня их количество достигло 960. Был сформирован добровольческий полк Горного института, размещившийся на Косой линии в здании одной из школ. К концу июля 1941 г. Институт организовал также 1-й партизанский отряд, руководством которым было поручено доценту А. Ш. Усманову.

Ведущие ученые Горного института активно участвовали в формировании народного ополчения. Академик А. П. Герман выступал с докладом, посвященным истории партизанских войн, перед бойцами 1-го партизанского отряда. Профессор Н. Г. Келль (ныне член-корреспондент АН СССР) читал партизанам лекции по ориентировке на местности.

Из преподавателей и студентов Института был организован истребительный отряд, воевавший на Лужском направлении. В боях погиб комиссар отряда, бывший секретарь парткома Института доцент П. Д. Трусков.¹⁷

К 7 июля 1941 г. отряды народного ополчения Ленинграда насчитывали 160 тысяч человек, в том числе 20 тысяч коммунистов и 18 тысяч комсомольцев. 70% состава городской партийной организации и 90% комсомольской организации взяли в руки оружие.¹⁸

В составе дивизий народного ополчения, сформированных в различных районах города, научные работники, студенты и преподаватели вузов занимали видное место.

Научные сотрудники и аспиранты ленинградских учреждений АН СССР, студенты Академии художеств и Юридического института составляли основное ядро 18-го артиллерийско-пулеметного батальона, сформированного в Василеостровском районе. В 3-й стрелковый полк Выборгского района вступило много преподавателей и студентов Политехнического института им. М. И. Калинина, Лесотехнической академии им. С. М. Кирова, сотрудников Физико-технического института АН СССР. В ополчение ушли почти все студенты Института физи-

¹⁷ Е. Л. Гороховский. Ленинградский ордена Ленина горный институт в дни Великой Отечественной войны. В кн.: «Ленинградский ордена Ленина горный институт за 30 лет Советской власти. 1917—1947». Издание ЛГИ, Л., 1948, стр. 94—97.

¹⁸ Ф. И. Сирота. Военно-организаторская работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 18, 22.

ческой культуры им. П. Ф. Лесгафта, причем в ополчение вступило и руководство Института.

Большое количество студентов и преподавателей Библиотечного института им. Н. К. Крупской, Педагогического института им. А. И. Герцена, Театрального института и Института механизации сельского хозяйства влилось в 3-й стрелковый полк, сформированный в Дзержинском районе.¹⁹ Среди ополченцев Куйбышевского района были доктора биологических наук Ю. И. Полянский, Е. М. Хейсин и др.²⁰

450 студентов Кораблестроительного института вступили в отдельный батальон судостроителей Октябрьского района. В числе бойцов батальона находились заместитель декана кораблестроительного факультета Н. В. Гаврилов, декан отделения Промакадемии Ш. В. Абугов, ассистент И. В. Никитин и др.²¹

Электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) дал народному ополчению свыше 1200 бойцов.²² Студенты и преподаватели этого вуза, а также Педагогического института им. М. Н. Покровского и 1-го Медицинского института входили в состав 3-й гвардейской дивизии, сформировавшейся в Петроградском районе.²³

Горячая любовь к Родине, родному городу, своему народу — вот что побуждало ученых идти в народное ополчение. «Я получил телеграмму об эвакуации в Томск, но я решил отослать только свою семью, а сам отказываюсь от поездки. Я лучше буду с ленинградскими рабочими защищать свой любимый город», — заявил в те дни член-корреспондент АН СССР М. П. Костенко.²⁴

Война нарушила привычный уклад жизни ученых, заставила их заниматься такими делами, о которых в мирное время они имели весьма смутное представление. Нелегко было ученым, многие годы посвятившим научной работе и никогда не изучавшим военного дела,

¹⁹ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 39, 44, 45, 77.

²⁰ «Пропаганда и агитация», 1943, № 9, стр. 15.

²¹ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 97.

²² 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина). Госэнергоиздат, Л.—М., 1948, стр. 113.

²³ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 77.

²⁴ Там же, стр. 39.

овладевать боевым оружием. Но глубокое сознание своего гражданского долга перед советской страной, вступившей в смертельную схватку с кровавым фашизмом, помогало им быстро преодолевать все трудности, вызванные условиями военного времени.

Профессор Педагогического института им. А. И. Герцена В. Н. Бернадский в августе 1941 г. рассказывал на страницах «Ленинградской правды» о том, как он обучался военному делу. «В группе я — самый старший по возрасту боец, — писал В. Н. Бернадский. — Но я впервые прохожу военное обучение. Руки привыкли держать перо, а не винтовку. Поэтому командиру группы (когда-то он был моим учеником по Институту) доставляет немало забот столь неподготовленный „переросток“. Передко он бросает в мою сторону опасливые взгляды: как бы я не испортил картину общей слаженности и боееспособности. Но я всячески стараюсь не отставать от других бойцов». «Нельзя ограничиться знакомством с боевым оружием, — писал далее ученый, — необходимо овладеть им в совершенстве. В этом — священная обязанность всякого, кто может держать оружие в руках, всякого, кому дорога наша великая страна».²⁵ Приведенные слова историка В. Н. Бернадского отражают большой патриотический подъем, царивший среди ленинградских ученых.

Вместе со всеми ленинградцами ученые поднялись на защиту города, к которому рвались фашисты, вторгнувшиеся в начале июля 1941 г. на территорию Ленинградской области. Хотя советские войска стойко и мужественно защищали каждую пядь родной земли, хотя гитлеровцы несли огромные потери в людской силе и технике, все же врагу удалось к середине августа 1941 г. выйти на ближние подступы к Ленинграду.

Чтобы преградить путь врагу, ленинградцы приступили к возведению оборонительных сооружений как вокруг города, так и в самом городе. Достойный вклад в это дело внесли и ученые.

В конце июля 1941 г. по заданию Городского комитета партии на оборонные работы выехала группа архитекторов и инженеров, в состав которой входили член-

²⁵ «Ленинградская правда» от 15 августа 1941 г., № 194, стр. 3.

корреспондент Академии архитектуры профессор Е. А. Левинсон, архитекторы Б. Рубаненко, О. Гурьев, В. Гальперин, инженеры М. Баранов, Н. Варлачов, Д. Павлов и др. Они обратились к инженерам, научным работникам и специалистам с призывом принять активное участие в оборонном строительстве. «Никто из нас не покинет строительства до тех пор, пока не закончится весь комплекс работ, пока эта твердыня не будет готова. Удвоим, утроим темпы своей работы! Счет должен идти не только на часы, но на минуты и секунды»²⁶ — писали архитекторы и инженеры.

В строительство оборонительных сооружений активно включилось Ленинградское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества строителей, возглавлявшееся академиком Б. Г. Галеркиным. Профессора Б. Д. Васильев, Н. А. Кандыба, Н. Н. Лукницкий, С. А. Шустиков в возведении оборонительных сооружений оказывали большую помощь командованию Северо-Западного направления. Под руководством доцентов А. В. Квятковского, Н. Н. Маслова, Е. А. Москаленко, К. Д. Морозова, А. П. Павлова, В. Л. Федорова и других велось строительство баррикад и дотов в Ленинграде.²⁷

26 июня 1941 г. Университет направил на Карельский перешеек большую группу студентов для выполнения оборонных работ.²⁸ В общей сложности коллектив Университета отдал строительству оборонительных сооружений 120 тысяч человеко-дней.²⁹ Свыше 1500 преподавателей, студентов, рабочих и служащих Электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина) строили доты и дзоты, возводили баррикады в Ленинграде и на подступах к нему.³⁰ Организованные Кораблестроитель-

²⁶ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I. 22 июня 1941 г.— 22 июня 1943 г. Под ред. С. И. Аввакумова. Госполитиздат, Л., 1944, стр. 31.

²⁷ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 72—73.

²⁸ Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947, стр. 47.

²⁹ В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич, Л. А. Шиллов, ук. соч., стр. 72.

³⁰ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 113.

ным институтом отряды рыли окопы и противотанковые рвы в районах станций Антропшино, Веймарн, Волосово, Вруды, Копорье, Котлы, Лемболово, Лисий Нос, Перр, Преображенская, Разлив, Тарховка, Усть-Луга и др.³¹

За короткий срок в Ленинграде было построено 4126 дотов и дзотов, 17 тысяч амбразур в зданиях, 25 километров баррикад и т. д.³² Город готовился к упорной борьбе с врагом.

На заводах, фабриках и в учреждениях создавались отряды противовоздушной обороны. Организовывались они также в вузах и научно-исследовательских институтах. Группа МПВО Ботанического института Академии наук СССР насчитывала 50 человек, группа МПВО Института этнографии Академии наук СССР — свыше 30 человек.³³

Стремясь укрепить противовоздушную оборону города, Ленинградское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества образовало в конце июня 1941 г. специальную бригаду научно-технической помощи предприятиями по ликвидации последствий вражеских бомбардировок и строительных аварий. В бригаду вошли 47 ученых, в том числе академик Б. Г. Галеркин, профессора Н. Н. Аистов, Н. Н. Лукницкий³⁴ и др. Помимо этого, двум бригадам Общества было поручено наблюдение за трестом «Водоканализация», чтобы не допустить аварий и нарушений его работы.³⁵

³¹ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 107.

³² Ф. И. Сирота. Город-герой. В кн.: «Город великого Ленинграда». Лениздат, Л., 1957, стр. 102.

³³ ААН, ф. 2, оп. 18, № 13, л. 2; ф. 142, оп. 1 (1943), № 18, л. 83.

³⁴ Писатель П. Н. Лукницкий рассказывает: 27 июня 1941 г. на заседании Всесоюзного научного инженерно-технического общества его шестидесятипятилетний отец профессор Н. Н. Лукницкий заявил, что «все свои силы отдаст организации ПВО Ленинграда. И вместе с академиком Б. Г. Галеркиным вступил в бригаду научно-технической помощи промышленным предприятиям по ликвидации строительных аварий и последствий воздушных налетов. Он дежурит в штабе бригады, выезжает на места поражений, консультирует строительство бомбоубежищ. Его доля инициативы и личного участия вкладывается в создание огненного пояса перед Колпиным, — например, корабельными броневыми плитами укрепляются огневые точки». См.: П. Лукницкий. Ленинград действует... Фронтальной дневник (22 июня 1941 года—март 1942 года). Изд. «Советский писатель», М., 1961, стр. 64.

³⁵ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 88—89.

Больших усилий от ученых потребовала работа, связанная с переноской ценных книг, музейных экспонатов и коллекций в безопасные места и проведением противопожарных мероприятий. Так, в первые же недели войны в Музее истории религии Академии наук СССР были приняты меры к тому, чтобы в случае возникновения пожаров иметь возможность быстро их потушить.³⁶ Аналогичные мероприятия широко проводились в академических институтах — Зоологическом, Ботаническом, Институте этнографии, Библиотеке Академии наук СССР, Архиве Академии наук и многих других научных учреждениях.

Во многих вузах и научных институтах работали курсы медицинских сестер. В Университете они были открыты 1 июля 1941 г. Многие студентки Университета стали сандружинницами и добровольно вступили в Красную Армию.³⁷ На курсах медицинских сестер проходили обучение 18 сотрудниц Зоологического института АН СССР.³⁸

Ученые находили самые различные формы помощи Красной Армии. Ценную инициативу проявили профессора и преподаватели кафедр Радиотехники, Проводной связи и Гироскопии Электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), организовавшие в июле 1941 г. курсы связистов-операторов и начальников полевых радиостанций для Красной Армии. Лекции на курсах читали профессора Г. А. Кьяндский, Д. С. Пашенцов, доценты В. Х. Дерюгин, И. М. Жданов и др. Военное командование неоднократно благодарило Институт за организацию курсов.³⁹

В июле 1941 г. научно-исследовательские учреждения и вузы города усиленно готовились к эвакуации, что сопряжено было с немалыми трудностями. Враг близко подходил к Ленинграду, и требовалось в кратчайшие сроки эвакуировать ценнейшее научное оборудование,

³⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 87.

³⁷ Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947, стр. 46.

³⁸ ААН, ф. 55, оп. 1 (1943), № 16, л. 4.

³⁹ «Ленинградская правда» от 23 июля 1941 г., № 174, стр. 4; 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 114.

ученых и их семьи. В июле—августе из Ленинграда удалось вывезти многие научно-исследовательские учреждения.⁴⁰

Были эвакуированы институты Академии наук СССР — Физико-технический, Радиевый, Химической физики,⁴¹ Всесоюзная академия художеств, Лесотехническая академия им. С. М. Кирова, Химико-технологический институт им. Ленсовета.⁴² (В городе оставались лишь небольшие группы сотрудников эвакуированных учреждений). Однако значительное число ведущих учреждений Академии наук СССР, Университет, Горный институт, 1-й и 2-й Медицинские институты, Педиатрический институт и другие вузы не были эвакуированы и продолжали научные исследования.

С пламенным призывом к ученым города — подчинить научную работу интересам фронта — обратились в начале июля 1941 г. академики А. А. Байков, А. Е. Фаворский, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, профессора Д. И. Дейнека, Н. Л. Гербильский, В. М. Жирмунский, Т. П. Кравец, С. С. Кузнецов, Г. М. Фихтенгольц, Я. С. Эдельштейн и др. «Мы призываем вас, ученые Ленинграда, писали они, — разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю, реальную пользу фронту, разрабатывать их дено и ночью, не щадя сил и времени, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские ученые. Мы призываем вас мобилизовать все силы высшей школы нашей страны на беспощадную борьбу против ненавистного врага».⁴³

Творческая мысль ученых была устремлена на решение важнейших оборонных задач. В организованную в июле 1941 г. при Городском комитете партии Комиссию по реализации оборонных предложений вошли академики

⁴⁰ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 95.

⁴¹ ААН, ф. 2, оп. 18, № 4, л. 1.

⁴² Н. Н. Аверьянов, А. Я. Авербух. Очерк истории Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени технологического института им. Ленсовета. В кн.: «Технологический институт к 40-летию Великого Октября». Тр. ЛТИ, вып. XLV, Госхимиздат, Л., 1958, стр. 180.

⁴³ «Ленинградская правда» от 5 июля 1941 г., № 158, стр. 2.

А. Ф. Иоффе, Б. Г. Галеркин, член-корреспондент Академии наук СССР М. А. Шателен, профессора Я. Б. Зельдович (ныне академик), Н. Н. Миролюбов, А. А. Петров, Д. В. Тищенко, Ю. Б. Харитон (ныне академик) и другие ученые. Возглавлял комиссию академик Н. Н. Семенов.⁴⁴ Лишь за первые месяцы войны через комиссию прошло 847 оборонных изобретений.

При активном участии ученых работала также специальная техническая комиссия, созданная в начале войны при Городском комитете партии. Руководил ею директор Центрального котлотурбинного института Н. Г. Никитин, членами комиссии являлись академик АН Украинской ССР Н. Н. Давиденков, профессора В. М. Андреев, А. В. Загулин, П. П. Кобеко, Б. А. Остроумов и др. Техническая комиссия оказывала большую помощь заводам и фабрикам города в организации выпуска оборонной продукции, в совершенствовании техники производства.⁴⁵

Горячим желанием оказать помощь своему народу в борьбе с захватчиками было проникнуто письмо академика Е. Н. Павлюковского, которое он направил 4 августа 1941 г. членам Президиума Академии наук СССР в Ленинграде. Ученый предлагал организовать издание серии брошюр под общим заголовком «В помощь фронту и тылу».⁴⁶

Тематика научных исследований быстро перестраивалась на военный лад.

Во вновь составленный план Университета было включено 204 темы оборонного характера. Весьма плодотворно на нужды фронта и тыла работали лаборатории Университета, возглавлявшиеся профессорами С. Э. Фришем, И. И. Жуковым и Д. И. Дейнека.⁴⁷

Начиная с июля 1941 г. академик А. А. Ухтомский вместе со своими сотрудниками разрабатывал в Физиологическом научно-исследовательском институте Универ-

⁴⁴ Академики Б. Г. Галеркин, А. Ф. Иоффе и Н. Н. Семенов были эвакуированы из Ленинграда в первые месяцы войны.

⁴⁵ Ф. И. Сирота. Ленинград — город-герой, стр. 124—126.

⁴⁶ ААН, ф. 2, оп. 18, № 14, л. 8.

⁴⁷ В. В. Мавредин, Н. Г. Сладкевич, Л. А. Шижов, ук. соч., стр. 72.

ситета проблему травматического шока, имевшую большое значение для спасения жизни раненых.⁴⁸

Академики А. А. Байков и М. А. Павлов направили свои усилия на изыскание новых составов высококачественных сталей, на разработку методов быстрой и экономной их плавки.⁴⁹

Благодаря исследованиям профессора Горного института А. Н. Кузнецова и возглавляемого им коллектива ученых удалось получить новый вид взрывчатого вещества, нашедшего широкое применение на Ленинградском фронте.⁵⁰ В апреле 1942 г. профессору А. Н. Кузнецову, профессору А. Н. Сидорову, доценту А. Ф. Вайполину и инженеру С. И. Черноусовой была присуждена Государственная премия «за изобретение ими нового вида взрывчатого вещества».⁵¹

Сотрудники кафедры Общей химии Текстильного института им. С. М. Кирова во главе с заведующим кафедрой профессором П. А. Якимовым за 20 дней сумели создать новую систему запала для зажигательных бутылок, обладавшую высокими боевыми качествами. Предложенные учеными запалы отличались простотой устройства и, что весьма существенно, почти не боялись влажности. «Запалы „ЛТИ“» (так они стали называться) широко применялись как в действующих частях Ленинградского фронта, так и в партизанских отрядах Ленинградской области. Массовое изготовление запалов велось в лабораториях Университета, Текстильного института им. С. М. Кирова, Педагогического института им. А. И. Герцена.⁵² В середине июля 1941 г. профессор П. А. Якимов и доцент С. И. Орлова приступили к исследованию по теме: «Разработка способа крашения хлопчатобумажных тканей в цвета типа „хаки“ на основе

⁴⁸ В. Л. Меркулов. Конспект одной речи о Ленине. (Из архива акад. А. А. Ухтомского). «Вестник АН СССР», 1958, № 4, стр. 82.

⁴⁹ «Ленинградская правда» от 20 июля 1941 г., № 172, стр. 1.

⁵⁰ Е. Л. Гороховский и, ук. соч., стр. 130.

⁵¹ «Правда» от 11 апреля 1942 г., № 101, стр. 2.

⁵² П. А. Якимов, И. И. Дружинин, С. И. Орлова и В. Я. Соломко. «Запалы „ЛТИ“» для зажигательных бутылок. Сб. тр. ленингр. ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 46. ААН, разряд VI, оп. 5, № 60; Музей истории Ленинграда, экспозиция, зал № 23.

растительного сырья Ленинградской области, имеющего массовый характер». Изыскания ученых, проводившиеся в Текстильном институте им. С. М. Кирова, завершились в 1942 г. положительными результатами.⁵³

Выполняя задание Городского комитета партии и командования Ленинградского фронта, ученые Химико-технологического института, Государственного института прикладной химии, Сланцевого института и Института пластмасс предложили способы, помогавшие предотвращать воспламенение самолетов от зажигательно-разрывных пуль. Исследованиями ученых руководил академик А. А. Байков.⁵⁴

Оборонная тематика стала занимать главное место в деятельности Института пластмасс. В этом научном учреждении и в Химико-технологическом институте важные исследования проводились под руководством профессора С. Н. Ушакова.⁵⁵ В апреле 1942 г. С. Н. Ушаков «за разработку процесса производства винил-ацетата и за заменители фенола для пластмасс» был удостоен звания лауреата Государственной премии.⁵⁶

В июле 1941 г. Государственный институт прикладной химии, по заданию Городского комитета партии, наладил на Опытном заводе производство изделий для Красной Армии, партизан и разведчиков, приступил к изготовлению препаратов для госпиталей.⁵⁷

Специальная оборонная комиссия, созданная в Институте инженеров железнодорожного транспорта, за небольшой промежуток времени передала военным организациям и железным дорогам Ленинградского узла около 40 цен-

⁵³ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 42—43. ААН, разряд VI, оп. 5, № 60.

⁵⁴ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 52—53.

⁵⁵ В сентябре 1943 г. Академия наук СССР избрала С. Н. Ушакова членом-корреспондентом.

⁵⁶ «Правда» от 11 апреля 1942 г., № 101, стр. 2; Ф. И. Сирота. Ленинград — город-герой, стр. 125.

⁵⁷ В. С. Шпак, В. А. Иванов. Государственный институт прикладной химии — первый химический институт Советского Союза. В кн.: «Химия. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957». Госхимиздат, Л., 1957, стр. 48—49.

ных предложений, поступивших от ученых этого вуза.⁵⁸ Свыше 50 ученых Института работали в качестве инструкторов, инженеров и техников на производстве. Лаборатории Института, его мастерские и исследовательские бюро трудились над выполнением оборонных заданий. Группе сотрудников под руководством профессора Н. Н. Костромина было поручено спроектировать и смонтировать специальный агрегат для одной из железных дорог. В мирное время изготовление такого агрегата потребовало бы не менее трех-четырех месяцев, ученые же, работавшие в обстановке фронтового города, справились с возложенным на них поручением за неделю.

Не жалея своих сил, выполняли ответственные оборонные задания член-корреспондент Академии наук СССР Н. М. Беляев, профессора А. Е. Алексеев (ныне член-корреспондент Академии наук СССР), Я. М. Гаккель, Г. П. Передерий, А. А. Сурин и многие другие ведущие ученые Института. В механической лаборатории велись исследования металла, бетона и других материалов по тематике, предложенной командованием Ленинградского фронта. На нужды фронта работали и учебно-производственные мастерские Института.⁵⁹

Сознавая большую ответственность перед страной, ученые Кораблестроительного института усилили помощь предприятиям судостроительной промышленности. «Мне ближе всего известна техника кораблестроения, — писал академик В. Л. Поздюнин в начале июля 1941 г. — Я полагаю, что кораблестроителям следует особое внимание уделить сейчас технике ремонта кораблей и максимальному сокращению его продолжительности. Многие могут сделать кораблестроители и для обеспечения армии средствами переправы через водные рубежи».⁶⁰

⁵⁸ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 285—286.

⁵⁹ «Ленинградская правда» от 15 июля 1941 г., № 167, стр. 3; К. Г. Протасов, М. И. Воронин. Роль ЛИИЖТа в развитии транспортной науки, железных дорог и строительства в нашей стране. В кн.: «Железнодорожный транспорт. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957». Гидрометеосиздат, Л., 1957, стр. 45—46.

⁶⁰ «Ленинградская правда» от 5 июля 1941 г., № 158, стр. 2.

В ответ на предложения Кораблестроительного института об оказании помощи предприятиям 1 июля 1941 г. один из заводов выдвинул перед ним 14 проблем оборонного характера, для решения которых была образована бригада в составе 19 ученых. В бригаду вошли заведующий кафедрой теории механизмов и машин П. Н. Гудков, заведующий кафедрой технологии судостроения В. К. Дормидонтов, заведующий кафедрой судовых паровых котлов С. И. Кузьмин и др. В результате напряженной работы бригада уже в августе 1941 г. сумела в значительной мере выполнить поставленные перед ней задачи.

27 июля 1941 г. в осуществление указаний Октябрьского районного комитета партии Институт организовал бригаду консультантов райкома по оборонным техническим вопросам. В составе бригады работали академик В. Л. Поздюнин, профессора М. М. Глаголев, А. Н. Митинский и Н. Е. Путов. Оборонные задания выполняли профессор А. Н. Митинский, доценты В. И. Кадыков, П. Ф. Миклухин и другие члены кафедры сопротивления материалов. Оборонная тематика разрабатывалась и бригадой ученых, созданной на кафедре судовых двигателей внутреннего сгорания. Немало ученых-кораблестроителей проводили исследования непосредственно на предприятиях судостроительной промышленности.⁶¹

В лабораториях Электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина) было налажено производство специальных приборов для военных целей. Лаборатория высокочастотной электротехники, во главе которой стоял член-корреспондент Академии наук СССР профессор В. П. Володин, занималась высокочастотной закалкой различных деталей по заказам военных организаций. Под руководством профессора С. Я. Соколова в лаборатории электроакустики производились дефектоскопы.⁶² В апреле 1942 г. «за изобретение метода ультразвуковой дефектоскопии» С. Я. Соколову была присуждена Государственная премия.⁶³

О характере деятельности Астрономического института Академии наук СССР говорит следующее письмо,

⁶¹ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 104—106.

⁶² 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 114.

⁶³ «Правда» от 11 апреля 1942 г., № 101, стр. 2.

поступившее в Институт в июле 1941 г.: «Ленинградская Геодезическая часть Народного Комиссариата Оборона свидетельствует, что Вычислительное бюро Астрономического института силами своих сотрудников, используя свои материалы, пособия и аппаратуру, выполнило для части большую работу по особому заданию штаба Северного фронта, имеющую важное оборонное значение».⁶⁴

С большим энтузиазмом работали ученые в области общественных наук. 30 июня 1941 г. на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР обсуждался вопрос: «Итоги полугодия и наши задачи». Как докладчик заведующий Отделением профессор М. В. Левченко, так и выступавшие в прениях академик Н. С. Державин, профессор А. И. Молок, старшие научные сотрудники Ш. М. Левин и И. И. Смирнов говорили о задачах ученых-историков в условиях военного времени.⁶⁵

Группа сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР под руководством академика Е. В. Тарле и доктора исторических наук А. В. Предтеченского работала в те дни над подготовкой к печати сборника документов об Отечественной войне 1812 г., материалы для которого собирались еще в начале 1941 г. Сборник был подписан к печати 15 июля 1941 г.

Выход в свет книги «Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов», воссоздавшей одну из наиболее ярких страниц героической истории русского народа, был в июле 1941 г. более чем своевременным. Открывавшая книгу статья профессора А. В. Предтеченского «Отечественная война 1812 г.» убеждала в том, что конец фашистских армий будет еще более плачевным, нежели войск Наполеона, посягнувших сто с лишним лет тому назад на свободу русского народа. Статья, под которой стояла дата — 8 июля 1941 г., заканчивалась словами: «Тесно сплоченный вокруг Коммунистической партии и Советского правительства великий и могучий советский народ разгромит врага и освободит человечество от кровавого кошмара».⁶⁶

⁶⁴ ААН, ф. 2, оп. 18, № 14, л. 1.

⁶⁵ ААН, ф. 133, оп. 1, № 1643, лл. 163—182.

⁶⁶ Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Изд. АН СССР, Л.—М., 1941, стр. XXIV.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА

Отечественная война 1812г.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Составлен научными сотрудниками Ленинградского отделения
Института истории профессором А. В. Предтеченским,
А. Н. Васильевым и Б. В. Фрейдлиным.

Под редакцией акад. Е. В. Тарас,
проф. А. В. Предтеченского и
канд. истор. наук Е. И. Бочкаревой

Издательство Академии Наук СССР

Ленинград, 1961 г. Москва

Титульный лист книги «Отечественная война 1812 г.»

Много сил и энергии ученые-историкки отдавали пропагандистской и лекционной работе. На состоявшемся 26 июня 1941 г. заседании группы новой истории Ленинградского отделения Института истории рассматривался в качестве одного из пунктов повестки дня вопрос об участии членов группы в написании научно-популярных брошюр для красноармейцев. На заседании присутствовали профессор О. Л. Вайнштейн, М. В. Левченко, А. И. Молок и старший научный сотрудник Р. М. Тонкова. Председательствовал на нем академик Е. В. Тарле. Сохранившаяся протокольная запись выступления Е. В. Тарле позволяет видеть, насколько серьезно он подходил к работе по подготовке научно-популярных брошюр для воинов Красной Армии. Е. В. Тарле говорил: «Принципиально группа считает это поручение (написание научно-популярных брошюр, — А. К.) очень почетным. Писать маленькие книжки очень трудно. Слишком общие темы скучны, надо подбирать конкретные факты, с учетом того, что теперешние красноармейцы и краснофлотцы очень требовательные читатели. Им нельзя преподносить известные и избитые факты, их надо развлечь, дать им соответствующую зарядку и сообщить наименее известные подробности».⁶⁷

Брошюры академика Е. В. Тарле — «Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона», члена-корреспондента АН СССР Н. К. Пиксанова — «Русская художественная литература о всенародной борьбе с Наполеоном», профессора В. В. Данилевского — «Фашизм — заклятый враг науки и культуры», профессора В. В. Мавродина — «Ледовое побоище», изданные массовым тиражом в 1941 г., звали бойцов Красной Армии на борьбу с врагом, внушали им уверенность в неизбежности разгрома фашизма. В брошюре Б. М. Кочакова, Ш. М. Левина, А. В. Предтеченского — «Великое народное ополчение», вышедшей в свет в августе 1941 г., рассказывалось о роли народного ополчения в разгроме Наполеона, сообщались интересные сведения о формировании ополчения в Ленинграде в июне-июле 1941 г.

Значительную часть июльского номера журнала Обкома и Горкома ВКП(б) «Пропаганда и агитация» зани-

⁶⁷ ААН, ф. 133, оп. 1 (1941), № 1660, л. 23.

Малы статьи, посвященные героическому прошлому русского народа. Здесь были опубликованы статьи А. В. Предтеченского, Ш. М. Левина, Б. М. Кочакова — «Всемирная Отечественная война», профессора В. В. Мавродина — «Немецкие „псы-рыцари“ и их фашистские потомки», профессора А. И. Молока — «Народ, разгромивший Наполеона, разгромит и Гитлера».⁶⁸

Ученых часто можно было встретить в воинских частях и госпиталях, на предприятиях и учреждениях, где они выступали с лекциями. В конце июля 1941 г. Политическое управление Северо-Западного фронта мобилизовало старших научных сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР С. И. Ковалева, Ш. М. Левина и А. В. Предтеченского для проведения агитационной и лекционной работы в подразделениях действующей Красной Армии.⁶⁹ Много лекций читали профессора О. Л. Вайнштейн, Д. П. Каллистов, Н. А. Корнатовский, В. В. Мавродин, А. И. Молок и др.

На лекциях о Великой Отечественной войне, о героическом прошлом русского народа, о мракобесии и варварстве фашистов, которые читались научными сотрудниками Музея истории религии Академии наук СССР, присутствовало свыше 4500 слушателей. В конце июня 1941 г. сотрудники Музея подготовили выставку на тему: «Уничтожим фашистское варварство», которую за два месяца осмотрели 7780 экскурсантов.⁷⁰

Какое бы научное учреждение мы ни назвали, всюду ученые работали так, как этого требовала обстановка военного времени.

В августе 1941 г. вышла в свет «Грамматика турецкого языка», подготовленная заведующим Тюркологическим кабинетом Института востоковедения А. Н. Кононовым (ныне членом-корреспондентом Академии наук СССР). По заданию Политического управления Красной Армии Институт составил географо-этнографические справочники по странам Востока — Индии, Японии, Китаю, Корее, Тур-

⁶⁸ «Пропаганда и агитация», 1941, № 13, стр. 14—28.

⁶⁹ ААН, ф. 133, оп. 1 (1941), № 1670, л. 2.

⁷⁰ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, лл. 83—86.

ции и др., а также подготовил серию небольших русско-восточных словарей и разговорников.⁷¹

Первые месяцы войны убедительно показали, что, ученые, как и все ленинградцы, полны решимости разгромить врага, защитить родной город от фашистских полчищ. С тревогой и болью в сердце видели они, что военное положение Ленинграда с каждым днем ухудшалось.

20 августа 1941 г. состоялось собрание партийного актива города. Оно прошло под знаком мобилизации коммунистов, всех трудящихся Ленинграда на борьбу с врагом.⁷²

21 августа 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала обращение руководителей обороны Ленинграда «Кю всем трудящимся города Ленина». «Над нашим родным и любимым городом, — говорилось в обращении, — нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск».⁷³ Руководители обороны Ленинграда призывали трудящихся создавать в помощь Красной Армии новые отряды народного ополчения, больше производить вооружения и боеприпасов для фронта, овладевать средствами противовоздушной и противохимической защиты. Они выражали твердую уверенность в том, что «ленинградские рабочие, все трудящиеся города Ленина с честью выполнят свой долг перед Родиной, не дадут врагу застать себя врасплох, все свои силы отдадут делу обороны Ленинграда и, верные своим славным революционным традициям, наголову разобьют нахального и дерзкого врага».⁷⁴

Смертельная опасность, угрожавшая Ленинграду, удесятерила силы его жителей. Рабочие, служащие, интеллигенция, домашние хозяйки — все, охваченные единым патриотическим порывом, встали на защиту города. В боевых рядах защитников Ленинграда почетное место заняли и его ученые.

То, что очень многие ученые добровольно ушли на фронт, вступили в народное ополчение, красноречиво свидетельствовало о высоком понимании ими своего пат-

⁷¹ ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 47, лл. 7—8.

⁷² Д. В. Павлов, ук. соч., стр. 10.

⁷³ «Ленинградская правда» от 21 августа 1941 г., № 199, стр. 1.

⁷⁴ Там же.

риотического долга перед страной и народом. Деятели науки Ленинграда — крупнейшего научного центра мира — показали свою полную готовность с оружием в руках отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и тем самым спасти мировую науку и культуру от угрозы фашистского порабощения.

Стремление ученых максимально быстрее помочь фронту и тылу нашло свое отражение также в том, что за сравнительно короткий срок, уже в первые недели войны деятельность научных учреждений Ленинграда была перестроена и подчинена требованиям военного времени. Как представители старшего поколения ученых — широко известные в научном мире исследователи, — так и молодые научные работники — все переключились на изучение проблем, вызванных к жизни потребностями фронта и тыла.

Глава II

НАЧАЛО БЛОКАДЫ

(сентябрь—ноябрь 1941 г.)

В суровых условиях встретили ленинградцы сентябрь 1941 г. 4 сентября по городу ударили первые фашистские выстрелы из 240 мм орудий.¹ Ночью 6 сентября авиации противника впервые удалось прорваться к Ленинграду и сбросить бомбы на его жилые дома, проспекты, улицы и площади.² 8 сентября, совершив массированный налет на город, самолеты врага сбросили 6327 зажигательных бомб. В тот же день, 8 сентября, произошло событие, резко ухудшившее военное положение Ленинграда: захватив расположенный в устье Невы город Шлиссельбург (Петрокрепость), фашисты блокировали Ленинград с суши.³

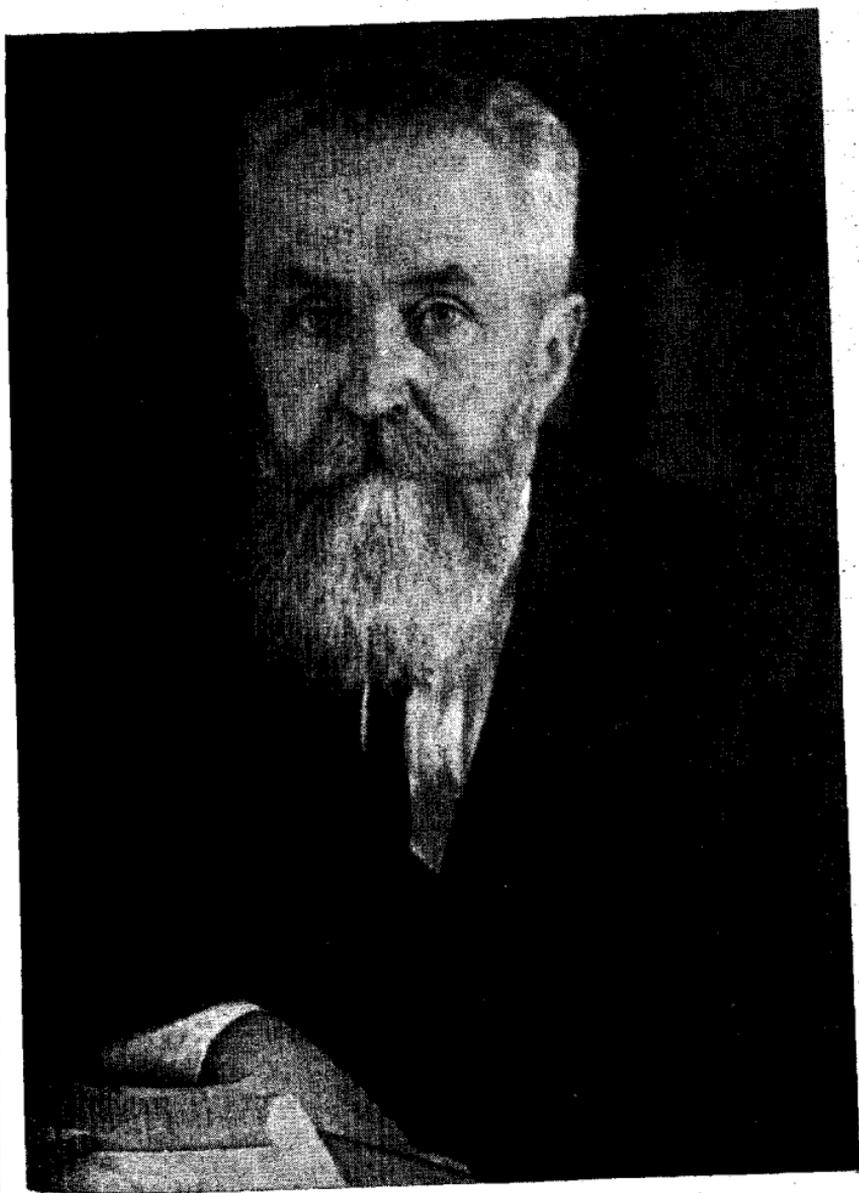
1 сентября — начало учебного года в вузах. В мирное время этот день, когда после летних каникул студенты, профессора и преподаватели снова входили в аудитории, кабинеты и лаборатории, был для всех них подлинным праздником. В научных учреждениях в сентябре обычно проводились первые после летних отпусков заседания ученых советов, секторов, групп, слушались доклады ученых по тем или иным проблемам науки.

1 сентября 1941 г. начались занятия в Университете, на первых курсах 1-го и 2-го Медицинских институтов, на первых курсах Педиатрического и Инженерно-строитель-

¹ Д. В. Павлов, ук. соч., стр. 24.

² Ф. И. Сирота. Город-герой. В кн.: «Город великого Ленина», стр. 104.

³ Д. В. Павлов, ук. соч., стр. 17, 25.

Академик И. Ю. Крачковский. Фотография 1940-х годов.

ного институтов и многих других вузов города.⁴ (Занятия на остальных курсах вузов начались 1 августа).⁵ Коллектив Института инженеров железнодорожного транспорта пополнился 270 новыми студентами, принятыми в вуз осенью 1941 г. Учебный год в Институте начался 15 сентября. «Партия и правительство, — отмечалось в приказе по Институту, — нашли необходимым в столь суровые и героические дни, переживаемые Ленинградом, дать возможность студенчеству заниматься. Долг каждого студента, каждого преподавателя — работать упорно, установить железную военную дисциплину в своем труде, помнить о том, что отличной учебой мы должны выполнить задание правительства».⁶ Посуровели лица профессоров и студентов. В аудиториях во время лекций стояла напряженная тишина: студенты с большим вниманием слушали каждое слово преподавателей. Учебный год в вузах начался исключительно организованно.

В научных институтах в нараставшем темпе продолжались исследовательские работы, созывались заседания ученых.

6 сентября 1941 г. под председательством академика В. В. Струве состоялось научное заседание в Институте востоковедения Академии наук СССР. На нем ученые обсудили сообщение академика И. Ю. Крачковского об источнике «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского. Выступившие в прениях академики В. В. Струве, В. М. Алексеев, а также сотрудники Института А. Н. Кононов и П. П. Иванов дали высокую оценку сообщению И. Ю. Крачковского.⁷ 12 сентября сотрудники Института востоковедения вновь собрались на заседание. На этот раз они слушали сообщение академика В. М. Алексеева — «Поэма о художнике — Хуан-Юэ».⁸

Регулярно проходили заседания группы членов Президиума Академии наук СССР в составе академиков

⁴ «Ленинградская правда» от 2 сентября 1941 г., № 209, стр. 4; Ленинградский ордена Трудового Красного знамени инженерно-строительный институт за 125 лет, стр. 47.

⁵ «Ленинградская правда» от 2 августа 1941 г., № 183, стр. 4.

⁶ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 289.

⁷ ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 11, лл. 6—7.

⁸ Там же, л. 3.

И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели и П. И. Степанова, которая начиная с августа 1941 г. осуществляла руководство ленинградскими учреждениями Академии наук СССР.

В сентябре 1941 г. академики И. И. Мещанинов, Л. А. Орбели и П. И. Степанов подробно информировали руководителей обороны Ленинграда о положении ленинградских учреждений Академии наук.⁹ А положение это становилось все более тяжелым.

В сентябре 1941 г. на здания Академии наук и многих вузов упали первые вражеские бомбы.

В ночь с 10 на 11 сентября 1941 г. враг сбросил на здание Библиотеки Академии наук две зажигательные бомбы. Одна из них упала на крышу здания, другая — во внутренний двор. Обе бомбы были потушены студенческой бригадой и сотрудниками Библиотеки, находившимися на дежурстве.¹⁰ В ту же ночь 20 зажигательных бомб были сброшены на территорию Университета и две бомбы — на здание Зоологического института АН СССР, но дежурившие в Университете и Институте сотрудники быстро обезвредили их.¹¹ В сентябре на крышу Горного института упало свыше 100 зажигательных бомб, но благодаря мужеству и находчивости команд МПВО не возникло ни одного пожара. Несколько зажигательных бомб потушил старейший профессор Института Н. Г. Келль.¹²

В октябре 1941 г. налеты вражеской авиации на Ленинград усилились. 100-килограммовая зажигательная бомба была сброшена в ночь с 7 на 8 октября на здание химического факультета Университета. Разрушив часть крыши и потолка 4-го этажа, бомба упала в лабораторию физиологии растений. Мгновенно вспыхнул пожар. Но сотрудники химического факультета, в том числе профессор А. С. Броун, сумели быстро потушить его.¹³

О том, сколько беспокойства причиняли налеты авиации противника, дает представление следующий пример. В ночь с 17 на 18 октября 1941 г. дежурившие в Зоологи-

⁹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1941), № 4, лл. 43, 132.

¹⁰ Там же, оп. 2 (1941), № 6, л. 134.

¹¹ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 157; ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 28, л. 92.

¹² Е. Л. Гороховский, ук. соч., стр. 115.

¹³ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 157.

ческом институте сотрудники четыре раза поднимались по воздушной тревоге. Первая тревога началась в 19 часов 10 минут, окончилась в 19 часов 55 минут, вторая тревога началась в 20 часов 55 минут, окончилась в 21 час 20 минут, третья тревога продолжалась с 22 часов 23 минут до 23 часов, четвертая — с 23 часов 12 минут до 23 часов 45 минут. Во время четвертой тревоги на площадь перед Институтом было сброшено много зажигательных бомб, 24 бомбы упали на чердак Института. Дежурные быстро потушили бомбы и предотвратили пожар. В числе дежуривших находились доктор биологических наук В. И. Громова, Г. У. Линдберг, А. С. Мончадский, Л. А. Портенко, И. А. Рубцов, А. Н. Световидов (ныне член-корреспондент Академии наук СССР), С. А. Чернов и др.¹⁴ В ту же ночь большое количество зажигательных бомб упало на здания Университета и Юридического института, но все бомбы были быстро потушены.¹⁵

18 октября 1941 г. в результате попадания зажигательных бомб возник пожар в башне Кунсткамеры. Пожар был ликвидирован при активном участии научного сотрудника Института этнографии Д. А. Ольдерогге (ныне члена-корреспондента Академии наук СССР).¹⁶

Перед лицом опасности, угрожавшей жизни людей и сохранности научных ценностей, были приняты меры к усилению противовоздушной обороны и укреплению трудовой дисциплины. Так, на состоявшемся 12 октября 1941 г. общем собрании группы самозащиты Музея истории религии Академии наук СССР директор этого научного учреждения Ю. П. Францев (ныне член-корреспондент Академии наук СССР) призывал сотрудников всегда быть в состоянии боевой готовности, говорил о необходимости укрепления трудовой дисциплины и проведении лекционной работы в частях Красной Армии и среди населения.¹⁷

Налеты вражеской авиации и артиллерийские обстрелы были тяжелым испытанием для ученых, но они

¹⁴ ААН, ф. 55, оп. 1 (1944), № 3, л. 17.

¹⁵ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 157.

¹⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 29, л. 92; ф. 142, оп. 1 (1943), № 18, л. 83.

¹⁷ ААН, ф. 221, оп. 1, № 231, л. 179.

с честью его выдерживали. Вскоре на долю ученых, как и всех ленинградцев, выпало еще более тяжелое, мучительное испытание — голод.

В связи с блокадой подвоз продовольствия в Ленинград был крайне затруднен, а то и просто невозможен. Это привело к непрерывному ухудшению снабжения населения продуктами первой необходимости. Если с 16 июля 1941 г. рабочим выдавалось 800 граммов хлеба в сутки, а служащим — 600 граммов, то со 2 сентября рабочие стали получать 600 граммов хлеба, а служащие — 400 граммов. 11 сентября норма выдачи хлеба рабочим была сокращена до 500 граммов, служащим — до 300. С 1 октября рабочим выдавалось 400 граммов хлеба, служащим — 200 граммов.¹⁸

Научные работники снабжались по нормам служащих.¹⁹ Правда, постановлением Ленсовета от 29 октября 1941 г. столовые Дома ученых им. А. М. Горького АН СССР и клуба ученых Политехнического института им. М. И. Калинина приравнивались к столовым предприятий оборонного значения, поскольку, как отмечалось в постановлении, «ленинградские ученые выполняют научно-исследовательские и практические работы оборонного значения».²⁰ Однако эта мера не могла существенно улучшить снабжение ученых, хотя бы потому, что упомянутые столовые смогли обслуживать лишь небольшую часть оставшихся в Ленинграде научных работников.

В сентябре-октябре 1941 г. со всей остротой встал вопрос об эвакуации ученых из осажденного города. Вывести их из Ленинграда было весьма нелегко. Трудности состояли не только в том, что в те дни возможность массовой эвакуации вообще была исключена, но и в том, что многие ученые не хотели покидать родной город. Они страстно желали работать каждый на своем посту и с нетерпением ждали того дня, когда фашистские войска будут отброшены от Ленинграда.

В Архиве Академии наук СССР сохранилась записка академика С. А. Жебелева, из которой видно, что ученый,

¹⁸ Ленинград в Великой Отечественной войне — Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I, стр. 119.

¹⁹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. Лениздат, Л., 1942, стр. 207—208.

²⁰ ААН, ф. 349, оп. 1 (1941), № 23, л. 21.

несмотря на настойчивые предложения руководства Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где он состоял в штате, не собирався оставлять привычную работу и покидать Ленинград.

18 сентября 1941 г. С. А. Жебелев был приглашен в Смольный к заместителю председателя Ленсовета Б. М. Мотылеву. Когда Мотылев предложил академику немедленно эвакуироваться, С. А. Жебелев ответил на это отказом. «Скажу откровенно, — заявил он заместителю председателя Ленсовета, — эвакуироваться я не предполагал. И причины этого следующие. Прежде всего, я человек старый — мне 74 года — и не совсем здоровый, и предпринимать всякого рода далекие путешествия мне далеко не улыбается... Я человек, пригодный исключительно для научных занятий. Мне нужны книги. Хорошо еще, если меня оставят в Москве, где имеются библиотеки. Но что я буду делать в городе, где нет библиотеки?». Мотылеву пришлось терпеливо и настойчиво убеждать ученого в необходимости эвакуации, и, наконец, С. А. Жебелев согласился вылететь из Ленинграда.

19 сентября 1941 г. С. А. Жебелев вместе с академиком Н. С. Державиным отправились в автомашине на аэродром. Не доехав до него, ученые услышали сильные взрывы — то враг бомбил аэродром. Машина академиков была остановлена, а их вылет из Ленинграда перенесен на другой срок. В последующее время С. А. Жебелеву не раз предлагали эвакуироваться, но он категорически отказывался это сделать.²¹

Академик А. А. Ухтомский в первые дни войны намеревался эвакуироваться, но сначала отправил оборудование своей лаборатории и некоторых ее сотрудников, а потом, несмотря на неоднократные предложения вылететь самолетом, решительно отклонил эти предложения.²²

Изо дня в день откладывал свой отъезд из Ленинграда академик А. А. Байков. 25 сентября 1941 г. в его адрес поступила следующая телеграмма из Свердловска (где размещались многие учреждения Академии наук СССР) от президента Академии наук академика В. Л. Комарова:

²¹ ААН, ф. 729, оп. 1, № 50, лл. 1—7.

²² В. Л. Меркулов. Конспект одной речи о Ленине, стр. 81—82.

Крайне желателен Ваш срочный приезд в Свердловск для работы в Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны — по вопросам переработки уральских бокситов». ²³ Однако А. А. Байков еще свыше месяца продолжал оставаться в Ленинграде.

Академик П. И. Степанов эвакуировался из Ленинграда в октябре 1941 г. лишь после того, как под его непосредственным наблюдением были завершены работы по обеспечению безопасности и сохранности экспонатов Центрального геолого-разведочного музея им. академика Ф. Н. Чернышева. ²⁴

Академики И. И. Мещанинов и Л. А. Орбели были отозваны из Ленинграда в октябре 1941 г. по распоряжению правительства. Академики Е. Н. Павловский и С. А. Зернов эвакуировались также в октябре 1941 г. ²⁵

28 октября 1941 г. Совет по эвакуации при Совете Народных Комиссаров СССР разрешил Президиуму Академии наук вывезти из города 1100 научных сотрудников и членов их семей. Он предложил Президиуму Академии наук обеспечить немедленную эвакуацию самолетами 200 наиболее крупных ученых. В постановлении Совета по эвакуации содержалось также указание о вывозе из Ленинграда наиболее ценного имущества и оборудования академических институтов — Физиологического им. И. П. Павлова, Зоологического, Ботанического, Истории материальной культуры, Языка и мышления, Отделения Математического института, Отделения Института истории и др. ²⁶

Во исполнение этого постановления многие ученые были вывезены из Ленинграда в глубокий тыл. Отправлялось из города и научное оборудование.

В середине октября 1941 г. были приняты меры для спасения оставшихся в Пулковской обсерватории уникальных приборов. По инициативе Политического управления Ленинградского фронта и Ленинградского город-

²³ ААН, ф. 4, оп. 2 (1941), № 17, л. 90.

²⁴ Материалы к биобиблиографии ученых СССР. П. И. Степанов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 9.

²⁵ ААН, ф. 2, оп. 18, № 10, лл. 5, 11; ф. 4, оп. 2 (1943), № 28, л. 78.

²⁶ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 133.

ского совета между 13 и 16 октября 1941 г. было совершено несколько поездок в Пулково, чтобы вывезти из Обсерватории приборы и собрания Фундаментальной библиотеки. Первую поездку, организованную в ночь на 13 октября, возглавлял батальонный комиссар В. А. Герасимов. Один из участников поездки известный астроном А. Н. Дейч так рассказывал о ее результатах. «Центральный часовой подвал, куда была сложена основная часть книг, сохранился, — писал А. Н. Дейч. — Однако в толчке была дыра, пробитая снарядом. Книги в хаотическом беспорядке лежали горой. С трудом был найден ящик с инкунабулами, который и удалось вывезти в эту поездку. Машина не могла подняться на гору, так как дорога, огибающая Обсерваторию, не была разведана. Книги были снесены на руках и погружены на грузовик, ожидавший нас примерно в полукилометре от Обсерватории».²⁷

Интерес представляет неопубликованная записка профессора Н. Н. Павлова, заведовавшего отделом службы времени Астрономической обсерватории, о его последней поездке в Пулково. Поездка, в которой принимал участие Н. Н. Павлов, состоялась в ночь с 16 на 17 октября 1941 г. Автоколонной из 5 грузовых автомашин, направлявшихся в Пулково, по-прежнему командовал В. А. Герасимов. Не доехав 1,5 километров до Обсерватории, автоколонна вынуждена была остановиться: ее заметил и обстрелял противник. Люди вышли из машин и залегли в канаву, где находились до тех пор, пока не прекратился обстрел. Затем автоколонна доехала до Обсерватории, и извлеченные из ее часового подвала книги и инструменты были погружены на машины. Автоколонна направилась в обратный путь, но обстрел противника преградил ей дорогу. Переждав обстрел, автоколонна благополучно вернулась в Ленинград.²⁸

О труде и быте ученых в первые месяцы блокады сохранилось немало документов. Но, пожалуй, наиболее волнующим среди них является заметка ученицы И. П. Павлова профессора М. К. Петровой «Ни на минуту не уходим с поста», опубликованная в газете «Известия»

²⁷ ААН, ф. 4, оп. 2 (1941), № 5, л. 138.

²⁸ ААН, научно-методический кабинет, папка № 6.

3 октября 1941 г. М. К. Петрова писала: «Бомба, брошенная с вражеского самолета, разорвалась вблизи моей лаборатории. Осколки в трех местах пробили стену и попали во внутреннее помещение. Но спустя несколько часов мы уже вернулись на свои места и продолжали заниматься своим делом. В кабинете, где я сейчас сижу, работал великий русский ученый Иван Петрович Павлов. Вот и сейчас здесь стоит его кресло, на котором свыше 20 лет сидел Иван Петрович. В грозные дни Отечественной войны невольно вспоминается образ этого замечательного патриота и гражданина. Иван Петрович всегда внушал своим ученикам: „Ученый никогда не должен бояться опасности“. И, следуя его заветам, двигая советскую науку вперед, мы ни на минуту не уходим со своего поста. Мы смотрим уверенно и бодро в будущее. Мы не страшимся опасности, ибо глубоко убеждены в нашей победе».²⁹

С гневом и возмущением писала М. К. Петрова о фашистских разбойниках, сбрасывавших бомбы на прекрасный город. «Никогда не вступить фашистам в Ленинград! Мы сумеем защитить нашу твердыню от мракобесов и человеконенавистников. Мы твердо верим в свои силы, в свою армию, в своих героев, мужественно отбрасывающих неприятеля с подступов к Ленинграду. И эта вера еще более вдохновляет, окрыляет на трудовые подвиги. Никогда еще не хотелось так много делать, как теперь, в дни героической обороны Ленинграда».³⁰

15 октября 1941 г. в печати было опубликовано приветственное письмо ученых Университета, направленное ими антифашистскому митингу советских ученых, состоявшемуся в Москве. Письмо, под которым стоят подписи академиков А. А. Байкова, И. Ю. Крачковского, И. И. Мещанинова, А. А. Ухтомского, членов-корреспондентов Академии наук СССР П. А. Землячского, И. И. Толстого, профессоров А. А. Вознесенского, Д. И. Дейнеки, И. И. Жукова, С. В. Калесника, Д. Н. Кашкарова, С. С. Кузнецова, В. В. Мавродина, А. В. Немилова, А. П. Рифтина и др., отражает настроение ученых Университета в те дни. «Старинный распад

²⁹ «Известия» от 3 октября 1941 г., № 234, стр. 2.

³⁰ Там же.

ник русской культуры — Ленинградский университет, прославленный именами Менделеева, Бутлерова, Сеченова, Ковалевского, Павлова и других корифеев науки, отдает все свои силы, всю свою энергию на защиту любимого города и родной страны, — писали ученые. — Уничтожение кровавого гитлеризма является необходимой предпосылкой для развития и дальнейшего процветания науки, служащей человечеству, науки созидающей, науки истинного гуманизма».³¹

Широк и многообразен круг проблем, которые разрабатывались учеными Ленинграда.

Академик В. А. Фок и его сотрудники занимались составлением таблиц стрельбы и проводили много других работ оборонного характера. Ученых не раз благодарили артиллеристы Красной Армии и Военно-Морского флота.³²

На химическом факультете Университета под руководством академика А. А. Байкова работала специальная комиссия, помогавшая заводам в производстве оружия и боеприпасов. 1 октября 1941 г. Университет организовал мастерскую, в которой над изготовлением требовавшихся фронту материалов трудилось около 100 профессоров, преподавателей и студентов.

Ученые географического факультета вели исследования в области картографии и метеорологии, на геологическом факультете разрабатывались методы ускоренного выращивания пьезокристаллов, способы укрепления грунтовых оснований и другие темы, имевшие оборонное значение.³³

Кипучую деятельность развил академик А. А. Байков. Ученый ездил на полигон, где оказывал практическую помощь защитникам города, консультировал заводы, занимался также вопросами, связанными с укреплением противовоздушной обороны и сохранением жилищного фонда Ленинграда.³⁴

³¹ «Ленинградская правда» от 15 октября 1941 г., № 246, стр. 1.

³² Материалы к биобиблиографии ученых СССР. В. А. Фок. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 7; «Правда» от 25 декабря 1941 г., № 357, стр. 3.

³³ Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947, стр. 54—55.

³⁴ Материалы к биобиблиографии ученых СССР. А. А. Байков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 17.

Активизировалась работа Ленинградского отделения Всесоюзного научного инженерно-технического общества. Оно организовало подвижные авторемонтные мастерские, которые ремонтировали и восстанавливали вышедшую из строя технику воинских частей. Число таких мастерских достигало 74, и они успешно действовали на многих участках Ленинградского фронта. Научно-техническое руководство работой мастерских осуществляла комиссия в составе доктора технических наук А. К. Зайцева, профессора А. И. Чистякова и других ученых.³⁵ Ответственные задания по строительству оборонительных сооружений вокруг Ленинграда выполняли профессор В. П. Петров, доценты И. П. Александров, С. С. Галушкевич и др. Бригада ученых, возглавлявшаяся профессором Н. Н. Лукиным, сумела решить задачу использования местного топлива на транспортном узле.³⁶

Ученые Физико-агрономического института под руководством профессора Ф. Е. Колясева разработали биотехнологический процесс и предложили способы производства новых гидроизоляционных материалов в заводском масштабе. В лаборатории светобиологии, возглавлявшейся профессором В. П. Мальчевским, велись исследования по выращиванию овощей при электрическом освещении в условиях осени и зимы.³⁷

В лабораториях Политехнического института и Физико-технического института АН СССР под руководством академика-корреспондента АН СССР М. А. Шателена было налажено производство селеновых выпрямителей для военных целей.³⁸ В ноябре 1941 г. старший научный сотрудник Физико-технического института М. В. Гликина создала новый препарат для лечения газовой гангрены, возникающей при ранениях. Применение этого препарата позволило спасти жизнь многим раненым.³⁹

Обеспечение питанием ленинградцев было самой животрепещущей проблемой блокированного города. От ее

³⁵ «Известия» от 12 октября 1941 г., № 242, стр. 3; А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 123.

³⁶ Там же, стр. 126, 138.

³⁷ «Известия» от 3 октября 1941 г., № 234, стр. 3.

³⁸ М. А. Шателен. Библиографический указатель. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 54.

³⁹ П. П. Кобеко. Ученые фронту. «Ленинградская правда» от 16 июня 1945 г., № 138, стр. 3.

решения зависела жизнь многих сотен тысяч советских людей. И в первые же месяцы блокады творческая мысль ученых обратилась к решению задач, связанных со снабжением населения продовольствием.

От довоенного времени в порту скопилось немало целлюлозы, которая была заготовлена для бумажных фабрик. И, стремясь помочь голодавшему населению, группа ученых и инженеров во главе с профессором В. И. Шарковым задалась целью — превратить целлюлозу в пищевой продукт. Инициативу ученых горячо поддержал Горком ВКП(б), оказавший им большую помощь в трудном и сложном деле.

Не жалея сил, работали ученые, и кропотливый труд их не пропал даром: после гидролиза стало возможным использовать целлюлозу в пищу. В конце ноября 1941 г., благодаря исследованиям ученых, целлюлоза уже стала добавляться как примесь к хлебу.⁴⁰

Спустя много лет, в июне 1957 г., когда отмечалось 250-летие со дня основания Ленинграда, на юбилейном совещании работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники города-героя с докладом, посвященным развитию гидролизной промышленности в Ленинграде, выступал профессор В. И. Шарков.

«В период блокады Ленинграда, — говорил В. И. Шарков, — значительная часть оборудования Гидролизного завода была эвакуирована на восток. Несмотря на это, в наиболее тяжелое время блокады завод был частично восстановлен и вырабатывал на основе гидролиза древесины и целлюлозы этиловый спирт, пищевые дрожжи, гидроцеллюлозу, применявшуюся как примесь к хлебу в 1941—1942 гг. Аналогичные цеха по производству гидроцеллюлозы были созданы при Пивоваренном заводе им. Степана Разина, фабрике Гознак, второй мармеладной фабрике и в других местах. Гидроцеллюлоза на этих установках получалась из хлопка и древесной целлюлозы путем их частичного гидролиза горячей разбавленной серной кислотой. Эти работы также велись под руководством научных сотрудников Научно-исследовательского

⁴⁰ Д. В. Павлов, ук. соч., стр. 52—53.

гидролизного института (ВНИИГС) и Лесотехнической академии (В. И. Шарков)».⁴¹

В приведенных строках В. И. Шарков кратко, но ясно говорит о технологии производства гидроцеллюлозы, разработанной учеными в период блокады. Но автор из понятного чувства скромности обходит молчанием то обстоятельство, что только инициатива и энергия ученых помогли в столь короткие сроки добиться превращения целлюлозы в пищевой продукт. То, что сделали профессор В. И. Шарков и его помощники в октябре-ноябре 1941 г., с полной справедливостью может быть названо подвигом. В ноябре 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил В. И. Шаркова орденом Трудового Красного Знамени «за образцовое выполнение заданий Правительства по снабжению продуктами питания Красной Армии и Военно-Морского флота».⁴²

Остававшиеся в Ленинграде сотрудники Лесотехнической академии им. С. М. Кирова поддерживали тесные связи с коллективом кондитерской фабрики им. А. И. Микояна. В том, что фабрика в 1941—1944 гг. изготовила 1156 тонн белковых дрожжей и предложила методы получения из них кулинарных изделий, немалая заслуга принадлежала и ученым Лесотехнической академии им. С. М. Кирова.⁴³

В октябре 1941 г. в Ленинградский городской совет депутатов трудящихся поступила докладная записка, содержащая предложение о необходимости широкого развития в Ленинграде весной 1942 г. индивидуального огородничества. Авторами записки были сотрудник планового отдела Ленсовета И. С. Механик и доцент Сельскохозяйственного института В. А. Брызгалов. За всемерное

⁴¹ В. И. Шарков. Крупный вклад в развитие гидролизной промышленности. В кн.: «Химия. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда, июнь 1957». Госхимиздат, Л., 1957, стр. 160.

⁴² «Ленинградская правда» от 22 ноября 1942 г., № 277, стр. 1.

⁴³ А. Ф. Смольникова. Развитие кондитерской промышленности Ленинграда. В кн.: «Пищевая промышленность. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957». Гос. изд. с.-х. лит., Л., 1957, стр. 173.

поощрение индивидуального огородничества высказывался и профессор Сельскохозяйственного института П. П. Кюз.⁴⁴ Жизнь показала, насколько целесообразными были мероприятия, предложенные учеными.

Налеты вражеской авиации и артиллерийские обстрелы не смогли остановить творческой работы ученых.

Специалист по паровым турбинам член-корреспондент Академии наук СССР профессор Политехнического института А. А. Радциг, несмотря на преклонный возраст (ученому шел 72-й год), не прекращал вести научные исследования. Вот что рассказывал впоследствии об этом И. И. Кириллов: «Последняя моя встреча с Александром Александровичем (Радцигом, — А. К.) произошла в Ленинграде в октябре 1941 г. Воздушные налеты врага следовали один за другим. Все время слышались звуки тревоги. Александра Александровича я застал в рабочем кабинете, занятого составлением библиографии для нового учебника по деталям паровых турбин. „Заканчиваю библиографию, — сказал Александр Александрович, — если не я, то кто-нибудь другой воспользуется этой работой“. Этот пример бескорыстного служения своей родине и самоотверженного труда, который показал нам Александр Александрович, мы будем помнить».⁴⁵

6 октября 1941 г. А. А. Радциг направил письмо в административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений Академии наук СССР. Сообщив, что он включен в число лиц, эвакуируемых из Ленинграда, ученый писал: «Ввиду этого я прошу дать мне командировку в г. Свердловск, откуда я немедленно снесусь с Президиумом АН СССР для направления меня на работу при Свердловском турбомоторном заводе по вопросу газовой турбины, имеющему важнейшее оборонное значение».⁴⁶ Однако осуществить свое намерение ученому не удалось. Хотя он и эвакуировался из Ленинграда, но до Сверд-

⁴⁴ Ф. И. Сирота. Борьба Ленинградской партийной организации за сохранение жизни населения города в период блокады. «Вопросы истории КПСС». Уч. зап. ЛГУ, № 289, вып. 33, Л., 1960, стр. 155.

⁴⁵ И. И. Кириллов. Александр Александрович Радциг. Тр. Ленингр. политехн. инст. им. М. И. Калинина. Материалы по истории науки. 1949, № 1, стр. 126.

⁴⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1941), № 6, л. 182.

ловска не доехал. 30 декабря 1941 г. в городе Бую А. А. Радциг скончался.

В Университете и институтах Академии наук СССР регулярно проходили заседания ученых советов, на которых обсуждались важные научные проблемы и защищались диссертации.

В ноябре 1941 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Университета успешно защитил докторскую диссертацию И. М. Тронский, причем в качестве одного из оппонентов при защите выступал академик С. А. Жебелев.⁴⁷

16 октября 1941 г. под председательством профессора Б. К. Шишкина⁴⁸ проходило заседание Ученого совета Ботанического института Академии наук СССР. Ученый совет обсуждал вопрос о работе Института в условиях войны, рассматривал его план на IV квартал 1941 г. и основные установки плана на 1942 г. Настроение членов Ученого совета выразил доктор биологических наук В. П. Савич, который сказал в своем выступлении: «Несмотря на все трудности, мы знаем, что враг будет побежден, и у нас нет паники, имеется только стремление работать и помочь обороне».⁴⁹ Касаясь задач Института в 1942 г., заведующий отделом геоботаники профессор Е. М. Лавренко (ныне член-корреспондент Академии наук СССР) высказался за расширение исследований растительности Алтая, Саян, Южного Урала и других восточных районов Советского Союза. «Многие новые культуры для Востока будут перенесены туда с Запада, — подчеркивал Е. М. Лавренко. — Мобилизация растительных ресурсов является важной задачей в военное время».⁵⁰

Чтобы окончательно утвердить план исследовательских работ на 1942 г., 25 ноября 1941 г. было вновь созвано заседание Ученого совета Ботанического института. В обсуждении плана принимали участие заведующие от-

⁴⁷ О. Л. Вайнштейн. Памяти акад. С. А. Жебелева. «Вестник АН СССР», 1942, № 1, стр. 76.

⁴⁸ В сентябре 1943 г. Б. К. Шишкин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

⁴⁹ ААН, ф. 2, оп. 18, № 13, л. 4.

⁵⁰ Там же, л. 5.

делами Института В. А. Бриллиант, М. М. Ильин, Е. М. Лавренко, В. П. Малеев и С. Я. Соколов.⁵¹

Заседания Ученого совета Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, состоявшиеся 22 и 25 сентября, были посвящены обсуждению доклада профессора О. Л. Вайнштейна — «Социальная демагогия фашизма» и доклада профессора А. И. Молока — «Аграрная и внешняя политика фашизма». 16 и 20 октября Ученый совет заслушал и обсудил доклад Р. М. Тонковой — «Сражение на Марне». 30 октября Ученый совет единогласно присудил И. В. Мешалину степень кандидата исторических наук. Оппонентами по диссертации И. В. Мешалина на тему «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.» выступали профессор С. Н. Балк, старшие научные сотрудники Б. М. Кочаков и И. И. Смирнов.

10 ноября 1941 г. Ученый совет обсуждал задачи Института в связи с празднованием 24-й годовщины Октябрьской революции. С конкретными предложениями, направленными на усиление творческой работы историков, выступали профессор О. Л. Вайнштейн, Д. П. Каллистов, С. И. Ковалев, М. В. Левченко, А. В. Предтеченский, старший научный сотрудник Ш. М. Левин, ученый секретарь Е. И. Бочкарева и др. 13 ноября на Ученом совете слушался отчет о деятельности сектора античной истории и утверждался план Института на IV квартал 1941 г. 24 ноября Ученый совет рассматривал кандидатскую диссертацию И. С. Вдовина на тему «История русско-чукотских отношений до XX в.» и обсуждал мероприятия по подготовке к 200-летней годовщине со дня смерти Беринга. На заседании Ученого совета, состоявшемся 27 ноября, велось предварительное обсуждение брошюры по истории славян, подготовлявшейся в Институте. В обсуждении участвовали Н. Г. Богданова, Е. И. Бочкарева, Д. П. Каллистов, С. И. Ковалев, Н. Ф. Лавров, Ш. М. Левин и А. И. Молок.⁵²

Систематически созывался Ученый совет Института истории материальной культуры Академии наук СССР. На его заседаниях 20 и 27 сентября, а также 4 октября

⁵¹ Там же, л. 12.

⁵² ААН, ф. 133, оп. 1, № 1643, лл. 184—212.

защищались кандидатские и докторские диссертации. Шести сотрудникам Института — С. Н. Бибикову, Г. В. Григорьеву, Б. Е. Деген-Ковалевскому, А. П. Круглову, Г. В. Подгаецкому и А. Л. Якобсону — Ученый совет присудил степени кандидатов исторических наук. Г. А. Бонч-Осмоловский был удостоен степени доктора исторических наук без защиты диссертации.⁵³ 25 октября Ученый совет заслушал доклад профессора М. И. Артамонова на тему «Композиция борьбы зверей в скифском искусстве (из скифских штудий)».⁵⁴

Насколько глубокие изменения внесла война в тематику исследований ученых, можно видеть на примере деятельности Института языка и мышления Академии наук СССР. Многие ведущие сотрудники этого научного учреждения стали работать по заданиям военных организаций. Профессор Б. А. Ларин, продолжая руководить подготовкой древне-русского словаря, занимался составлением литовского военного разговорника. Почти два месяца ученый выполнял специальные задания геодезической части Ленинградского военного округа, за что командование вынесло ему благодарность. Профессор Е. С. Истрина⁵⁵ в июле 1941 г. приступила к составлению и редактированию русского текста военного разговорника и русского словника военного словаря; кроме того, она вела организационную работу по переводу русских текстов на другие языки. Старший научный сотрудник С. С. Советов был занят выполнением специальных заданий штаба Северо-Западного фронта, старший научный сотрудник Э. А. Якубинская трудилась над выполнением заданий геодезической части Ленинградского военного округа.⁵⁶

Приведенные сведения о деятельности академических институтов позволяют наглядно убедиться в том, что пульс научной жизни города продолжал биться, несмотря на суровые условия блокады.

20 ноября в газете «Известия» была опубликована корреспонденция о Ленинграде под выразительным назва-

⁵³ ААН, ф. 312, оп. 1 (1941), № 34, лл. 67—79; оп. 1 (1943), № 8, лл. 2—3.

⁵⁴ ААН, ф. 312, оп. 1 (1941), № 34, л. 80.

⁵⁵ В сентябре 1943 г. Е. С. Истрина была избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР.

⁵⁶ ААН, ф. 77, оп. 1 (1941), № 7, лл. 9, 18, 19, 23.

нием «Город больших чувств». В корреспонденции сообщалось много ярких фактов о героизме ленинградцев. С восхищением рассказывалось в ней, что директор Эрмитажа академик И. А. Орбели, возвратившись в свой рабочий кабинет после очередной воздушной тревоги, стал переводить произведения Алишера Навои, чтобы подготовиться к юбилейной научной сессии, посвященной 500-летию со дня рождения Навои.⁵⁷

Жить и работать в осажденном городе становилось с каждым днем труднее. По-прежнему научным учреждениям и вузам большой ущерб продолжали наносить вражеские бомбы и снаряды: 4 ноября 1941 г. бомбы были сброшены на здание Института этнографии АН СССР, 6, 7 и 8 ноября, в дни октябрьских праздников, бомбардировке подверглось здание Физико-технического института, 13 ноября бомбы упали на здание Института этнографии, 15 ноября на здание Физиологического института им. И. П. Павлова.⁵⁸ 15 ноября 1941 г. на мичуринском участке Ботанического института упала фугасная авиабомба, в результате разрыва которой были повреждены оранжереи.⁵⁹ В ноябре 1941 г. артиллерийский снаряд сорвал часть крыши Библиотеки Академии наук СССР.

Отсутствие запасов продовольствия и невозможность завоза его в достаточном количестве привели к тому, что 13 ноября было произведено дальнейшее сокращение норм выдачи хлеба населению. С этого дня рабочие стали получать по 300 граммов хлеба в сутки, служащие — 150 граммов. Однако обстоятельства вынудили сократить и эти скудные нормы. С 20 ноября рабочим выдавалось 250 граммов хлеба, служащим — 125 граммов.⁶⁰ На ленинградцев грозно и неумолимо надвигался страшный голод.

Но тяжелые лишения не могли остановить творческой энергии ученых, их стремления продолжать научные исследования. Это ярко подтвердило собрание интеллигенции Василеостровского района, созданное Райкомом ВКП(б) в конце ноября 1941 г.

⁵⁷ «Известия» от 20 ноября 1941 г., № 274, стр. 3.

⁵⁸ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 29, лл. 42, 47, 92.

⁵⁹ Там же, оп. 2 (1941), № 19, л. 1.

⁶⁰ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I, стр. 119.

С докладом об очередных задачах интеллигенции района выступил секретарь Василеостровского райкома ВКП(б) А. А. Шипмарев. В прениях по докладу участвовали профессор Университета Б. Л. Богаевский, А. С. Броун, Д. И. Дейнека, О. Н. Радкевич и др. Профессор Д. И. Дейнека говорил: «Каждый, кому дорога наша наука, наша культура, должен все свои силы, знания и способности отдать делу разгрома злейшего врага человечества. Творческую мысль ученых — на помощь нашей Красной Армии! Уничтожим немецких захватчиков — всех до единого! Другой цели в жизни у нас сейчас нет и не может быть». Та же мысль о подчинении научной работы интересам обороны, о высокой ответственности ленинградских ученых прозвучала и в выступлении профессора О. Н. Радкевич. «Дух изобретательства, научного дерзания, смелой инициативы, — подчеркивала она, — должен быть особенно высок у ленинградских ученых, работающих в условиях блокады, воздушных налетов и артиллерийских обстрелов. На нас смотрят ученые всей страны, всего мира».⁶¹

Весь советский народ, все лучшие люди мира с любовью и восхищением следили за героической обороной Ленинграда и были уверены, что ленинградцы победят врага и сумеют преодолеть невероятные трудности блокады. Последующие события показали, что ученые, как и все ленинградцы, покрыв себя неуязвимой славой, с честью вышли из тяжелых испытаний.

⁶¹ «Ленинградская правда» от 26 ноября 1941 г., № 284, стр. 3.

Глава III

УЧЕННЫЕ — ГЕРОИ

(декабрь 1941 г. — март 1942 г.)

Все, кому суждено было пережить блокаду, единодушно утверждают, что время с середины ноября 1941 г. до конца января 1942 г. было самым тяжелым периодом 900-дневной обороны Ленинграда.

С каждым днем все более опутительно давал о себе знать голод. Наступали холода. В начале января 1942 г. морозы доходили до 30—35°. Подача электрической энергии была жестко лимитирована. В начале января 1942 г. полностью замерз водопровод и вышла из строя канализация. Центральное отопление не работало. В декабре 1941 г. остановился городской транспорт.

Враг продолжал подвергать город жестоким бомбардировкам. 3—4 декабря 1941 г. осколки снаряда повредили стену башни Кунсткамеры со стороны двора,¹ 21 декабря во время шквального артиллерийского обстрела тяжелый снаряд (шестидюймового калибра) попал на крышу Зоологического института и, пробив ее и два перекрытия, лег на полу одной из квартир, но, к счастью, не разорвался.² В зоне интенсивного артиллерийского обстрела оказался Кораблестроительный институт,³ немало осколков снарядов легло на крышу Электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина).⁴ Взрывом фугас-

¹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 29, л. 92.

² ААН, ф. 55, оп. 1 (1943), № 21, л. 3.

³ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 108.

⁴ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 117—119.

ной бомбы замедленного действия в декабре 1941 г. было разрушено здание столовой Университета.⁵

Взрывная волна выбивала стекла в помещениях, и окна приходилось заделывать фанерой или завешивать одеждой. В жилых домах, институтах и учреждениях нередко гулял холодный пронизывающий ветер.

Естественно, что любой факт, свидетельствующий о непрекращавшейся работе ученых Ленинграда в те дни, приобретает особую значимость. А фактов таких можно привести очень много.

В ноябре—декабре 1941 г. в Университете были организованы два заседания Ученого совета, посвященные знаменательной дате — 50-летию присуждения В. И. Ленину диплома Университета. Первое из них состоялось 21 ноября 1941 г. в Петровском зале, второе — 2 декабря 1941 г. в Актовом зале.

2 декабря Ученый совет Университета заседал днем. В ночные часы враг, как правило, усиливал артиллерийский обстрел Ленинграда, и участникам заседания было бы весьма затруднительно, а то и невозможно вернуться домой. «Заседание это происходило в необычайных условиях: в Актовом зале горело электричество, были цветы, а окна в большом коридоре были разбиты и на полу лежали сугробы снега. А во время заседания завывали сирены и шел небольшой обстрел»,⁶ — рассказывал впоследствии профессор С. С. Кузнецов, один из участников заседания.

С докладами на Ученом совете выступали ректор Университета А. А. Вознесенский и директор университетской Фундаментальной библиотеки И. И. Корель. А. А. Вознесенский посвятил свой доклад теме: «В. И. Ленин и защита социалистического отечества», И. И. Корель рассказал о пребывании В. И. Ленина в Университете.

Пришел на Ученый совет и 66-летний академик А. А. Ухтомский. Ученый тяжело болел, страдая от гипертонии и эмфиземы легких, спонтанной гангрены пальцев ног и начинавшегося рака пищевода. Академик

⁵ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 157.

⁶ В. Л. Меркулов, Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности (1875—1942), стр. 244.

сумел найти в себе силы, чтобы на заседании Ученого совета выступить с яркой и взволнованной речью о В. И. Ленине.⁷ Академик особо подчеркивал, что именно великого Ленина — «вот кого из своих прошлых питомцев вспоминает сейчас Ленинградский университет в текущий жестокий момент своей жизни и жизни родной страны».⁸ По свидетельству В. В. Мавродина, С. С. Кузнецова и Е. М. Косачевской, речь А. А. Ухтомского надолго сохранилась в памяти тех, кто ее слушал.

Заседание Ученого совета Университета 2 декабря, как рассказывала Е. М. Косачевская, «произвело на всех участников огромное, ободряющее впечатление. Ведь после митингов, которые были сравнительно частыми в первые дни войны, был большой перерыв. А здесь все убедились, что нас, университетских работников, осталось много, что мы представляем собой коллектив, который трудится для обороны родного города».⁹ И то, что на заседании Ученого совета с речью выступал академик А. А. Ухтомский, человек больной и преклонного возраста, наглядно показывало всем научным работникам, как надо исполнять свой гражданский долг, являлось прекрасным примером для них.

Мужественно переносил тяготы блокады академик С. А. Жебелев. Начиная с октября 1941 г. он руководил Комиссией по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР. Одновременно С. А. Жебелев возглавлял Институт истории материальной культуры и вел редактирование III тома «Всемирной истории».¹⁰ 11 декабря 1941 г. академик выступал с докладом перед сотрудниками ленинградских учреждений Академии наук СССР, посвященным 100-летию со дня рождения одного из выдающихся историков античности Ф. Ф. Соколова. Доклад

⁷ Сохранившийся в Архиве Академии наук СССР конспект речи А. А. Ухтомского о В. И. Ленине уже три раза опубликован исследователями. См.: В. Л. Меркулов. Конспект одной речи о Ленине (из архива акад. А. А. Ухтомского), стр. 82—83; В. Л. Меркулов. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности, стр. 245; А. Ф. Калинин, С. З. Мандель. В. И. Ленин и Петербургский университет. Изд. ЛГУ, Л., 1960, стр. 96—97.

⁸ В. В. Меркулов. Конспект одной речи о Ленине, стр. 83.

⁹ В. Л. Меркулов. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности, стр. 244.

¹⁰ О. Л. Вайнштейн. Памяти акад. С. А. Жебелева, стр. 76.

С. А. Жебелева, текст которого сохранился в Архиве Академии наук СССР, отличался глубиной постановки рассматриваемых вопросов и ясностью изложения материала.¹¹ До самых последних дней жизни С. А. Жебелев продолжал работать. 28 декабря 1941 г. он скоропостижно скончался.

В историю науки и культуры навсегда войдет многообразная деятельность академика И. А. Орбели на посту директора Эрмитажа. Под руководством И. А. Орбели коллектив Эрмитажа стойко нес трудные обязанности по охране бесценных его сокровищ.

Большая занятость научной работой не мешала И. А. Орбели часто выступать с докладами в воинских частях. Воины Ленинградского фронта и трудящиеся Ленинграда имели возможность слушать доклады и выступления И. А. Орбели более двухсот раз.¹² 27 ноября 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала статью ученого «Фашистские вандалы», в которой академик клеймил позором фашистов как злейших врагов прогресса и культуры.¹³ 7 января 1942 г. в корреспонденции «Ленинградской правды» «Встреча академика с бойцами» рассказывалось: «В одной из частей состоялась встреча бойцов, командиров и политработников с академиком И. А. Орбели. Встреча носила теплый, дружеский характер. „Нашу страну социализма, страну солнца, — сказал в своем выступлении академик, — пытается затмить черный дракон — фашизм. Но солнце взяло верх над драконом и начинает его сжигать своими лучами“. Тов. Орбели призвал защитников города Ленина еще беспощаднее бить фашистских варваров, истреблять всех до единого немецких захватчиков. Бойцы заявили академику, что они не пожалеют жизни для разгрома врага».¹⁴

Тесная дружба связывала И. А. Орбели с балтийскими моряками. С докладами и лекциями он выступал на линкоре «Октябрьская революция», на крейсере «Киров», пароходе «Полярная звезда», на многих тральщиках и морских охотниках». Особенно часто бывал И. А. Орбели на пароходе «Полярная звезда», зимовавшем на Неве

¹¹ ААН, ф. 729, оп. 1, № 31, лл. 1—19.

¹² «Ленинградская правда» от 3 февраля 1961 г., № 29, стр. 4.

¹³ «Ленинградская правда» от 27 ноября 1941 г., № 283, стр. 3.

¹⁴ «Ленинградская правда» от 7 января 1942 г., № 5, стр. 2.

рядом с Эрмитажем. Однажды, как рассказывает военный корреспондент, электрики «Полярной звезды» получили задание от командира бригады подводных лодок Героя Советского Союза А. В. Трипольского — провести в кабинет ученого электричество. Давая поручение, А. В. Трипольский говорил об И. А. Орбели: «Сейчас он пишет научный труд, а в кабинете у него адская тьма. Ходит с фонариком „жиу-жиу“... Мозоли на руке патер... Мы случайно узнали об этом и обещали помочь. Надо побывать у него сегодня и провести с корабля электричество прямо к нему в кабинет».¹⁵ Возложенное на них поручение военные моряки немедленно выполнили, заслужив сердечную благодарность ученого.

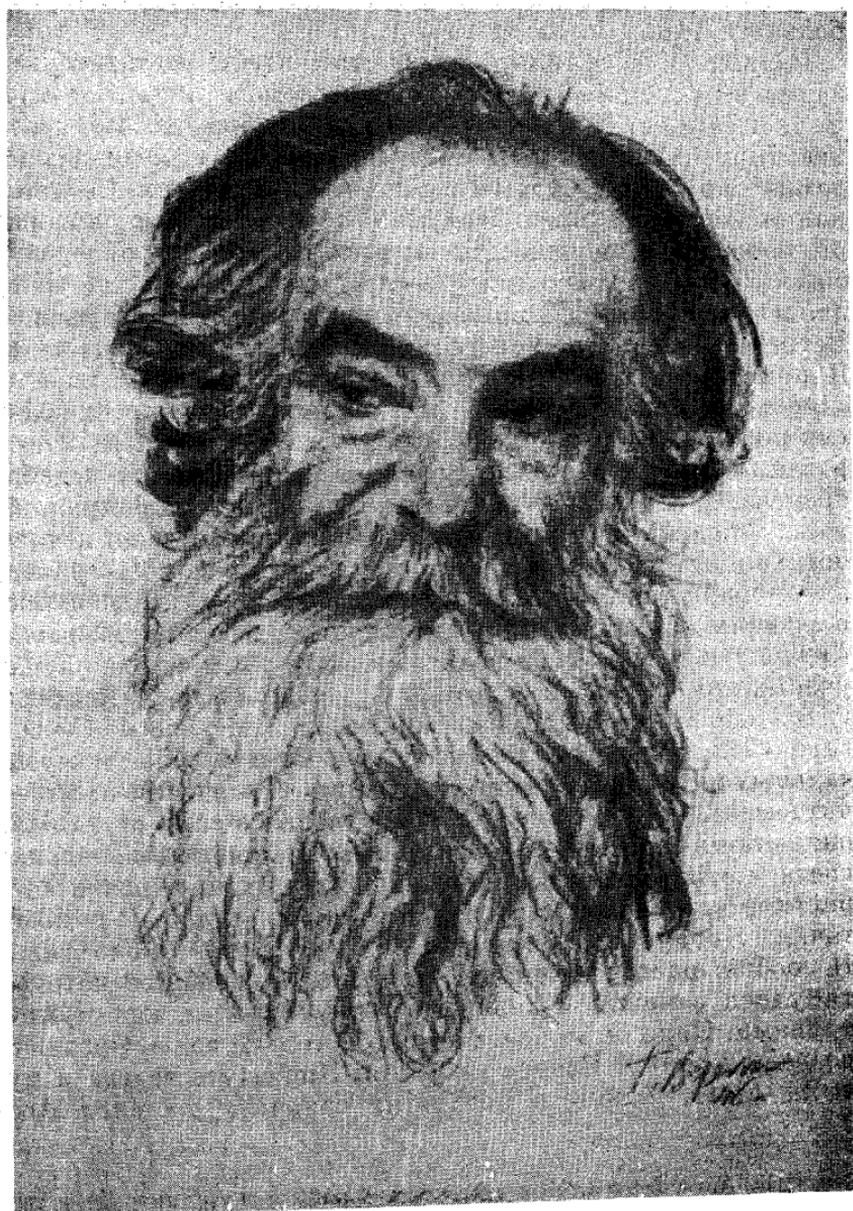
Академик И. А. Орбели эвакуировался из Ленинграда лишь в конце марта 1942 г.

Академик И. Ю. Крачковский возглавлял Всесоюзное географическое общество, Институт востоковедения, а с декабря 1941 г., после смерти академика С. А. Жебелева, и Комиссию по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР. С июля 1941 по июль 1942 г. И. Ю. Крачковский подготовил 14 глав труда «Обзор арабской географической литературы», объем которых составил около 28 печатных листов.¹⁶ Высокий моральный облик ученого выразительно обрисовал академик В. М. Алексеев, который о деятельности Крачковского в дни блокады впоследствии сказал: «...во всем и всем давая пример, всегда на своем посту, здоровый или даже больной, без всяких самоослаблений и снисходительный только к другим, он вел свои занятия в Институте востоковедения и Университете под бомбами захватчиков в 1941 и 1942 гг. в Ленинграде, где, кроме всего прочего, он сам же рубил и носил дрова, доставал воду из проруби, страдал от голода и жестокого холода, подвижнически охраняя научные ценности Ленинграда и достоинство его научных коллективов».¹⁷

¹⁵ Н. Михайловский. На Балтике. Из дневника военного корреспондента. В кн.: «Девятьсот дней. Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны». Лен-издат, Л., 1957, стр. 117.

¹⁶ ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 3, л. 5.

¹⁷ Там же, оп. 1 (1945), № 13, л. 8.

Академик И. А. Орбели. Портрет работы Г. С. Верейского. 1946 г.

И. Ю. Крачковский оставил Ленинград, будучи тяжело больным, лишь 25 июля 1942 г.

Нашел в себе силы и мужество, чтобы вести исследования в осажденном городе, музыковед и композитор Б. В. Асафьев. Покинув в начале сентября 1941 г. свою квартиру, он стал жить в Консерватории, а потом в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Воспоминания Асафьева живо воссоздают те трудности, которые он пережил в первую блокадную зиму. «В коридорах и бомбоубежище театра к началу декабря вполне наладилась творческая жизнь, — рассказывал Асафьев. — Встречи, беседы, живой обмен и печальми, и радостями. Я принялся за исследование „Евгений Онегин“, лирические сцены Чайковского — интонационный анализ... Мысли росли день за днем с неослабным напряжением. Я старался не терять времени и работал без устали. Но декабрь брал свое, а с ним и холод и голод, а за ними страшная тьма. Александринский театр замерзал. Все чаще и чаще потухал свет. Система отопления стала. Настроение в бомбоубежище, не теряя тонуса бодрости, менялось в зависимости от целого ряда сложных воздействий извне. Трудности давали себя знать постоянно. Смертные случаи участились. А работать хотелось, как никогда».¹⁸ Асафьев, насколько это было возможно в декабре 1941—январе 1942 гг., занимался исследованием в области музыкальных интонаций, сочинял музыку. «Творчество песен, — читаем мы в его воспоминаниях, — отвлекало от тяжелых ощущений слабеющего организма. В моменты появления света я стал записывать мысли об интонации, почти афористически, спеша схватить их как светящиеся в мозгу точки. Январь свирепел. Но с бомбежками стало тише. И вообще настала тишина. По улицам скорбным потоком тянулись саночки и тележки с окутанными, как мумии, трупами. Надо было беречь волю и только волю. Организм возжелал сна».¹⁹ Вскоре директор Института театра и музыки А. И. Маширов ночью на саночках доставил Аса-

¹⁸ Б. Асафьев. Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны. В кн.: «В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы». Изд. «Советский композитор», Л., 1959, стр. 28—29.

¹⁹ Там же, стр. 30.

быва в помещение Института, где он и жил до весны 1942 г.

С большим творческим напряжением работал крупный специалист в области теоретической механики и баллистики профессор Военно-механического института Б. Н. Окунев.

В рассматриваемое время Б. Н. Окунев завершил многолетнюю работу над I томом капитального труда «Основы баллистики», который был издан в Ленинграде в 1943 г.²⁰ Свое исследование ученый посвятил Ленинграду и ленинградцам. Оценивая впоследствии труд Окунева, академик А. Н. Крылов отмечал его полноту и оригинальность, подчеркивал, что «почти невозможно дать полную характеристику этого обширного сочинения». В заключение своей рецензии А. Н. Крылов писал, что даже из беглого изложения содержания книги «Основы баллистики» видно, «какой громадный труд затрачен автором на соби́рание материалов книги, сколько ему пришлось рыться в журналах, сколько ему пришлось затратить труда и времени на полигоне для изучения применяемых способов измерений и определения их погрешностей и затем для переработки всего с единой точки зрения».²¹

В тяжелые дни блокады Б. Н. Окунев подготовил также исследование «Определение баллистических характеристик пороха и давления форсирования», изданное в 1943 г. в Москве. На одной из страниц этой книги мы читаем: «Настоящий труд, написанный в Ленинграде зимой 1941—42 г., автор посвящает Ленинграду и ленинградцам».²²

В 1943 г. в Москве вышли в свет еще две книги Окунева — «Вращательное движение артиллерийского снаряда»²³ и «Изменения элементов траектории артилле-

²⁰ Б. Н. Окунев. Основы баллистики. Т. I. Основная задача внешней баллистики. Книги первая и вторая. Военное изд. Нар. Комиссариата Обороны, 1943.

²¹ ААН, ф. 759, оп. I, № 308, лл. 10—11.

²² Б. Н. Окунев. Определение баллистических характеристик пороха и давления форсирования. Гостехиздат, М.—Л., 1943, стр. 3.

²³ Б. Н. Окунев. Вращательное движение артиллерийского снаряда. Гостехиздат, М.—Л., 1943. Как видно из предисловия, автор закончил работу над книгой в марте 1942 г. в Ленинграде.

Проф. Б. Н. ОКУНЕВ

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
БАЛЛИСТИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК ПОРОХА
И ДАВЛЕНИЯ ФОРСИРОВАНИЯ**

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕХНИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943 ЛЕНИНГРАД

Титульный лист книги Б. Н. Окунева «Определение баллистических характеристик пороха и давления форсирования».

*Настоящий труд,
написанный в Ленинграде
зимой 1941—42 г.,
автор посвящает*

**ЛЕНИНГРАДУ
и
ЛЕНИНГРАДЦАМ**

Страница из книги Б. Н. Окунева «Определение баллистических характеристик пороха и давления форсирования».

рийского снаряда».²⁴ Оба исследования предназначались, по определению их автора, «для строевого и инженерно-технического начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота, для инженерно-технических и научных работников оборонной промышленности, для профессорско-преподавательского состава и студентов высших технических учебных заведений».²⁵

Завершенные зимой 1941/42 г. и опубликованные в 1943 г. исследования Б. Н. Окунева свидетельствуют о том, что творческая деятельность ученого, подчиненная требованиям военного времени, была в высокой степени плодотворной.

Оставшийся в осажденном Ленинграде академик АН Украинской ССР профессор Н. Н. Давиденков продолжал зимой 1941/42 г. работать над книгой «Некоторые проблемы механики материалов».²⁶ В апреле 1943 г. Лениздат выпустил этот труд Н. Н. Давиденкова под редакцией профессора Б. А. Остроумова. По мнению специалистов, исследование Н. Н. Давиденкова «содержит в себе глубокий критический анализ ряда принципиально важных вопросов науки о механических свойствах материалов».²⁷ В 1943 г. Давиденкову была присуждена Государственная премия за многолетние выдающиеся исследования в области науки и техники.

Важные оборонные задания выполняли сотрудники кафедры общей и органической химии Педиатрического института, которой руководил М. М. Котон, ныне член-корреспондент Академии наук СССР, директор академического Института высокомолекулярных соединений.

²⁴ Б. Н. Окунев. Изменения элементов траектории артиллерийского снаряда. Гостехиздат, М.—Л., 1943. Из предисловия к книге видно, что работа над ней была завершена в мае 1942 г. в Ленинграде.

²⁵ Там же, стр. 3.

²⁶ Н. Н. Давиденков. Некоторые проблемы механики материалов. Лениздат, Л., 1943, стр. 3. В предисловии к книге Н. Н. Давиденков пишет: «Самый выбор проблем носит, быть может, несколько случайный характер: он объясняется тем, что сборник охватывает научно-исследовательские работы автора последних лет, в особенности 1941—1942 гг.» Предисловие к книге датировано 15 февраля 1942 г.

²⁷ К семидесятилетию Н. Н. Давиденкова. «Журнал технической физики», 1949, т. XIX, вып. 3, стр. 298.

М. М. Котон и члены кафедры постоянно консультировали гражданские и военные организации, обращавшиеся к ученым за помощью.

Плодотворно работал доцент В. В. Разумовский, ныне профессор Электротехнического института связи им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. Возглавляя кафедру органической химии 2-го Медицинского института, ученый завершил исследование по теме: «Электронно-динамическая теория в органической химии».²⁸

«Использование горючих отходов промышленности в качестве топлива», «Сушка чурок для газогенераторных автомашин отходящими газами печных и котельных установок», «Возможности интенсификации сжигания борвичских и подмосковных углей» — таковы темы некоторых исследований, выполненных заведующим кафедрой теплотехники Химико-технологического института им. Ленсовета профессором А. К. Сильницким.²⁹ В условиях блокады работы ученого имели большое практическое значение. Приведем один из примеров, подтверждающих это. В мирное время основным видом топлива для ленинградских хлебозаводов служил уголь. Из-за острой его нехватки в годы блокады пришлось сжигать в топках хлебопекарных печей торф. Последние же оказались непригодными для этого, что грозило ухудшением и без того тяжелейшего положения со снабжением населения хлебом. На помощь работникам хлебопекарной промышленности пришли профессора А. К. Сильницкий и В. Н. Шретер. Предложенное учеными устройство обеспечило нормальную работу хлебопекарных печей.³⁰

²⁸ «Работа представляет продолжение исследований автора по построению электронно-динамической теории органической химии, — сказано в «Сборнике трудов ленинградских ученых в дни блокады» о результатах изысканий В. В. Разумовского. — Цель — обобщение и экспериментальный анализ всех электронных теорий органических соединений. Значительно углубляется и расширяется собственная теория и показывается ее значение в решении современных проблем органической химии». См.: Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 44.

²⁹ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 297—298.

³⁰ Пищевая промышленность. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957. Гос. изд. с.-х. лит., Л., 1957, стр. 28—29.

Одно из исследований профессора А. К. Сильницкого было посвящено теме: «Сжигание кускового торфа в мелких и средних промышленных установках».³¹

Проблемы, связанные с улучшением питания ленинградцев, занимали центральное место в деятельности профессора Сельскохозяйственного института М. И. Княгиничева, возглавлявшего биохимический отдел Центральной лаборатории Ленинградского треста хлебопекарной промышленности. Завершенные ученым исследования по темам: «Использование мясокостной муки в хлебопечении», «Физико-химические свойства гидроцеллюлозы и ее облагораживание», «Облагораживание древесных гидролизатов для выращивания пекарских дрожжей», имели своей задачей оказание помощи органам, занимавшимся производственным снабжением Ленинграда. Результатом завершенного М. И. Княгиничевым исследования по теме «Селекция дрожжей на пониженный расход сухого вещества муки при брожении» явилось внедрение в хлебопекарную промышленность нового штамма дрожжей, что привело к экономии муки.³²

По заданиям военных организаций работал профессор С. И. Зилитинкевич, ныне заведующий кафедрой радиотехники Института точной механики и оптики.³³

Большие трудности пришлось пережить старейшему ученому, заведующему рукописным отделом Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина члену-корреспонденту Академии наук СССР И. А. Бычкову. 8 января 1942 г. И. А. Бычков направил в административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений Академии наук СССР на имя М. Е. Федосеева письмо следующего содержания: «Очень был я тронут Вашим добрым, участливым отношением к моему тяжелому в настоящее время положению. Полученные от Академии наук прекрасные

³¹ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректра, стр. 297.

³² Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректра, стр. 41—42.

³³ В «Сборнике трудов ленинградских ученых в дни блокады» изложено содержание 9 исследований С. И. Зилитинкевича, в том числе по таким темам, как «классификация и вопросы терминологии электрических токов», «теория звукового пеленгования по фазовому принципу», «электрический румбометр», «электрический анемометр» и др.

продовольственные продукты поддержали силы мои и жены моей, так как, скажу Вам откровенно, мы изнемогали от полного недоедания и замечали, как с каждым днем слабеем». ³⁴ Но, борясь с лишениями, И. А. Бычков оставался на своем посту. В один из дней зимы 1941/42 г. артиллерийский снаряд разорвался так близко от рабочего места ученого, что в помещении вылетели стекла, но, к счастью, не задела И. А. Бычкова. Он продолжал работать даже и тогда, когда тяжело заболел. ³⁵

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1942 г. большая группа ленинградцев была награждена орденами и медалями за успешное выполнение ответственных оборонных заданий. В числе награжденных было немало ученых. Орденами Трудового Красного Знамени Президиум Верховного Совета СССР наградила профессора Химико-технологического института им. Ленсовета М. С. Максименко, профессора Политехнического института В. М. Андреева, профессора Горного института А. Н. Кузнецова, орденами «Знак Почета» — доцента Химико-технологического института В. С. Козлова, научного сотрудника этого же Института — А. И. Феклинова. Орденом Красной Звезды была отмечена работа научного руководителя одной из лабораторий Института прикладной химии Ц. А. Аджемьяна. ³⁶

Выше уже говорилось об исследованиях профессора Горного института А. Н. Кузнецова над получением нового вида взрывчатого вещества. Не менее ответственные задания выполняли и другие отмеченные правительственными наградами ученые. В лаборатории профессора М. С. Максименко до войны велись исследования сложных деталей некоторых машин, теперь же лаборатория выпускала эти детали и выполняла другие важные работы. ³⁷

Используя местные материалы, остававшиеся в Ленинграде группы сотрудников института Гипроалюминий и

³⁴ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 13, л. 3.

³⁵ В. Дружинин. Профессия становится военной. «Звезда», 1942, № 3—4, стр. 42—43; С. Езерский. Верность долгу. «Ленинградская правда» от 1 сентября 1943 г., № 206, стр. 2.

³⁶ «Ленинградская правда» от 14 января 1942 г., № 11, стр. 1.

³⁷ Героическая оборона Ленинграда. «В помощь агитатору и пропагандисту». Издание Полит. упр. Краснознаменного Балтийского флота, 1942, стр. 13.

Всесоюзного алюминиевомагниевого института производили боеприпасы для фронта.³⁸

11 января 1942 г. в «Ленинградской правде» сообщалось, что профессор К. Б. Карандеев (ныне член-корреспондент Академии наук СССР), доценты Д. В. Несговоров, П. П. Зубрилин, К. П. Широков и другие выполняли задания оборонных предприятий. В газете упоминались также имена ученых Л. В. Залуцкого,³⁹ А. К. Колосова, П. М. Тихомирова и Е. Г. Шрамкова, продолжавших вести исследовательскую работу.⁴⁰

Профессора Инженерно-строительного института В. Г. Гевирц, Г. В. Никитин, И. Г. Попов, В. Н. Соколовский и другие участвовали в осмотре объектов, пострадавших от воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, и выносили заключения о дальнейшей судьбе разрушенных предприятий, о путях их восстановления.⁴¹

Руководящим центром академических институтов продолжала оставаться Комиссия по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР. Возглавлявший Комиссию академик И. Ю. Крачковский следующим образом характеризовал ее работу: «Значение этой комиссии, единого связующего звена всех ленинградских учреждений Академии, было очень велико, хотя функции ее мало дифференцировались: она брала на себя, в зависимости от обстоятельств, в нужных случаях решение и научных, и организационных, и в особенности бытовых вопросов, обыкновенно в очень трудных условиях. Она старалась в меру своих возможностей поддерживать и научную работу,

³⁸ Ю. В. Баймаков, З. В. Васильев, А. Д. Ходыко. Роль Ленинграда в создании и развитии промышленности легких металлов. В кн.: «Металлургия. Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957». Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 144.

³⁹ Известный метролог профессор Л. В. Залуцкий вплоть до эвакуации из Ленинграда (в феврале 1942 г.) готовил к печати монографию «Введение в теорию ампер-весов». 25 марта 1942 г. Л. В. Залуцкий скончался в эвакуации, а его монография была издана в Ленинграде в 1945 г. Редактировал книгу профессор Б. А. Остроумов. См.: Л. В. Залуцкий. Введение в теорию ампер-весов. Лениздат, Л., 1945, стр. 3—4, 6.

⁴⁰ «Ленинградская правда» от 11 января 1942 г., № 9, стр. 2.
⁴¹ Ленинградский инженерно-строительный институт за 125 лет, стр. 47.

и сохранить в целости богатые фонды академических учреждений, и спасти наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки». ⁴²

Заседания Комиссии проходили регулярно, не реже трех раз в неделю. На них присутствовали академик И. Ю. Крачковский, член-корреспондент АН СССР М. М. Карнауков, профессора С. М. Доброгаев и А. Н. Кириченко, кандидат биологических наук Б. В. Павлов, кандидаты исторических наук А. И. Болтунова, С. Н. Бибииков и М. А. Тиханова, управляющий делами ленинградских учреждений АН СССР М. Е. Федосеев и др. ⁴³

5 января 1942 г. Комиссия заслушала доклад профессора В. С. Садикова на тему: «Новый метод комплексного использования дрожжей как промышленное задание в условиях военного времени». 14 февраля 1942 г., обсудив письмо члена-корреспондента АН СССР М. М. Карнаухова, просившего помочь ему в подготовке к печати 3-го издания книги «Металлургия стали», Комиссия ассигновала средства на это научное предприятие. ⁴⁴ Комиссия рассматривала много вопросов, связанных с охраной научных ценностей, улучшением бытовых условий ученых, перемещениями и назначениями руководящих работников академических учреждений.

Как жили и работали ленинградские ученые в конце 1941—начале 1942 г.? Об одном из блокадных дней профессор О. Л. Вайнштейн рассказывает: «Надев на себя все самое теплое, что имеется под руками, вы отправляетесь на работу через кажущуюся бесконечной даль заснеженных проспектов и площадей. Придя к цели, вы иногда застаете самую неуютную картину. За ночь все стекла в вашем рабочем месте выбиты воздушной волной от упавшей вблизи бомбы; по всему помещению свободно гуляет свежий ветер... Если вы профессор или студент, вы читаете лекцию или слушаете ее в калошах и шубе с поднятым воротником. Писать вы можете только в рукавицах и только карандашом, потому что чернила замерзли. Часто вас еще ждет срочная работа в насквозь

⁴² ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 3, л. 5.

⁴³ ААН, ф. 2, оп. 18, № 2, лл. 1—33.

⁴⁴ Там же, № 2, лл. 2, 13; № 5, л. 25.

Коллеж. АН СССР
Михаил Михайлович

К протоколу №54. 25

КАРНАУХОВ
Инженер-химик
Мех.-мет., Проф. Политехн. Инст.
Ленинград 21, Соосновка 1-8, кв. 41.

12 февраля 1942г.

В Комиссию Академии наук СССР
при АН-ин-дир. Ленингр. университета и др.

С января 1941г. я начал подготовку
книжки, претвора, издания моей книги
„Металлургия алюминия“. Новое издание
распространяется из 25 тысяч экземпляров,
каждый экземпляр стоит 25-30 тысяч,
всего около 100 тысяч.

Подание комиссии по поводу плана,
существенно переработанное, детально
и в значительной части вновь рассмотрено.

В первую очередь подготовлены
А-ал хлорид, как отдельная книга,
посвященная химическому индустриальному
процессу. Этот процесс сейчас
категорически важен для нашей военной
промышленности: во всех областях
известно из химии этили производятся

Письмо члена-корреспондента Академии наук СССР
М. М. Карнаухова в Комиссию по делам ленинградских
учреждений Академии наук СССР.
Архив Академии наук СССР.

цене авторам в области техники высокие
базиса.

По этой книге уже более
15 лет (2 издание) выпускается все студентами
технических и металлургических вузов, а кроме
того, эта книга широко применяется
в практике на заводах и в научно-исслед.
институтах по специальности.

Президиум Комиссии Сталина по
научной работе по ~~авторскому вознаграждению~~
Академии Наук СССР и финансировать
ее, назначил мне по 1500 руб. (одна
тысяча пятисот руб.) в месяц с
1 января сего 1942 года.

По моему совету вращении подобран
и подбирается материал, как литературы
технической на темы авиации, так и инж-
нерской, конструкторской, по работам инжен.
и специалистов под своим руководством
на заводах и в научно-исслед. институтах.

Член корр. Академии Наук СССР
М. Карнаухова

Продолжение письма М. М. Карнаухова.

промерзшей лаборатории или библиотеке, лекция в госпитале или другие обязанности, которые нужно выполнить во что бы то ни стало, не поддаваясь ни холоду, ни ощущению физической слабости, ни страху перед артиллерийским налетом».⁴⁵

Ученые потратили большие усилия, чтобы сберечь богатейшие коллекции музеев, ценнейшие собрания книг и архивные материалы.

Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР были размещены в специально оборудованных укрытиях-хранилищах в подвалах Института этнографии. 125 ящиков с наиболее ценными коллекциями были переданы на хранение в Эрмитаж. Самые крупные по размерам коллекции размещались под сводами в первом этаже Института.⁴⁶

Малочисленный коллектив Архива Академии наук СССР самоотверженно охранял уникальные исторические документы, сосредоточенные в фондах одного из старейших архивохранилищ страны. Директор Архива Г. А. Князев, несмотря на тяжелое состояние здоровья, сумел так организовать труд его сотрудников, что фонды Архива не только не уменьшились, а даже пополнились.

Характеризуя работу Архива, академик И. Ю. Крачковский, являвшийся членом его Ученого совета, отмечал: «Деятельность Архива, его Ученого совета и Комиссии по истории Академии продолжалась неустанно полным темпом до самого моего отъезда из Ленинграда. Поддержание ее на исключительной высоте является выдающейся заслугой директора Архива Г. А. Князева, стойко сохранявшего свой пост при самых трудных условиях».⁴⁷ Сотрудники на своих плечах доставляли в Архив материалы умерших академиков Ф. И. Щербатского, С. А. Жебелева, а также А. А. Романова, А. П. Семенова-Тянь-шанского, Н. Н. Яковлева и других ученых. Кроме того, Архив принимал на временное хранение рукописные труды и другие материалы ученых, эвакуировавшихся из Ленинграда. Ослабленная болезнью (цингой и дистрофией) заведующая читальным залом Архива М. В. Крутикова продолжала участвовать в работе по описанию и

⁴⁵ Ленинградский университет, 1819—1944, стр. 157—158.

⁴⁶ ААН, ф. 142, оп. 1 (1941), № 33, лл. 5—8.

⁴⁷ ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 3, л. 4.

систематизации вновь поступивших архивных материалов.⁴⁸

Большие трудности пришлось преодолевать сотрудникам Библиотеки Академии наук СССР. Помещение ее не отапливалось, и температура в нем была низкой. В феврале 1942 г. снаряды противника разбили крышу центрального корпуса Библиотеки, окна библиотечного здания лишились очень многих стекол как в рабочих помещениях, так и в книгохранилищах.⁴⁹

«И все же оставшиеся в живых, опухающие и отекающие от голода люди, — пишет бывшая заведующая отделом филологии Библиотеки Г. Я. Снимщикова, — ни на один день не прекращали своей работы. Мы считали себя мобилизованными, мы делали все, чтобы Библиотека продолжала жить».⁵⁰

Сотрудники Библиотеки охраняли ее книжные и рукописные собрания. Они организовали тридцать одну библиотеку-передвижку, обслуживавших военные организации и предприятия Ленинграда. Специальная библиотека была создана для читателей-врачей. Сотрудники Библиотеки выступали с лекциями, беседами и докладами в госпиталях и больницах. Немало спасли они частных библиотек, оказавшихся по разным причинам без присмотра.⁵¹

В декабре 1941—январе 1942 г. из-за отсутствия электроэнергии и водоснабжения все оранжереи Ботанического института АН СССР, за исключением одной, были заморожены. Погибло очень много ценнейших оранжерейных растений.⁵² Но ученые сумели спасти около 4000 ред-

⁴⁸ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, л. 85.

⁴⁹ Там же, оп. 2 (1943), № 10, л. 116. Деятельность Академической библиотеки в годы блокады освещена в статье К. И. Шафрановского «Библиотека Академии наук в Ленинграде (1941—1945 гг.)» («Библиотекарь», 1946, № 4, стр. 29—31). Автор, один из старейших сотрудников Библиотеки, в первые месяцы войны ушел в Красную Армию, а в марте 1942 г. был демобилизован и вернулся на работу в БАН. См.: ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, л. 87.

⁵⁰ Г. Снимщикова. Год в блокаде. Из записок библиотекаря. В кн.: «Девятьсот дней», стр. 321.

⁵¹ Там же, стр. 321—323.

⁵² С. Я. Соколов. Ботанический сад и его интродукционная и культурно-просветительная работа. В кн.: «От Аптекарского огорода до Ботанического института. Очерки по истории Ботани-

ких растений, многие из которых размещались на их квартирах. Ученый садовод Н. И. Курнаков сохранил в своей квартире почти всю коллекцию кактусов.

Много сил и энергии вложил в работу по сохранению растений возглавлявший Ботанический сад старший научный сотрудник Н. В. Шипчинский. Помимо этого, Н. В. Шипчинский выполнял задания инженерного управления Ленинградского фронта по маскировке и готовился к защите докторской диссертации.⁵³ С большим напряжением трудился заведующий лабораторией лекарственных растений доктор биологических наук Н. Н. Монтеверде. Под его руководством сотрудники выращивали лекарственные растения и производили их первичную обработку.⁵⁴

А. Ф. Бельденкова, Е. А. Галкина, М. М. Голлербах, В. Ф. Корякина, П. К. Красильников, Н. К. Юрашевский, А. А. Никитин, Т. Л. Николаева, И. А. Панкова, О. А. Щеглова и другие сотрудники сумели своим трудом обеспечить выполнение тех ответственных заданий, которые поручались Ботаническому институту.⁵⁵ Возглавлял Институт кандидат биологических наук В. С. Соколов.

«В Институте работа не прекращалась даже в самые тяжелые месяцы блокады, когда прекратилась подача воды и электроэнергии, а температура в лабораториях опускалась до -15 — -20° . Именно в это время была проведена большая работа по подготовке наиболее ценной части мировых коллекций к отправки в тыл и остающейся части — к длительному хранению»,⁵⁶ — так характеризовал деятельность Всесоюзного института растениеводства его директор И. Г. Эйхфельд.⁵⁷ В этих скупых словах содержится высокая оценка поистине героического труда ученых, которые жестоко страдали от голода, но сумели сохранить, спасти известную всему миру уникальную коллекцию культурных растений.

ческого института АН СССР». Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 234.

⁵³ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, л. 41.

⁵⁴ ААН, ф. 4, оп. 4 (1942), № 16, л. 42.

⁵⁵ Там же, оп. 2 (1942), № 16, л. 37.

⁵⁶ И. Г. Эйхфельд. Работа Всесоюзного института растениеводства в военное время. В кн.: «Научный отчет Всесоюзного института растениеводства». Сельхозгиз, М., 1945, стр. 6.

⁵⁷ В настоящее время И. Г. Эйхфельд — член-корреспондент Академии наук СССР, Президент Академии наук Эстонской ССР.

Чтобы поддержать здоровье ленинградцев, еще в октябре 1941 г. бюро Городского комитета партии в специальном решении признало необходимым организовать массовое производство витамина «С» из хвои.⁵⁸ Над выполнением задания Городского комитета партии плодотворно трудилась группа сотрудников Научно-исследовательского витаминного института под руководством профессора А. Д. Беззубова,⁵⁹ опыты по извлечению витамина «С» из хвои осуществлялись также учеными Ботанического института Академии наук СССР.⁶⁰ 2 апреля 1942 г. «Ленинградская правда» опубликовала статью В. С. Соколова «Витамин „С“ из хвои».⁶¹

Не прерывалась научная работа оставшимися в Ленинграде сотрудниками Физико-технического института Академии наук СССР, которой руководил профессор П. П. Кобеко, избранный в сентябре 1943 г. членом-корреспондентом АН СССР. «В этот трудный период блокады — сентябрь 1941 г. — май 1942 г., — вспоминал впоследствии П. П. Кобеко, — работа не прекращалась ни на один день».⁶² В отличие от других академических учреждений, в Институте имелся запас каменного угля, которого хватило на весь отопительный сезон 1941/42 г. Это позволило поддерживать в рабочих помещениях Института нормальную температуру. Когда в декабре 1941 г. замерз городской водопровод, сотрудники брали воду из пруда, расположенного в 1,5 километрах от Института. В санки, на которые ставилась бочка с водой, впрягались 6—8 сотрудников, и вода доставлялась по назначению.

Исследования ученых Ленинградского отделения Математического института АН СССР находили практическое применение в авиации и артиллерии. Директор этого научного учреждения профессор А. М. Журавский писал

⁵⁸ Ф. И. Сирота. Борьба Ленинградской партийной организации за сохранение жизни населения города в период блокады, стр. 142.

⁵⁹ Т. Закржевская. Советская интеллигенция в дни Отечественной войны. «Пропаганда и агитация», 1943, № 9, стр. 15.

⁶⁰ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). На правах рукописи. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 254.

⁶¹ «Ленинградская правда» от 2 апреля 1942 г., № 77, стр. 2.

⁶² ААН, научно-методический кабинет, папка № 2.

в феврале 1942 г.: «Несмотря на все трудности в осажденном городе, математики Ленинграда ни на один день не прекращают активной научной работы, зная, что она служит укреплению оборонной мощи нашей Родины». ⁶³

Астрономический институт АН СССР под руководством профессора И. Д. Жонголовича продолжал работы по подготовке «Астрономических ежегодников» и выполняя задания оборонных организаций. ⁶⁴

Сотрудники Зоологического института Академии наук СССР, страдавшие от голода, холода, отсутствия освещения, охраняли коллекции Зоологического музея и оберегали здание Института. ⁶⁵ В январе—феврале 1942 г. умерло 11 сотрудников Института. ⁶⁶

Многие сотрудники Института этнографии Академии наук СССР находились на казарменном положении, живя постоянно в помещении Института. Сюда же переселились со своими семьями и те сотрудники, квартиры которых по разным причинам были совершенно непригодны для жилья. Около 30 человек разместились, таким образом, в подвальных помещениях Института.

«Жизнь Института постепенно замирала, — читаем в отчете о его работе за годы войны. — Больные поголовно дистрофией и цингой, сотрудники не имели сил даже перенести со двора в подвалы дрова, которые растаскивались посторонними лицами». ⁶⁷ С декабря 1941 г. по февраль 1942 г. от истощения умерло свыше трети оставшихся в Ленинграде сотрудников Института. Но и в этих, казалось бы, невыносимых условиях научная работа не прекратилась вовсе. Младший научный сотрудник А. Н. Кондауров завершил кандидатскую диссертацию, младший научный сотрудник В. В. Екимова вела исследования по бухарским тканям. Вскоре, однако, А. Н. Кондауров и В. В. Екимова скончались. Старший научный сотрудник И. И. Зарубин продолжал исследования по этнографии шугнанцев. ⁶⁸

⁶³ «На страже Родины» от 12 февраля 1942 г., № 40, стр. 3.

⁶⁴ ААН, ф. 334, оп. 1 (1942), № 4, л. 12.

⁶⁵ ААН, ф. 55, оп. 1 (1942), № 21, лл. 1—4.

⁶⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 28, л. 77.

⁶⁷ ААН, ф. 142, оп. 1 (1943), № 18, л. 84.

⁶⁸ Там же, л. 85.

Сотрудники Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, преодолевая лишения блокады, стремились не покидать своих постов и продолжали, насколько хватало сил, научную работу. Старшие научные сотрудники Ш. М. Левин и Б. М. Кочаков вели исследования по теме: «Героическая Москва», читали лекции в госпиталях и военных частях. Среди сотрудников Института, остававшихся в рассматриваемое время в Ленинграде, были также С. А. Аннинский, Н. Г. Богданова, А. И. Болтунова, А. И. Васильев, В. Г. Гейман, Д. П. Каллистов, Ю. Я. Перепелкин, К. Н. Сербина и др.⁶⁹

В Институте востоковедения Академии наук СССР, которым до февраля 1942 г. руководил кандидат исторических наук Д. И. Тихонов,⁷⁰ состоялся ряд научных заседаний. 30 декабря 1941 г. сотрудники Института отмечали 500-летнюю годовщину со дня рождения Алишера Навои. Было очень холодно, враг обстреливал город. С сообщениями на заседании выступали академик И. Ю. Крачковский, член-корреспондент Академии наук СССР Е. Э. Бертельс, А. Н. Кононов и Б. Т. Руденко. 15 января 1942 г. на заседании под председательством профессора Н. В. Пигулевской обсуждался доклад В. А. Крачковской на тему: «Материальная культура Малой Азии времени сельджукидов». В заседании участвовали В. И. Беляев, С. М. Березовская и О. А. Крауш.⁷¹ На научных заседаниях, состоявшихся 24 января, 21 февраля и 28 марта 1942 г., сотрудники вели обсуждение очередных глав нового труда академика И. Ю. Крачковского — «Обзор арабской географической литературы».⁷²

В январе и феврале 1942 г. Институт лишился многих ученых. Долгие годы работал в Институте профессор П. П. Иванов, известный исследователь истории Средней Азии. Большой жизненный путь прошел этот ученый. В годы гражданской войны он, добровольно вступив в ряды Красной Армии, являлся начальником оператив-

⁶⁹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 23, л. 51; № 24, л. 26.

⁷⁰ ААН, ф. 2, оп. 18, № 2, л. 11

⁷¹ ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 17, л. 1.

⁷² ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 38.

ного отдела штаба Туркестанского фронта. В начале Отечественной войны П. П. Иванов проводил на фронт двух сыновей, а сам, борясь с болезнью, стал командиром отряда всеобуча и бойцом противовоздушной обороны. В ноябре 1941 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Архив хивинских ханов».⁷³

В декабре 1941 г. П. П. Иванов слег в постель. 13 января 1942 г. он обратился в дирекцию Института востоковедения с просьбой поместить его в стационар. В заявлении ученый писал: «Находясь на бюллетене с 25 XII 41 г. (диагноз — истощение), я чувствую в последние дни резкое ухудшение в состоянии своего здоровья: не только с трудом отделяюсь от постели и передвигаюсь иногда по комнате, но и с трудом могу перевернуться на другой бок, когда лежу в постели».⁷⁴ П. П. Иванов добавлял, что у него не хватило сил даже для того, чтобы снять копию своего заявления. Хотя ученому и была оказана помощь, в феврале 1942 г. он умер.⁷⁵

Из 8 сотрудников Китайского кабинета Института востоковедения в те суровые дни умерло 6 человек.⁷⁶ Но оставшиеся в живых не покидали своих постов.

В Академическом архиве в фонде № 152 хранится папка под номером три. Кажется, она ничем не отличается от других обычных архивных дел. Но открыв папку и убедившись, что она содержит отчеты сотрудников Института востоковедения о научной работе в первой половине 1942 г., вы уж обязательно прочтете ее до конца. Н. В. Пигулевская пишет в своем отчете, что занималась она основной плановой темой «Передняя Азия в конце VI и начале VII в.», главным образом по разделу «Источники», и выполняла ряд других работ.⁷⁷ «Первые месяцы этого года работа протекала в крайне трудных условиях блокированного Ленинграда и поэтому

⁷³ ААН, ф. 152, оп. 1 (1943), № 17, лл. 4—5.

⁷⁴ Там же, оп. 1 (1942), № 9, л. 5.

⁷⁵ В 1958 г. Академия наук СССР посмертно издала исследование П. П. Иванова «Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.)».

⁷⁶ ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 3, л. 4.

⁷⁷ Там же, л. 26.

не могла быть развернута в полном масштабе, — читаем мы в отчете члена-корреспондента Академии наук СССР Е. Э. Бертельса. — За январь и начало февраля⁷⁸ была написана статья — „Отголоски тематики Низами в феодальной английской литературе“ и продолжалась подготовка материала для готовившегося по плану персидско-русского словаря (составлено 1000 карточек).⁷⁹ Из отчета старшего научного сотрудника П. В. Ернштедта (ныне члена-корреспондента Академии наук) видно, что, несмотря на крайне плохое состояние здоровья (дистрофия, хронический плеврит, ослабление сердечной деятельности), ученый, хотя и с перерывами, вел исследование в области коптской грамматики и занимался составлением русско-новогреческого словаря.⁸⁰ «В I квартале 1942 г. смог приступить к работе по диссертации только в марте из-за болезненного состояния, вызванного крайним истощением сил, — сказано в отчете В. И. Беляева. — Начал писать часть, посвященную эпохе и среде автора (ас-Сули), т. е. обстановке в Ираке, Багдаде и Месопотамии в X веке». ⁸¹ Столь же лаконично сообщали о своей деятельности Л. С. Пучковский, Д. В. Семенов, О. П. Соловьева, Ю. А. Солодухо.⁸²

В начале 1942 г. не раз проходили научные заседания в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР. Одно из них, состоявшееся в январе 1942 г., было посвящено памяти академика С. А. Жебелева.⁸³ 21 января 1942 г. с докладом на тему «Греческие надписи Армавира» выступала кандидат исторических наук А. И. Болтунова.⁸⁴ Несколько научных заседаний провел в январе—феврале 1942 г. сектор по изучению эпохи бронзы и раннего железа, входивший в состав Института.⁸⁵

⁷⁸ В феврале 1942 г. Е. Э. Бертельс в состоянии тяжелой дистрофии был эвакуирован из Ленинграда.

⁷⁹ ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 3, л. 45.

⁸⁰ Там же, лл. 31—32.

⁸¹ Там же, л. 38.

⁸² Там же, лл. 2—3, 10—15, 17, 22—23.

⁸³ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 79.

⁸⁴ ААН, ф. 312, оп. 1 (1942), № 21, лл. 5—9.

⁸⁵ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 79.

Леонидович И. Ю. Крачковский в пер-
 вом полугодии 1942 года написал ре-
 зюме работы (20 стр. - 23 стр.) статьи "Вопросы
 ритма" в журнале "Известия Академии наук СССР
 физико-математические науки". В этой статье он писал о ритме в физиче-
 ских процессах и как бы выводит заключение
 что ритм есть явление физическое. Математиче-
 ские формулы для ритма 24 стр., посвященные ритму
 в физике; написанные же несколько
 фразы, выходящие за пределы статьи, не
 являются самостоятельными работами, во-
 влеченными в статью с увеличением объ-
 ема работы востановлено истинно-
 но.

Для переиздания статьи "Вопросы
 ритма в физике" И. Ю. Крачковский
 написал статью, которая в статье выхо-
 дит (Леонидович И. Ю. Крачковский) пред-
 ставлен у нас не в той полноте,
 как было в оригинале. Это не те-
 же старые издания представит

Отчет академика И. Ю. Крачковского о научной работе
 в первом полугодии 1942 г.
 Архив Академии наук СССР.

42⁰³

в связи с расширением фронта в
сущности нового гитлеру, который
по плану предполагался в начале
и в третьем квартале 1942 года.

Вашим

2 VII 1942

И. Крачковский

Продолжение отчета И. Ю. Крачковского.

На ученых советах факультетов Университета с начала войны до конца 1941 г. было защищено 46 кандидатских и докторских диссертаций.⁸⁶

В конце декабря 1941 г. проходила защита кандидатских диссертаций на филологическом факультете. Диссертанты — Корсаков и Саванович, которым были присуждены искомые степени, вскоре скончались.⁸⁷ В декабре 1941 г. Ученый совет исторического факультета присудил ассистенту К. И. Раткевич степень кандидата исторических наук за исследование на тему: «Вестфальское королевство». В марте 1942 г. Раткевич умерла.⁸⁸ В январе 1942 г. Ученый совет исторического факультета собрался вновь, чтобы обсудить кандидатскую диссертацию военного юриста I ранга Гронского на тему: «Революционное движение в Прибалтике при царизме». Диссертант был удостоен степени кандидата исторических наук.⁸⁹

О том, как происходила защита диссертаций на историческом факультете, ярко рассказал профессор О. Л. Вайнштейн.⁹⁰ «Ученый совет заседал, ввиду про-

⁸⁶ Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947, стр. 54.

⁸⁷ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 162.

⁸⁸ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Тр. юбил. научной сессии, секция ист. наук, Изд. ЛГУ, Л., 1948, стр. 78.

⁸⁹ О. Л. Вайнштейн. Исторический факультет Ленинградского государственного университета в дни Отечественной войны. «Исторический журнал», 1942, № 11, стр. 106.

⁹⁰ Обстановка, в которой защищались диссертации на историческом факультете, запечатлена также в записках заслуженного врача РСФСР Ф. Грачева, работавшего тогда в госпитале, размещенном в здании исторического и экономического факультетов. «В одном из отсеков бомбоубежища натыкаюсь на... заседание Ученого совета исторического факультета, — пишет Ф. Грачев. — Идет защита кандидатской диссертации. Диссертант — солдат. В свое время защита была назначена на 23 июня 1941 г. Но шел второй день войны и было не до того. А на шестом месяце войны уже стало „до того“. Диссертант прибыл прямо с переднего края. Ему дали отпуск на шесть часов. Ни стола, ни кафедры, ни аудитории. Сидят только члены Ученого совета и официальные оппоненты. Военный до того увлечен защитой, что, кажется, не замечает ни сводчатого подвала, ни столь необычной обстановки. Я так и не дослушал диссертацию. На крыше госпиталя забарабанило: посыпались „зажигалки“. (Ф. Грачев. В те дни на Васильевском. «Звезда», 1960, № 2, стр. 41).

исходившего очередного налета, в подвальном помещении факультетского здания, где единственным источником света была древняя лучина, вновь получившая право гражданства, — пишет О. Л. Вайнштейн. — Члены совета, диссертант и его оппоненты сгрудились вокруг железной печурки, так как на расстоянии двух-трех шагов от нее температура была на несколько градусов ниже нуля. Пар клубами выходил из уст оратора, выступавшего в полушубке и валенках. Баллотировочным ящиком служила шапка одного из участников заседания. Все это, однако, не мешало прениям развернуться во всей форме и не внесло в установленную процедуру присуждения ученой степени ни малейшего изменения».⁹¹

18 января 1942 г. в «Ленинградской правде» была опубликована заметка «Диссертация фронтовика». В ней говорилось: «В Ленинградском юридическом институте состоялась защита диссертации аспирантом А. М. Каландадзе, приехавшим для окончания своей исследовательской работы с фронта. Темой диссертации тов. Каландадзе избрал юридическое положение крепостных крестьян Восточной Грузии в XIX в. — с периода присоединения Грузии к России до крестьянской реформы 1861 г. Ученым советом Института А. М. Каландадзе утвержден в звании кандидата юридических наук».⁹²

Несколько диссертаций защищались в Университете в феврале 1942 г. Одна из них, подготовленная Я. Х. Йоселевым, была посвящена теме: «Гидрометеорологическое обеспечение наземных войск Ленинградского фронта в период октября—декабря 1941 г.».⁹³ Соискателю была присуждена степень кандидата наук.

Не оставалась вне поля зрения ученых Университета также лекционная и пропагандистская работа. 25 ноября 1941 г. профессор В. В. Мавродин выступил на страницах «Ленинградской правды» со статьей «Александр Невский»,⁹⁴ 5 декабря 1941 г. — со статьей «Наша родная Советская власть».⁹⁵ В мартовском номере журнала «Про-

⁹¹ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 162.

⁹² «Ленинградская правда» от 18 января 1942 г., № 15, стр. 2.

⁹³ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 162.

⁹⁴ «Ленинградская правда» от 25 ноября 1941 г., № 281, стр. 3.

⁹⁵ «Ленинградская правда» от 5 декабря 1941 г., № 290,

паганда и агитация» за 1942 г. была опубликована статья ученого «Мужественные образы наших великих предков».⁹⁶

19 января 1942 г., точно по расписанию, на всех десяти факультетах Университета началась зимняя экзаменационная сессия.⁹⁷ Экзамены суровых блокадных дней! В необычной обстановке проходили они. Взволнованно рассказал об этом Д. М. Молдавский, учившийся тогда на филологическом факультете Университета. «В январе 1942 года я сдавал экзамены — по основам марксизма-ленинизма, по западной литературе и по русской литературе начала XIX века, — пишет Д. М. Молдавский. — Последний экзамен я сдавал профессору В. В. Гинпиусу, вскоре после того погибшему. Я был у него дома. Василий Васильевич лежал в постели. Я сидел у изголовья. Мы говорили о романтических поэмах Пушкина — это был вопрос, который он мне задал, — и о том, когда прорвут блокаду. Экзамен по марксизму-ленинизму принимала бледная, бледная женщина. Кроме меня, его сдавал парень с черным опухшим лицом. Мы даже спорили, кажется, о каком-то положении эстетики Гегеля. Экзамен по западно-европейской литературе принимал один из самых любимых профессоров, элегантный блестящий человек.⁹⁸ Замотанный шарфами, изможденный, в больших валенках, он сидел перед нами. Но вот начался экзамен, и я увидел, как в глазах его блеснуло то, что делало его лекции праздником».⁹⁹

Достоин внимания, что 75% всех экзаменов студенты Университета выдержали на «отлично».¹⁰⁰

Экзамены проходили в Институте инженеров железнодорожного транспорта, в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, в 1-м Медицинском институте и других вузах города.

В ноябре—декабре 1941 г. Педагогический институт им. А. И. Герцена дал стране 300 учителей.¹⁰¹ Во время

⁹⁶ «Пропаганда и агитация», 1942, № 5—6, стр. 40—46.

⁹⁷ «Ленинградская правда» от 20 января 1942 г., № 16, стр. 2.

⁹⁸ Д. М. Молдавский имеет в виду профессора С. С. Мокульского.

⁹⁹ Д. М. Молдавский. Блокадные записки. В кн.: «Подвиг Ленинграда». Военное изд. Мин. обороны СССР, М., 1960, стр. 193.

¹⁰⁰ Ленинградский университет. 1819—1944, стр. 160.

¹⁰¹ «Ленинградская правда» от 30 декабря 1943 г., № 308, стр. 4.

бомбежек занятия на историческом факультете этого вуза продолжались в бомбоубежищах.¹⁰² В декабре 1941 г. Институт инженеров железнодорожного транспорта выпустил 355 специалистов, а в начале 1942 г. — дополнительно 211 специалистов.¹⁰³

Сохранившиеся в Архиве Академии наук СССР воспоминания действительного члена Академии медицинских наук СССР В. Г. Гаршина позволяют составить представление о том, как проходила зимняя экзаменационная сессия в 1-м Медицинском институте. «Идут экзамены, — читаем мы в воспоминаниях. — Слушаю — отвечаю недурно! Усвоили лекционный материал! А экзаменатор — ассистентка — спрашивает и педантично и участливо. Откуда у них силы? У меня они иссякли к началу января».¹⁰⁴

Продолжая научную работу, ученые вместе со всеми ленинградцами страдали от голода и холода. Все они, как правило, болели дистрофией. Истощенный организм многих научных работников не выдерживал, и они умирали. С болью в сердце наблюдали за смертью своих товарищей остававшиеся в живых, но помочь умиравшим они ничем не могли: многих из них скоро ожидала та же самая участь. Бывало так, что обессиленный человек, идя по улице, садился передохнуть, но подняться не мог и тут же умирал.

В первые месяцы 1942 г. голод и холод нанесли тяжелые потери советской науке. В приказах, издававшихся в вузах и научных институтах, все чаще и чаще появлялись сообщения о смерти ученых. Редкое заседание комиссии по делам ленинградских учреждений Академии наук СССР проходило без того, чтобы на нем не сообщалось о смерти сотрудников академических институтов. 1 января 1942 г. скончался академик П. К. Коковцов. 27 февраля 1942 г. не стало члена-корреспондента Академии наук СССР П. А. Земятченского. Университет лишился биологов Д. Н. Кашкарова, В. С. Порецкого и др.

¹⁰² Г. Данилова. О работе исторического факультета Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена в дни Отечественной войны. «Исторический журнал», 1943, № 10, стр. 106.

¹⁰³ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 290.

¹⁰⁴ ААН, ф. 767, оп. 1, № 102, л. 4.

Жертвами голода пали в Горном институте 36 профессоров и преподавателей, в Химико-технологическом институте — 8, в Институте инженеров железнодорожного транспорта — 7.¹⁰⁵ Погибли профессора Инженерно-строительного института Б. М. Аше, В. В. Арнольд, Г. Д. Гримм, Л. А. Ильин, Н. П. Павлюк, Н. А. Тырса, В. Д. Ротгольд, Л. П. Шишко и др.¹⁰⁶ В Кораблестроительном институте умерли доценты И. И. Виллим, П. Н. Гудков, М. Г. Гуменский, Н. А. Заботкин и др.¹⁰⁷ За работой над монографией о Московских летописных сводах XVI в. скончался историк Н. Ф. Лавров, смерть прервала также творческую деятельность историков М. И. Ахуна, П. А. Садикова, Н. С. Чаева и др.¹⁰⁸

В трудные дни блокады ленинградские партийные и советские организации сделали все возможное, чтобы улучшить условия быта и труда ученых.

С 25 декабря 1941 г. благодаря подвозу продовольствия по ледовой трассе Ладожского озера, начавшемуся 20 ноября, хлеба населению стало выдаваться несколько больше: рабочим — 350 граммов в сутки, служащим — 200. 24 января 1942 г. произошло дальнейшее увеличение норм выдачи хлеба: рабочие стали получать 400 граммов, служащие — 300. 11 февраля 1942 г. эти нормы вновь были увеличены: рабочим — до 500 граммов, служащим — до 400.¹⁰⁹

Для того, чтобы поддержать здоровье ученых, им выделялись продукты питания сверх установленных норм.¹¹⁰

В январе 1942 г. академикам и членам-корреспондентам Академии наук СССР стал выдаваться специальный паек, в феврале—апреле 1942 г. специальный паек был установлен также для докторов наук и профессоров.¹¹¹

¹⁰⁵ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 186—187.

¹⁰⁶ Ленинградский инженерно-строительный институт за 125 лет, стр. 47.

¹⁰⁷ И. В. Никитин, ук. соч., стр. 109.

¹⁰⁸ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет, стр. 77.

¹⁰⁹ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I, стр. 119.

¹¹⁰ Д. В. Павлов, ук. соч., стр. 116.

¹¹¹ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947), стр. 258.

В начале 1942 г. в Ленинграде широко открывались стационары — учреждения полулечебного типа, где ослабевшие люди могли отдохнуть, подлечиться, набраться сил.

18 января 1942 г. при Ботаническом институте Академии наук СССР открылся стационар на 25 человек. К 1 мая 1942 г. через него прошло 250 научных работников.¹¹² Во исполнение указания Городского комитета партии 20 января 1942 г. начал функционировать стационар на 80 человек при Институте инженеров железнодорожного транспорта.¹¹³ 10 февраля 1942 г. стационар на 50 мест организовал Дом ученых им. А. М. Горького. Этот стационар обслужил 413 ученых.¹¹⁴ Работал стационар при Кораблестроительном институте. Для ученых предоставлялись также места в стационаре при Василеостровском районном комитете партии, и был открыт общегородской стационар «Астория». Не будет преувеличением сказать, что стационары спасли жизнь многим научным работникам.

Улучшению снабжения научных работников содействовала также столовая Дома ученых. Лечебная комиссия Дома ученых организовала, насколько это позволяли тогда условия, медицинское обслуживание деятелей науки.¹¹⁵

В январе—марте 1942 г., когда проходила массовая эвакуация ленинградцев по льду Ладожского озера, из города были вывезены и многие ученые. В середине февраля 1942 г. Кораблестроительный институт выехал в город Горький, а Институт инженеров железнодорожного транспорта — в Новосибирск; в конце февраля—начале марта Университет был эвакуирован в Саратов; в марте Горный институт выехал сначала в Пятигорск, а затем в Черемхово. В марте 1942 г. Электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина) был эвакуирован в Ессентуки, откуда переехал в августе 1942 г. в Ташкент.

¹¹² ААН, ф. 273, оп. 1 (1942), № 1, л. 4.

¹¹³ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 290.

¹¹⁴ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947), стр. 259.

¹¹⁵ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 6.

Эвакуированный в марте 1942 г. Инженерно-строительный институт обосновался в Барнауле. В марте же 1942 г. оставили Ленинград профессора, преподаватели и студенты Педагогического института им. А. И. Герцена.

Выезжавшие из Ленинграда сотрудники учреждений Академии наук СССР направлялись в Казань, Саратов, Свердловск, Ташкент, Фрунзе и другие города страны, где работали академические институты.

Проявляя заботу об эвакуированных ученых, 3 марта 1942 г. Исполнительный комитет Ленинградского городского совета принял постановление «О воспреещении заселения жилой площади эвакуированных из Ленинграда деятелей науки и искусства и охране их имущества и библиотек». Согласно этому постановлению, воспреещалось заселять жилую площадь выехавших из Ленинграда академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов. Исполкомам районных советов предлагалось обеспечить сохранность имущества деятелей науки и культуры.¹¹⁶

* *
*

Суровая зима 1941/42 г. подходила к концу. Многие пережили ленинградцы, большие жертвы понесли они, но выстояли и, пройдя через бесчисленные страдания, защитили родной город от вражеского вторжения. Находившиеся в блокированном Ленинграде ученые показали себя как подлинные патриоты Родины, героически боровшиеся за разгром врага. Каким мужеством, какой стойкостью, волей к победе надо было обладать, чтобы в тяжелейшие зимние месяцы 1941/42 г. не прекращать научных исследований!

В апреле 1919 г., когда шла гражданская война и трудящиеся молодой Советской республики с оружием в руках защищали завоевания Октябрьской революции, В. И. Ленин говорил: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают

¹¹⁶ Бюллетень Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, 1942, № 5—6, стр. 6.

свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».¹¹⁷ Своим героизмом в первую блокадную зиму, как и на протяжении всей 900-дневной обороны города, рабочий класс Ленинграда, его интеллигенция продемонстрировали глубокую мудрость и жизненность этих замечательных ленинских слов.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Речь на Конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г. Сочинения, т. 29, стр. 292.

Глава IV

НАУЧНАЯ РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(апрель 1942 г.—январь 1944 г.)

Страдавшее зимой 1941/42 г. от сильных морозов население Ленинграда с нетерпением ждало весны. И вот, наконец, долгожданная весна 1942 г. наступила. Солнечные лучи снова озарили улицы и площади города. И хотя с приходом весны перед ленинградцами возникли новые трудности, связанные с большими работами по очистке и уборке города, все же жить стало легче.

Десятки тысяч истощенных людей, преодолевая физическую слабость, ежедневно выходили на работы по очистке города и в короткий срок навели в нем образцовый порядок. Радовало ленинградцев то, что в середине апреля 1942 г. после длительного бездействия пошли первые трамваи и один за другим стали открываться предприятия бытового обслуживания.

Весна принесла ленинградцам многие облегчения, но тысячи людей за зиму были настолько обессилены и истощены, что ничто уже не могло помочь им, и они умирали. Немалые жертвы понесли тогда и научные учреждения. В. Г. Гаршин так писал в дневнике о своем самочувствии весной 1942 г.: «Я думаю, что труднее всего восстановить человека. У меня была только воля к работе. И эта воля заставила работать. Я видел то же и у других».¹

Весной 1942 г. произошло дальнейшее улучшение материального положения научных работников. 1 апреля

¹ ААН, ф. 767, оп. 1. № 102, л. 8.

1942 г. на заседании Президиума Академии наук СССР в Свердловске рассматривалось сообщение академика А. Ф. Иоффе о мерах улучшения бытовых условий ученых академических учреждений Ленинграда. В прениях по сообщению А. Ф. Иоффе выступили президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров, академики А. М. Деборин и Л. А. Орбели. Президиум Академии наук СССР назначил специальную комиссию во главе с академиком Л. А. Орбели, поручив ей выработать мероприятия, направленные на улучшение условий жизни и труда ученых ленинградских учреждений Академии наук СССР.²

7 апреля 1942 г. ученые Академии наук СССР, жившие в Казани, направили своим товарищам в Ленинград первомайский подарок — два вагона с продовольствием.³ Выражая благодарность за подарок, ленинградские ученые писали в Президиум АН СССР: «Тяжелая для Ленинграда зима 1941/42 г., суровые условия блокады нашего города, бомбардировки с воздуха, артиллерийские обстрелы, суровые морозы и труднейшие бытовые условия не смогли поколебать славных защитников великого города Ленина и в их числе работников науки, находившихся в Ленинграде и продолжавших на своем посту научную работу, а также работу по охране ценнейших архивов, музеев, собраний и коллекций Академии наук СССР, оставшихся в Ленинграде.

Сейчас, когда эта суровая и тяжелая зима уже позади, мы можем заявить, что беспрерывно чувствуем, несмотря на сжимающее наш город кольцо блокады, связь со всей нашей страной, одним из проявлений которой явилась присылка ленинградским ученым первомайских подарков от находящихся за кольцом блокады ученых Академии наук СССР».⁴

Приведенное письмо убедительно говорит о стойкости и мужестве ученых, об их крепкой связи со всей страной,

² ААН, научно-методический кабинет, папка № 6.

³ Сопровождать вагоны с продовольствием из Казани в Ленинград Президиум Академии наук СССР поручил сотрудникам Академии Б. С. Джелепову (ныне члену-корреспонденту АН СССР), В. К. Боболеву, Н. С. Ивановой и др. Они же были назначены уполномоченными Президиума Академии наук по распределению продовольствия. См.: ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 24, л. 77.

⁴ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 24, л. 153.

об их желании еще энергичнее работать в осажденном Ленинграде.

В научной жизни города начало весны было отмечено знаменательным событием — первым заседанием Объединенного ученого совета гуманитарных институтов Академии наук СССР. Мысль об организации такого совета высказывалась уже давно, и 16 марта 1942 г. постановлением Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР Объединенный ученый совет институтов: Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Языка и мышления, Ленинградского отделения Института истории — был создан. Председателем Ученого совета был утвержден академик И. Ю. Крачковский.⁵

Первое заседание Объединенного ученого совета состоялось 1 апреля 1942 г. Все научные сотрудники гуманитарных институтов Академии наук СССР, кому позволяли здоровье и силы, как на праздник, пришли на это заседание.⁶ Об обстановке, в которой проходило заседание, рассказал один из его участников, директор Архива Академии наук СССР Г. А. Князев: «Сотрудники, кто еще стоял на ногах и мог передвигаться, пришли все, — пишет Г. А. Князев. — Заседание должно было состояться в одной из комнат, выходящих окнами на двор большого академического дома,⁷ чтобы не подвергаться случайностям могущего начаться артобстрела. Была попытка протопить печь, но трубы так отсырели, что дым повалил обратно и заполнил все помещения. От топки пришлось отказаться и избрать другую, хотя и маленькую комнату, но где было меньше дыма, и которую скоро согрели своим дыханием присутствующие.

⁵ ААН, ф. 2, оп. 2, № 2, л. 23.

⁶ На первом заседании Объединенного ученого совета присутствовали: А. И. Андреев, А. М. Астахова, В. И. Беляев, С. Н. Бибиков, А. И. Болтунова, А. В. Венедиктов (впоследствии академик), С. М. Доброгаев, Г. А. Князев, С. И. Ковалев, И. И. Любименко, Р. Б. Мюллер, Д. А. Ольдерогге (ныне член-корреспондент АН СССР), А. И. Перепеч, В. А. Петров, Н. В. Пигулевская (ныне член-корреспондент АН СССР), В. И. Равдоникас (ныне член-корреспондент АН СССР), Д. В. Семенов, Г. Ф. Смыкалов, М. А. Тиханова, Э. А. Якубинская. См.: ААН, ф. 2, оп. 19, № 2, л. 1.

⁷ Речь идет о главном здании Академии наук СССР в Ленинграде, где ныне размещаются административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений Академии наук СССР, кафедры философии и иностранных языков.

Все были в пальто, шапках. Некоторые на ногах имели какие-то обвязки вместо сапог или валенок. На распухшие от цинги ноги не надевалась обувь. Лица были землистые. Но горели глаза! Еще бы! Какое событие! С каким вниманием и волнением все слушали спокойную и хорошо сказанную вступительную речь академика И. Ю. Крачковского, председателя собрания».⁸

Открывая заседание, академик И. Ю. Крачковский информировал присутствующих о деятельности ученых Академии наук в период блокады и определил их задачи на будущее. Выступавшие в прениях вносили свои пожелания о направлении работы Ученого совета.

Г. А. Князев призвал Ученый совет обратить серьезное внимание на организацию охраны научных ценностей. Профессор С. И. Ковалев говорил о необходимости подготовки научной сессии, посвященной 25-й годовщине Октябрьской революции, и проведения лекционной работы среди населения. Профессор А. И. Андреев, подчеркивая ответственные задачи, вставшие перед ленинградскими учеными, высказался за то, чтобы на Ученом совете защищались диссертации, читались научные доклады, обсуждались подготовляемые к печати монографии.⁹

В выступлении А. М. Астаховой содержалось предложение об оживлении деятельности Академического издательства, чтобы иметь возможность печатать труды, подготовленные в учреждениях Академии наук СССР. И. И. Любименко просила Ученый совет оказать помощь Библиотеке Академии наук в улучшении ее работы. По мнению М. А. Тихановой, Объединенный ученый совет должен был организовать научную работу в академических учреждениях, проводить защиты диссертаций, наладить подготовку к юбилейной научной сессии в ознаменование 25-й годовщины Октябрьской революции, помогать средней школе. М. А. Тиханова говорила, что на обсуждение Ученого совета следует выносить такие доклады, в которых ставились бы методологические вопросы, имеющие важное принципиальное значение.¹⁰

⁸ Г. А. Князев. Советские ученые в блокадную зиму 1942 г. в Ленинграде. Рукопись, стр. 5. ААН, научно-методический кабинет.

⁹ ААН, ф. 2, оп. 19, № 2, л. 2.

¹⁰ Там же.

Закрывая первое заседание Ученого совета, И. Ю. Крачковский отметил, что «главная наша задача — всемерно развивать научную работу». Он говорил: «Следует помнить, что в некоторых научных областях работа идет только в Ленинграде, так как уехавшие из Ленинграда работники оказались оторванными от научной базы — книг, рукописей, научных коллекций. Мы же здесь располагаем солидной базой для работы в разнообразных научных областях и многое можем сделать на благо советской культуры, на благо нашей родины».¹¹

27 мая 1942 г. Ученый совет рассмотрел производственные планы институтов Востоковедения, Истории материальной культуры и Ленинградского отделения Института истории, а также заслушал доклад известного африканиста Д. А. Ольдерогге на тему «Эпигамия и экзогамия». На заседании Ученого совета, состоявшемся 3 июня 1942 г., обсуждались производственные планы Института языка и мышления, Института этнографии, Института литературы, Библиотеки и Архива АН СССР.¹² 10 июня 1942 г. Ученый совет присудил старшему научному сотруднику Института истории материальной культуры М. Е. Сергеенко ученую степень доктора филологических наук. Официальными оппонентами по диссертации М. Е. Сергеенко на тему «Очерки по истории италийской агрокультуры» выступали член-корреспондент АН СССР И. И. Толстой, доктор исторических наук С. И. Ковалев и доктор биологических наук А. П. Ильинский.¹³

Организация Объединенного ученого совета в тех условиях, когда коллективы гуманитарных учреждений Академии наук СССР были малочисленны и в каждом из них не имелось возможностей для создания собственных ученых советов, являлась своевременной и нужной мерой. Объединенный ученый совет во многом способствовал оживлению научной работы в академических институтах.

¹¹ Там же, лл. 3—4.

¹² Там же, л. 5.

¹³ ААН, ф. 2, оп. 19, № 11, лл. 8—13. В 1958 г. Академия наук СССР издала монографию М. Е. Сергеенко «Очерки по сельскому хозяйству древней Италии».

В первой половине 1942 г. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР лишился 12 научных и 16 технических сотрудников. Среди погибших были три доктора наук — Б. Л. Богаевский, В. В. Гольмстен, А. Н. Зограф — и 7 кандидатов наук.¹⁴ Эти тяжелые потери, хотя и сказались весьма отрицательно на состоянии научной работы, но вовсе приостановить ее не смогли: оставшиеся в живых продолжали дело своих безвременно скончавшихся товарищей. Весна 1942 г. отмечена в жизни Института созданием трех секторов: сектора палеолита и неолита, сектора Древней Руси и Восточной Европы, сектора античного мира. Руководство секторами взяли на себя профессора М. И. Максимова, В. И. Равдоникас и кандидат исторических наук М. А. Тиханова.¹⁵ 20 апреля 1942 г. сотрудники Института собрались на совещание, чтобы обсудить сообщение С. Н. Бибикова о плане работы Института на II—IV кварталы 1942 г.¹⁶

В мае 1942 г. сектора Института истории материальной культуры начали регулярно проводить научные заседания. 2 мая состоялось заседание сектора палеолита и неолита, на котором обсуждался план его работы. 8 мая сектор заслушал доклад В. А. Петрова «Скифский хлеб по находкам, сделанным в Пастерском городище», 16 мая — доклад С. И. Руденко «Материальная культура древнего населения крайнего северо-востока Азии», 29 мая — сообщение С. Н. Бибикова «Древнее население среднего Поднестровья». 10 июня 1942 г. на заседании сектора обсуждался доклад Н. М. Руденко «Китайская керамика из мертвого города Хара-Хото (Монголия) из раскопок Козлова», 12 июня — доклад Д. А. Ольдерогге «Наскальные изображения Северной Африки».¹⁷ Первое заседание сектора античного мира, состоявшееся 2 мая 1942 г., было посвящено рассмотрению плана работы сектора; на втором заседании, созванном 15 мая, обсуждался доклад М. Е. Сергеевко «Полевое хозяйство у Катона». В заседаниях, проходивших под председательством

¹⁴ ААН, ф. 312, оп. 1 (1942), № 48, л. 13.

¹⁵ Там же, № 26, лл. 2—3.

¹⁶ Там же, № 21, л. 4.

¹⁷ Там же, оп. 1 (1943), № 8, лл. 6—7.

М. И. Максимовой, участвовали А. И. Болтунова, О. И. Бич, А. Н. Карасев, Е. Г. Кастанаян, Е. И. Леви и М. А. Тиханова.¹⁸

Сотрудники Института не прекращали работы и над диссертациями. С. И. Руденко трудился над завершением докторской диссертации.¹⁹ Кандидатской диссертации, которая была подготовлена Е. В. Ернштедт, не суждено было быть вынесенной на защиту — этому помешала смерть диссертанта.²⁰

В июле—августе 1942 г., после очередной эвакуации, количество научных сотрудников Института истории материальной культуры, оставшихся в Ленинграде, уменьшилось до 4-х человек (А. В. Дмитриевская, Е. Г. Кастанаян, В. А. Петров и В. Н. Полторацкая). Руководство ими было поручено уполномоченному Института О. И. Бич.²¹

В Институте этнографии Академии наук СССР весной 1942 г. возобновилась работа по подготовке труда «Народы мира».²² Старший научный сотрудник Д. А. Ольдерогге вел исследования по теме «Первобытная община Африки».²³

Оживилась научная деятельность Института востоковедения Академии наук, чему немало способствовала профессор Н. В. Пигулевская. «Особенно трудная работа выпала на долю заместителя директора профессора Н. В. Пигулевской, которая во время моей болезни должна была единолично взять на себя всю научно-организационную и административную деятельность»,²⁴ — писал академик И. Ю. Крачковский. 17 апреля 1942 г. под председательством Н. В. Пигулевской проходило заседание сотрудников дальневосточной группы кабинетов Института, обсуждавшее текущие его задачи.²⁵ 4 мая 1942 г. общее собрание сотрудников рассматривало план

¹⁸ Там же, оп. 1 (1942), № 23, лл. 1, 10—11.

¹⁹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 81; ф. 312, оп. 1 (1942), № 48, л. 5.

²⁰ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 81.

²¹ ААН, ф. 312, оп. 1 (1943), № 8, л. 7.

²² ААН, ф. 142, оп. 1 (1943), № 18, л. 85.

²³ Там же, оп. 1 (1942), № 15, л. 3.

²⁴ ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 3, л. 4.

²⁵ Там же, № 17, лл. 3—6.

работы Института на второе полугодие 1942 г.²⁶ 22 мая 1942 г. в Институте обсуждался доклад В. И. Кальянова «Махабхарата — эпический памятник древней Индии», 12 июня — доклад А. Я. Борисова «Арамейские надписи, найденные на Кавказе».²⁷

Весной 1942 г. возобновилась научная жизнь в Институте литературы Академии наук СССР. В апреле—июне 1942 г. этим Институтом руководил заместитель директора профессор Б. П. Городецкий. Голод, холод, тяжелые заболевания не дали возможности большинству сотрудников Института продолжать исследования зимой, но уже в апреле—мае 1942 г. член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Толстой, старшие научные сотрудники В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, А. И. Грушкин, М. М. Калаушин, Д. С. Лихачев, В. А. Мануйлов, Н. И. Мордовченко, А. И. Перепеч, Б. Г. Реизов, младшие научные сотрудники В. М. Глинка, Е. П. Населенко и М. И. Стеблин-Каменский составили планы научной работы на 1942 г.

Как можно судить на основании плана, составленного 17 апреля 1942 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР И. И. Толстым, ученый намеревался в 1942 г. разрабатывать тему «Античная сказка».²⁸ Старший научный сотрудник В. П. Адрианова-Перетц²⁹ включила в свой план, датированный 4 апреля 1942 г., работу над II томом «Истории русской литературы» и подготовку исследования на тему «Измарагд — энциклопедия общественной и частной морали русского средневековья».³⁰ В плане старшего научного сотрудника А. М. Астаховой, наряду с другими темами, значилась работа над докторской диссертацией, относящейся к изучению северного периода в истории русской былины.³¹

По заданию Политического управления Ленинградского военного округа старший научный сотрудник Института литературы Д. С. Лихачев (ныне член-корреспон-

²⁶ Там же, № 1, лл. 9—10.

²⁷ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 39.

²⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 4, лл. 21—24.

²⁹ В сентябре 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц была избрана членом-корреспондентом Академии наук СССР.

³⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 4, л. 2.

³¹ Там же, лл. 7, 9—10.

дент Академии наук СССР) подготовил в апреле—июне 1942 г. две статьи о культурных ценностях Новгорода и Пскова. Не прекращал он и работы над монографией о литературе периода образования Русского национального государства.³² Совместно с М. А. Тихановой ученый написал брошюру о героической обороне древнерусских городов, которая была 10-тысячным тиражом издана в Ленинграде в 1942 г. Рассказав о защите городов Древней Руси, авторы писали в заключение брошюры: «Доблестные защитники Ленинграда — воины Красной Армии и мужественные сыны и дочери великого города Ленина не допустят наглых захватчиков в свой город, не дадут осквернить его священную почву, омытую кровью лучших сынов великого советского народа».³³

Активно участвовали ученые в организации состоявшегося 6 июня 1942 г. общегородского заседания, посвященного памяти А. С. Пушкина (143-летняя годовщина со дня рождения поэта) и проходившего 20 июня 1942 г. заседания памяти А. М. Горького (в связи с 6-й годовщиной со дня смерти писателя). За 8 месяцев 1942 г. они прочитали в воинских частях более 120 лекций по тематике Института литературы. Большую лекционную пропаганду вели Б. П. Городецкий, В. А. Мануйлов, Н. И. Мордовченко и др. С научно-популярными статьями по истории русской литературы выступали на страницах печати В. М. Глинка, Д. С. Лихачев, В. А. Мануйлов, Б. Г. Рейзов и др.³⁴

В июне—июле 1942 г. почти все научные сотрудники Института литературы были эвакуированы из Ленинграда. В городе остались, не считая технического персонала, лишь В. М. Глинка, В. А. Мануйлов и М. И. Стеблин-Каменский. Уполномоченным Института был назначен В. А. Мануйлов.³⁵

Начиная с мая 1942 г. возобновились научные заседания в Институте языка и мышления Академии наук СССР. Первое из них состоялось 27 мая. На заседании

³² Там же, № 5, л. 53.

³³ М. А. Тиханова и Д. С. Лихачев. Оборона древнерусских городов. Госполитиздат, Л., 1942, стр. 101—102. Брошюра была подписана к печати 2 октября 1942 г.

³⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 5, лл. 67, 69.

³⁵ Там же, оп. 1 (1943), № 7, л. 38.

обсуждался доклад «Придаточные предложения причины в финском литературном языке в период формирования современного финского языка», с которым выступила старший научный сотрудник Е. П. Латикайнен.³⁶

12 июня 1942 г. на очередном заседании был заслушан доклад старшего научного сотрудника С. С. Советова «О работе М. Ю. Лермонтова над языком „Мцыри“», 26 июня — доклад профессора Б. А. Кржевского об «Очередных задачах изучения истории испанского языка», 3 июля 1942 г. — сообщение старшего научного сотрудника Е. И. Убратовой на тему: «Слово и словосочетание в якутском языке».³⁷ Работу Института языка и мышления с марта 1942 г. возглавляла старший научный сотрудник Э. А. Якубинская.³⁸

Сотрудники Музея истории религии Академии наук СССР А. Н. Полякова, С. Г. Рутенбург, В. М. Францева и другие продолжали оберегать коллекции Музея и его помещение.³⁹ В течение всего периода блокады Музеем руководил доктор исторических наук Ю. П. Францев. Одновременно ученый вел большую партийную работу. Начиная с 1942 г. он был лектором Куйбышевского районного комитета партии, а затем лектором и заведующим сектором культуры Городского комитета партии.⁴⁰ Ю. П. Францев написал яркие пропагандистские статьи, опубликованные в ленинградской печати.⁴¹

Среди тех, кто продолжал творческую деятельность в Ленинграде, был Б. В. Асафьев.

В марте 1942 г. Б. В. Асафьев возобновил свои многолетние исследования о М. И. Глинке. Кроме того, он начал работать над музыкально-лирическими монографиями «Григ», «Чешское музыкальное возрождение перед натиском фашизма», «Народное музицирование южных славян по запискам русских путешественников», а также

³⁶ ААН, ф. 77, оп. 1 (1942), № 14, лл. 1, 4—5.

³⁷ Там же, лл. 9—12, 15.

³⁸ ААН, ф. 2, оп. 18, № 2, л. 30.

³⁹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, лл. 89—90.

⁴⁰ ААН, ф. 221, оп. 4, № 278, лл. 130, 133.

⁴¹ Таковы, например, статьи Ю. П. Францева: 1) Армия крепостников и наемных убийц. «Пропаганда и агитация», 1942, № 16, стр. 20—24; 2) Разрушить гитлеровский новый порядок в Европе. Там же, 1942, № 22, стр. 28—34; 3) Сила народная. Там же, 1942, № 23—24, стр. 16—23.

статьями о связях русских композиторов с композиторами славянских стран.⁴²

О встрече с Б. В. Асафьевым в один из летних дней 1942 г. писатель В. М. Саянов рассказывает: «В первый раз встретил я человека, который не говорил о житейских делах. Это было непривычно в блокадном Ленинграде, где каждый много страдал от бытовых неудобств, от холода и голода и неизбежно вспоминал в разговорах о пережитом. Я не знал тогда, что Асафьев зимой жил и работал в бомбоубежище при театре Пушкина, вообще, наша беседа совсем не касалась мелких бытовых дел. Как ни странно, большую часть времени мы проговорили о музыкальном строе песен западных славян. . .

«Очевидно, собеседник давал Асафьеву возможность еще раз популярно изложить свои мысли, и он обрадовался мне. Не часто встречался он теперь с внимательными слушателями (ведь большинство его товарищей и учеников, композиторов и музыковедов, теперь в глубоком тылу) и он живет более уединенно, чем прежде.

«— Нет, в Москву я не хочу ехать, хотя мне каждый день надоедают письмами и телеграммами из Комитета (Комитета по делам искусств, — А. К.), — но я не хочу уезжать отсюда, ведь самое страшное мы уже пережили».⁴³

В Ленинграде Б. В. Асафьев создал симфонию «Родина», сюиту «Суворов». Монографии, которые он писал в дни блокады, увидели свет несколько лет спустя: книга «Евгений Онегин» вышла из печати в 1944 г., книга «Глинка» — в 1947 г. Зимой 1943 г. Асафьев оставил Ленинград и переехал в Москву.

В 1943 г. Б. В. Асафьеву за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы была присуждена Государственная премия. Этой премии был также удостоен в 1948 г. труд Б. В. Асафьева «Глинка». В сентябре 1943 г. состоявшееся в Свердловске Общее собрание Академии наук СССР избрало Асафьева академиком.⁴⁴

⁴² Б. А с а ф ъ е в. Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны, стр. 31—33.

⁴³ В. С а я н о в. Ленинградский дневник. Лениздат, Л., 1958, стр. 174—175.

⁴⁴ В книге, содержащей материалы о работе Общего собрания Академии наук СССР в сентябре 1943 г., даны краткие характери-

Не прекращал научной работы профессор Университета Т. П. Кравец.⁴⁵ В Ленинграде он начал готовиться к докладу об изучении трудов Исаака Ньютона в России, с которым выступал в январе 1943 г. в Москве на торжественном заседании Академии наук, посвященном 300-летию со дня рождения Ньютона.⁴⁶ В сентябре 1943 г. Академия наук избрала Т. П. Кравца членом-корреспондентом.

Среди ученых Университета, продолжавших трудиться в Ленинграде, были профессора А. А. Полканов,⁴⁷ избранный в сентябре 1943 г. академиком, С. Д. Львов, ставший в декабре 1946 г. членом-корреспондентом Академии наук, и М. Э. Янишевский.

Дальнейшее развитие получили исследования в области естественных и технических наук, в особенности работы оборонного значения.

В истории обороны Ленинграда эпизоды, связанные с перевозкой людей и грузов по льду Ладожского озера, по праву занимают одно из самых выдающихся мест. «Дорога жизни» — это название красноречиво выражало роль и значение ладожской трассы для осажденного го-

ставки научной деятельности вновь избранных академиков.

Об Асафьеве в названной книге сказано: «Научное творчество Б. В. Асафьева отличается широтой охвата темы и постановки проблем, остротой и глубиной художественного восприятия, меткостью характеристик. Все эти качества давно уже выдвинули Бориса Владимировича на первое место среди советских исследователей в области истории и теории музыки». См.: Общее собрание Академии наук СССР 25—30 сентября 1943 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1944, стр. 214.

⁴⁵ Об этом автору рассказал старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР М. И. Радовский, являвшийся в 1942—1943 гг. ученым секретарем Комиссии по празднованию 300-летия со дня рождения И. Ньютона. В мае 1942 г., выполняя поручение Президиума АН СССР, М. И. Радовский прилетел из Казани в Ленинград. Из Ленинграда он вывез многие ценные материалы Физиологического института АН СССР, Издательства АН СССР и т. д.

⁴⁶ Т. П. Кравец. Ньютон и изучение его трудов в России. В кн.: «Исаак Ньютон. 1643—1727. Сб. статей к трехсотлетию со дня рождения». Изд. АН СССР, М.—Л., 1943, стр. 312—328.

⁴⁷ А. А. Полканов был эвакуирован из Ленинграда в августе 1942 г. В уже упоминавшейся книге «Общее собрание Академии наук СССР 25—30 сентября 1943 года» (стр. 230) А. А. Полканов характеризуется как «один из наиболее крупных петрографов СССР».

рода. В обеспечение четкой и бесперебойной работы ледовой дороги немалый вклад внесли и ученые, особенно сотрудники Физико-технического института Академии наук СССР.⁴⁸ «Изучение свойств ледового покрова, проведенное в дни блокады группой ученых под руководством П. П. Кобеко, — писал в декабре 1945 г. академик А. Ф. Иоффе, — сыграло свою роль при прорыве блокады».⁴⁹

Ученые Физико-технического института П. П. Кобеко, Н. И. Шишкин, Ф. И. Марей и Н. С. Иванова вели исследования по темам: «Пластическая деформация и вязкость льда», «Пролонг и грузоподъемность льда». П. П. Кобеко и Ю. Н. Неронов изучали проблему: «Работа ледового покрова на Ладоге и на Неве у Шлиссельбургского моста», Н. М. Рейнов работал над созданием прогибографа — прибора, предназначенного для исследования деформации ледяного покрова.⁵⁰

Результаты своих изысканий Н. М. Рейнов изложил следующим образом: «Автором разработан метод измерения деформаций льда, позволяющий автоматически записывать процессы продолжительностью от 0.1 секунды до суток. С помощью специально изготовленных приборов зимой 1942/43 г. были проведены исследования на льду Ладожского озера, на Неве и на втором Суздальском озере. Были измерены суточные естественные колебания ледяного покрова и показано, что лед находится в непрерывном движении, т. е. работает на усталость. Была также записана амплитуда ветровых колебаний льда. В основном были применены быстроходные приборы, позволившие открыть ряд новых явлений при динамических деформациях ледяного покрова».⁵¹ В итоге, писал Н. М. Рейнов, «были сделаны существенные выводы

⁴⁸ В числе работ, посвященных истории Академии наук и содержащих сведения о деятельности Физико-технического института в годы блокады, следует упомянуть интересную статью Б. В. Левшина «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны» («История СССР», 1961, № 3, стр. 13—27).

⁴⁹ Акад. А. Ф. Иоффе. Исследователи материи. К 25-летию Ленинградского физико-технического института. «Вечерний Ленинград» от 15 декабря 1945 г., № 2, стр. 2.

⁵⁰ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 27—29.

⁵¹ Там же, стр. 31.

о безопасности движения по ледяным трассам и написаны инструкции для пользования ими».⁵²

Чтобы обеспечить непрерывную работу прогибографов, возникла необходимость в устройстве незамерзающих прорубей. Ученым пришлось решать и эту проблему. Как исследователи справились с ней, можно видеть из статьи «Незамерзающие проруби», написанной научным сотрудником Физико-технического института С. В. Кобеко. «Была разработана следующая конструкция, — читаем мы в указанной статье. — Металлическая или деревянная труба пропускалась сквозь лед так, чтобы нижний конец ее находился в воде. Труба заполнялась отработанным легким минеральным маслом; при наличии тяжелого масла, оно разбавлялось керосином. Подобные устройства бесперебойно и без доливки работали зимы 1941/42 г. и 1943/44 г. на Ладоге, Неве, у Шлиссельбурга и в других местах. По этому типу были сконструированы пожарные водоемы на озерах близ Ленинграда и на Неве. Их эксплуатация дала хорошие результаты».⁵³

Из работ ученых, относящихся к «дороге жизни», назovem, помимо упомянутых выше, следующие: П. П. Кобеко, К. Е. Иванов и А. Р. Шульман — «Исследование механических свойств ледового покрова при динамических нагрузках», Ю. Н. Неронов — «Вертикальные усилия ледяного покрова», «К вопросу о величине временного сопротивления на изгиб весеннего тающего льда», А. Р. Шульман — «Работа ледяного покрова под нагрузкой», А. Р. Шульман и М. М. Казанский — «Таблицы и формулы для расчета грузоподъемности льда».⁵⁴

Изучение проблем, касающихся работы Ладожской трассы, вели Гидрографическая служба Краснознаменного Балтийского флота, институты Гидрологический, Дорожный и Коммунального хозяйства.⁵⁵

По поручению Управления военно-восстановительных работ Ленинградского фронта в ноябре 1942 г. бригада сотрудников Физико-технического института выезжала на Ладожское озеро и в результате наблюдений пришла

⁵² Там же, стр. 32.

⁵³ Там же, стр. 29—30.

⁵⁴ Там же, стр. 26—34.

⁵⁵ Ф. И. Сирота. Ленинград — город-герой, стр. 102.

к выводу, что при движении транспорта по Ладожской трассе со скоростью 35 километров в час могут возникнуть колебания, которые приведут к пролому льда. Изучив характер колебаний, ученые выработали правила безопасного движения по льду.⁵⁶

Профессор Электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) А. А. Алексеев также побывал на Ладожском озере, чтобы оказать помощь в организации работ по сварке металлических конструкций барок и причалов для них, перевозивших грузы по Ладоге летом.⁵⁷

Значение исследований, связанных с «дорогой жизни», трудно переоценить.⁵⁸ Недаром в Музее истории Ленинграда, там, где выставлена боевая техника времен Отечественной войны, находится и применявшийся на Ладоге прогибограф — прибор, созданный ленинградскими учеными.⁵⁹

В научных учреждениях города продолжалась разработка и многих других проблем, продиктованных потребностями обороны.

Физико-технический институт Академии наук СССР проводил исследования по расшифровке вражеских мин и защите от них советских кораблей. Институт разработал технологию и наладил производство нового изоляционного материала — эскапона, нашедшего широкое применение для мощных радиоустановок Ленинградского фронта.⁶⁰

Ответственные задания оборонных организаций выполнялись оставшимися в Ленинграде сотрудниками Радиового института Академии наук СССР М. М. Гербаневской, В. И. Лежубовой, О. А. Писемской, В. А. Унковской и др.⁶¹ Возглавлял Институт профессор А. Б. Вериго.

⁵⁶ П. П. Кобеко. Ученые фронту. «Ленинградская правда» от 16 июня 1945 г., № 138, стр. 3; Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947), стр. 267.

⁵⁷ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 118.

⁵⁸ Подробно о Ладожской трассе см.: А. Сапаров. Дорога жизни. Документальная повесть. Лениздат, Л., 1957. В 1959 г. сочинение А. В. Сапарова, расширенное и дополненное автором, вышло новым изданием.

⁵⁹ Музей истории Ленинграда, экспозиция, зал № 22.

⁶⁰ П. П. Кобеко. Ученые фронту.

⁶¹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, л. 77.

Зимой и весной 1942 г. Институт изготовлял для фронта светосоставы постоянного действия. В письме одного из заводов, направленном дирекции этого научного учреждения, коллективу Института выражалась искренняя благодарность за то, что он «смог в особенно трудный период переживаний г. Ленинграда освоить и наладить выпуск светосостава».⁶²

В Астрономическом институте Академии наук СССР готовился «Большой астрономический ежегодник СССР на 1943 г.» (был выпущен в свет в 1943 г.) и велось немало срочных работ оборонного характера.⁶³ Среди сотрудников Института были О. А. Готт, Е. С. Иванова, В. К. Коба, В. С. Мошкова, М. Д. Рожнов, Е. И. Савкевич, Г. М. Саухалова, Л. С. Соколова, М. И. Фролова, А. И. Фролова и др.⁶⁴ Результаты исследований ученых получили высокую оценку заместителя командующего Военно-воздушными силами Красной Армии, который писал 29 октября 1942 г. уполномоченному Института профессору И. Д. Жонголовичу: «За время Отечественной войны с германским фашизмом Ленинградский астрономический институт по собственному почину, в качестве вклада в фонд обороны, провел большую и крайне необходимую для Военно-воздушных сил Красной Армии работу по расчету Авиационных астрономических ежегодников на 1943 и 1944 гг. и таблицы восхода и захода Солнца и Луны на 1943 г. общей стоимостью около 80 000 рублей. За ценный вклад, внесенный Ленинградским астрономическим институтом в дело обороны страны, объявляю всему составу Института благодарность».⁶⁵

Весной 1942 г. Городской комитет партии и Ленсовет поручили Ботаническому институту Академии наук СССР вырастить 5 миллионов штук рассады. Ученые с большим энтузиазмом взялись за выполнение этого поручения, глубоко понимая, что от их усилий зависело в какой-то степени улучшение питания ленинградцев. Особенно много потрудился над выращиванием рассады младший

⁶² Музей истории Ленинграда, экспозиция, зал № 23.

⁶³ ААН, ф. 334, оп. 1 (1942), № 4, лл. 38—39.

⁶⁴ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, лл. 33—34.

⁶⁵ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 9, л. 74; В. И. Салов. Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941—1943). «Исторические записки», 1957, № 60, стр. 29.

научный сотрудник В. И. Чирков.⁶⁶ Задание Горкома партии и Ленсовета Институт перевыполнил, вырастив 6.5 миллионов штук рассады.⁶⁷ 13 июня 1942 г. в «Ленинградской правде» сообщалось: «В парниках, теплицах и открытых теплых грядках работники Ботанического института АН СССР посеяли свыше шести миллионов штук корней рассады. Гряды сейчас зеленеют. Капуста, помидоры, лук, щавель, брюква и другие культуры дали отличные всходы».⁶⁸

Сотрудники Всесоюзного института растениеводства, вырастив около 400 тысяч штук рассады, в то же время активно участвовали в работе специальных курсов, организованных для обучения бригадиров-овощеводов и директоров подсобных хозяйств. «Все коллекции Института находятся в удовлетворительном состоянии, — говорилось в отчете о его деятельности, — а коллекции картофеля и набор ракоустойчивых сортов были высажены сотрудниками Института на площади около 2 га в двух пригородных хозяйствах и в значительной мере размножены».⁶⁹

В мае 1942 г. в клубе Ботанического института была открыта выставка по дикорастущим пищевым растениям и огородным культурам.⁷⁰ Посетители выставки отмечали ее большое практическое значение для города, находившегося в тисках вражеской блокады. «Выставка произвела на меня огромное впечатление — как мало мы пользуемся благами природы, — писал один из ее посетителей 19 августа 1942 г. — Большую и полезную работу проделали научные работники Ботанического сада для защитников Ленинграда, и за это им глубокая благодарность».⁷¹ Ученые дали большое количество консультаций по вопросам использования дикорастущих пищевых растений и прочитали много лекций на эту тему.⁷²

По рекомендации Ботанического института, а также Витаминного и Сельскохозяйственного институтов, весной

⁶⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 16, л. 50.

⁶⁷ ААН, ф. 273, оп. 1 (1942), № 5, л. 63.

⁶⁸ «Ленинградская правда» от 13 июня 1942 г., № 139, стр. 2.

⁶⁹ И. Г. Эйхфельд, ук. соч., стр. 17.

⁷⁰ ААН, ф. 273, оп. 1 (1942), № 10, лл. 56, 125; «Ленинградская правда» от 29 мая 1942 г., № 126, стр. 2.

⁷¹ ААН, ф. 273, оп. 1 (1942), № 10, л. 125.

⁷² Там же, оп. 1 (1944), № 18, лл. 1—2.

1942 г. в пищевой рацион ленинградцев и воинов Ленинградского фронта были введены 22 вида съедобных дикорастущих растений, содержащих питательные вещества, столь необходимые для организма истощенных людей.⁷³

Весной 1942 г. Ботанический институт получил задание Городского комитета партии и Городского совета вырастить наперстянку — растение, необходимое для производства лекарственного препарата — дигиталиса. Н. Н. Монтеверде, заведующий лабораторией лекарственных растений, в это время был тяжело болен: дистрофия вынудила ученого лечь в клинику 1-го Медицинского института. Выйдя из клиники, он немедленно приступил к выполнению ответственного задания. Под руководством Монтеверде сотрудники Ботанического института сумели вырастить наперстянку и к осени 1942 г. Ленинград был обеспечен собственным дигиталисом.

В «Ленинградском дневнике» В. М. Инбер читатель найдет переданный писательницей рассказ Монтеверде о том, как в 1942 г. ученые Ботанического института дали ленинградцам дигиталис. «Когда Монтеверде кончил свой рассказ, — пишет В. М. Инбер, — я спросила: довелось ли ему самому испытать на себе целебные свойства выращенного им лекарства? И он, оживившись, ответил, что да, что дигиталис очень „помог“ ему, потому что как только Горком предложил ему, Монтеверде, заняться этим делом, он ощутил большой прилив сил и вышел из клиники раньше срока».⁷⁴

То, что Ботанический институт выполнял требовавшие напряженных усилий оборонные задания, не мешало его ученым продолжать работу и в теоретических областях науки. Изучение флоры и растительности СССР как основы освоения естественных и растительных богатств; мобилизация естественных растительных ресурсов СССР для нужд обороны; организация сельского, лесного хозяйства и зеленого строительства СССР в условиях военного времени и последующего восстановительного периода;

⁷³ Ф. И. Сирота. Борьба Ленинградской партийной организации за сохранение жизни населения города в период блокады, стр. 143.

⁷⁴ В. Инбер. Избранные произведения в трех томах, т. III. Гослитиздат, М., 1958, стр. 453.

жизнедеятельность растительных организмов в крайних условиях существования — таковы некоторые из тем, стоявших в плане Института на 1942 год.⁷⁵

26 июня 1942 г. на заседании Ученого совета Института обсуждалась диссертация старшего научного сотрудника Н. И. Васильевского — «Критико-монографический обзор некоторых важнейших паразитных родов из группы меланкониевых грибов применительно к флоре СССР». Н. И. Васильевскому была присуждена степень доктора биологических наук.⁷⁶

Актуальные проблемы содержались в плане Зоологического института Академии наук СССР на 1942 г. Назовем некоторые из них: итоги познания фауны СССР, биологическая продуктивность водоемов, экологические основы борьбы с возбудителями и переносчиками паразитарных заболеваний и др.⁷⁷

Состоявшееся 27 июня 1942 г. заседание Ученого совета Зоологического института, на котором присутствовали академик А. А. Ухтомский, С. М. Доброгаев, В. И. Жадин, А. Н. Кириченко, И. В. Кожанчиков, Н. Я. Кузнецов, С. Г. Лешнева, Л. А. Портенко, П. Г. Светлов, С. У. Строганов, П. В. Терентьев, А. А. Штакельберг и др., обсуждало кандидатские диссертации В. В. Кузнецова и Л. Л. Мищенко, а также докторскую диссертацию Н. Н. Малышева. Докторская диссертация, посвященная теме «Материалы по физиологии электротона», получила высокую оценку официальных оппонентов — академика А. А. Ухтомского, профессоров Н. Я. Кузнецова и П. О. Макарова. В. В. Кузнецову, Н. Н. Малышеву и Л. Л. Мищенко Ученый совет присудил искомые степени.⁷⁸ «На этих днях, — писал тогда в Свердловск своему ученику Ю. М. Уфляндю А. А. Ухтомский, — защищал докторскую диссертацию Н. Н. Малышев — „Материалы к физиологии электротона“. Диспут происходил в Зоологическом институте Академии наук. Официальными оппонентами там были — я, Н. Я. Кузнецов и П. О. Макаров, из которых последний отсутствовал за отъездом из Ленин-

⁷⁵ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, лл. 23—24.

⁷⁶ ААН, ф. 273, оп. 1 (1942), № 8, лл. 3—4.

⁷⁷ ААН, ф. 55, оп. 1 (1942), № 4, лл. 21—24.

⁷⁸ Там же, лл. 8—14.

града. Диспут не был цветист, но защита состоялась, что и требовалось».⁷⁹

В 1942 г. ценные исследования выполнили ученые Политехнического института им. М. И. Калинина. Одна из его лабораторий наладила в апреле 1942 г. производство электролитического кислорода, применявшегося в госпиталях для лечения больных и раненых, в последующее время приступила к изготовлению сплава калий-натрий, а также металлического кальция, нужных для военных целей.⁸⁰

В 1945 г., после окончания войны, были изданы «Труды Ленинградского Политехнического института им. М. И. Калинина, № 1, 1942 г.», которые содержат 231 страницу убогистого текста. Книга начинается кратким вступлением от редакции, где сообщается, что «настоящий сборник составлен из работ, выполненных в условиях блокады в дни героической обороны Ленинграда».⁸¹

В книгу вошли 16 исследований, подготовленных учеными Института. Приведем их названия в том порядке, в каком они расположены в «Трудах». Открывают сборник статьи М. Д. Каменского — «Режимы работы электрических сетей, обеспечивающие минимальные потери энергии», А. А. Вульфа — «Графо-аналитический метод расчета режима электропередачи», В. А. Шевалина — «Основоположения уточненного расчета вписывания электровозов в кривые», Г. Е. Бурцевой — «Использование сопровитвления полов для обеспечения безопасности электрических установок», В. Н. Шретера — «Автоматическое регулирование работы паровых котлов».

Далее следуют работы В. П. Гурьева — «Регуляторы давления гидравлических турбин», С. П. Гвоздова и В. П. Ильинского «Микроопределение состава и свойств вещества», В. П. Ильинского — «Морская вода, как промышленный источник брома», Ю. В. Баймакова — «Получение

⁷⁹ В. Л. Меркулов. Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности, стр. 240.

⁸⁰ Ю. В. Баймаков. Кафедра электрометаллургии цветных металлов. Тр. Ленингр. политехн. инст. им. М. И. Калинина, 1949, № 1, стр. 50.

⁸¹ Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, № 1, 1942 г. Л., 1945, стр. 4.

сплава натрий-калий непосредственным электролизом расплавленных едких щелочей», «Производство пиррофорных сплавов на кальциевой основе», И. И. Ивановой — «Метод химико-электрического непрерывного избирательного анализа газов для сложных газовых смесей», Н. Н. Поляхова — «О влиянии винта на крыло».

Заключают сборник исследования Г. Н. Никольского — «К вопросу о построении безгироскопной авиационной вертикали», И. Л. Повха — «Переходная область ламинарного пограничного слоя в турбулентный на двугольных формах и их сопротивление», Ф. Г. Шухмана — «О накатах бумагоделательных машин», В. В. Цимбалына — «Стерилизация перевязочных материалов высокой частотой».⁸²

Простое перечисление статей, вошедших в том «Трудов» Политехнического института, позволяет наглядно убедиться, во-первых, в большом объеме научной работы, проводившейся в Институте, и, во-вторых, в серьезном практическом значении выполненных исследований.

В апреле 1942 г. при Электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина) под руководством профессора С. А. Ринкевича было организовано бюро научно-исследовательских работ Наркомата судостроительной промышленности. Доценты К. В. Булгаков, И. М. Маликов, Г. В. Одинцов, В. В. Пасынков, П. И. Сайдов и А. В. Фатеев выполняли много различных оборонных заданий.⁸³ В конце апреля 1942 г. А. В. Фатеев и В. В. Пасынков были командированы на Смольнинскую пристань, чтобы провести магнитные испытания на одном из трайликов и отремонтировать электромагнитные цепи.⁸⁴

Горный институт, коллектив которого после эвакуации был очень невелик, возобновил в августе 1942 г. производство ручных гранат.⁸⁵

Работая в 1941—1942 гг. в Электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина), в Институте метрологии им. Д. И. Менделеева, на кафедрах физики

⁸² Там же, стр. 5—231.

⁸³ 50 лет Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), стр. 117—118.

⁸⁴ Музей истории Ленинграда, экспозиция, зал № 23.

⁸⁵ Е. Л. Гороховский, ук. соч., стр. 127.

1-го Медицинского и Педиатрического институтов, профессор Б. А. Остроумов с присущей ему энергией трудился над выполнением многих оборонных заданий. Ученому удалось изобрести ценный прибор, при помощи которого можно было быстро определять местоположение осколков в теле раненого.⁸⁶

26 февраля 1943 г. была подписана к печати книга Е. Брюхе и О. Шерцер «Геометрическая электронная оптика». Перевод этого труда был отредактирован Б. А. Остроумовым еще до начала войны. Накануне войны Б. А. Остроумов, А. Г. Власов, Л. Д. Исаков и А. И. Калядин также написали дополнения к книге. Но издать ее до войны не удалось. И в период блокады Б. А. Остроумов сумел окончательно завершить работу по подготовке книги к печати. Хотя в городе ощущался острый недостаток бумаги, Городской комитет партии дал указание Лениздату выпустить книгу в свет. В феврале 1943 г. сочинение Е. Брюхе и О. Шерцер было издано тиражом в 500 экземпляров.⁸⁷

Под общей редакцией Б. А. Остроумова Педиатрический институт выпускал серию исследований «В помощь оборонной технике». В этой серии в начале 1943 г. Лениздатом была издана работа доцента В. Н. Лепешинской «Пьезо-электрические приборы с сегнетовой солью».

Одним из центров научной жизни Ленинграда по-прежнему являлся Дом ученых им. А. М. Горького, число членов которого достигало в сентябре 1942 г. 300 человек.⁸⁸ Состоявшие при нем секции — химическая, строительная, механическая, автотракторная и другие объединяли ученых разных специальностей.

Научные учреждения города стремились поддерживать тесный контакт с Домом ученых, помогать в оживлении

⁸⁶ «Красная звезда» от 13 апреля 1943 г., № 86, стр. 3.

⁸⁷ В аннотации на книгу Е. Брюхе и О. Шерцер сказано: «Руководство „Геометрическая электронная оптика“, дополненное профессором Б. А. Остроумовым, является первым и единственным на русском языке полным изложением основ и практических применений этой новой области технической физики, получившей за последние годы исключительное развитие и широкое применение в самых разнообразных отраслях техники». (Е. Брюхе и О. Шерцер. Геометрическая электронная оптика. Лениздат, Л., 1943, оборотная сторона титула).

⁸⁸ ААН, ф. 349, оп. 2, № 144, л. 2.

ТРУДЫ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

им. М. И. КАЛИНИНА

№ 1

1942 г.

Титульный лист книги «Труды Ленинградского
политехнического института им. М. И. Калинина».

ОТ РЕДАКЦИИ

Выходом в свет настоящего сборника Ленинградский Политехнический Институт имени М. И. Калинина возобновляет издание своих печатных трудов.

Во время Отечественной войны Институт отметил знаменательную дату своего существования — сорокалетие со дня открытия занятий в Институте (215 октября 1902 года).

В ознаменование этой юбилейной даты, Институт выпускаются два сборника «Труды ЛПИ». Настоящий сборник составлен из работ, выполненных в условиях боевых в дни героической обороны Ленинграда, а второй, только что сданный в печать, из трудов, выполненных профессорами и преподавателями Института, находившимися в Ташкенте.

деятельности его секций. Так, 20 мая 1942 г. заместитель директора Ленинградского отделения Математического института им. В. А. Стеклова Академии наук СССР профессор А. А. Марков (ныне член-корреспондент Академии наук СССР) писал в строительную секцию Дома ученых: «Дирекция Ленинградского отделения Математического института Академии наук, желая наибольшим образом включить работу Института в дело обороны родины и стремясь с этой целью к расширению тематики Института в направлении наиболее актуальных оборонных задач, доступных математической трактовке, просит строительную секцию Ленинградского Дома ученых указать, какие задачи этого рода из числа интересующих секцию могли бы быть включены в тематику Института».⁸⁹

Весной 1942 г. работа секций Дома ученых оживилась. Регулярно проходили их заседания. В начале 1942 г. на одном из заседаний химической секции был заслушан доклад профессора К. П. Мищенко о ходе работы по изготовлению медицинских препаратов для нужд города.⁹⁰ 13 мая 1942 г. строительная секция обсуждала доклад кандидата технических наук И. Л. Значко-Яворского — «К вопросу об использовании безобжиговых цементов в условиях блокады города Ленинграда». Признав тему доклада актуальной, секция высказалась за дальнейшее продолжение И. Л. Значко-Яворским его исследования. 23 июня 1942 года на секции был заслушан доклад А. А. Жданко о программе и плане темы «Механизация аварийно-восстановительных работ».⁹¹ Одно из заседаний механической секции было посвящено в декабре 1942 г. обсуждению доклада инженера Л. М. Гусева на тему «Пути механизации очистки г. Ленинграда зимой 1942/43 г.».⁹²

Научная жизнь Ленинграда будет освещена неполно, если не упомянуть о многочисленных исследованиях ученых-медиков. Автор убежден, что характеристика работ ленинградских ученых-медиков в дни блокады — предмет большой специальной книги. Необходимость в ее

⁸⁹ Там же, № 142, л. 19.

⁹⁰ Там же, № 138, л. 13.

⁹¹ Там же, № 140, лл. 10, 15.

⁹² Там же, № 141, л. 112.

издании назрела давно.⁹³ Подготовка такой книги, в которой должен быть глубоко и всесторонне отражен героический труд ученых-медиков, является почетной и ответственной задачей историков медицины — специалистов в различных областях медицинской науки. Руководствуясь этими соображениями, автор позволяет себе ограничиться лишь упоминанием о деятельности некоторых ученых и медицинских институтов.

Все свои знания и опыт деятели медицинской науки отдавали Ленинградскому фронту и блокированному городу. Профессор С. С. Гирголав являлся одним из руководителей хирургической службы Красной Армии, профессор П. А. Куприянов возглавлял хирургическую службу Ленинградского фронта.

Член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Петров консультировал фронтовые эвакогоспитали Ленинграда. За образцовое выполнение боевых заданий командования ученый в 1942 г. был награжден орденом Ленина.⁹⁴ В 1942 г. в Ленинграде вышло переработанное издание книги «Лечение ранений на войне. Практическое руководство для врачей и студентов». Редакторами книги были Н. Н. Петров и П. А. Куприянов, авторами — Н. И. Блинов, А. А. Гастев, С. С. Гирголав, Н. Н. Петров и другие ученые.

Доктор медицинских наук Г. И. Цобкало одним из первых в Ленинграде занялся приготовлением витамина «С» из хвои, чтобы помочь населению в борьбе с голодом.⁹⁵

⁹³ Из опубликованных исследований, в которых читатель может найти материалы о деятельности ученых-медиков в годы блокады, назовем уже упоминавшийся труд «50 лет 1-го Ленинградского медицинского института имени академика И. П. Павлова» (Медгиз, Л., 1947), а также книги: «Развитие науки в Академии за 40 лет Советской власти. Краткие очерки» (Л., 1957) — коллективная работа о Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, написанная крупными учеными; «История фармацевтического дела в Петербурге—Петрограде—Ленинграде». Труды Ленинградского химико-фармацевтического института (Л., 1960). Сведения о деятельности ленинградских ученых-медиков содержатся и в многотомном издании «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», тт. 1—35. Медгиз, М., 1949—1955.

⁹⁴ Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Н. Н. Петров. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 5, 11.

⁹⁵ «Труд» от 14 февраля 1943 г., № 37, стр. 4.

Профессора и преподаватели Института усовершенствования врачей им. С. М. Кирова часто выступали с лекциями в госпиталях, медсанбатах и районных поликлиниках. Только в августе 1942 г. они прочитали свыше 100 лекций на темы: «Новейшие методы лечения ран», «Методы переливания крови», «Лечение переломов» и др.⁹⁶ С июля 1941 г. по июль 1942 г. сотрудники Института выполнили 55 научных работ, за это же время Ученый совет рассмотрел 19 кандидатских и докторских диссертаций.⁹⁷

Статью, посвященную работе Института переливания крови, писатель Н. С. Тихонов назвал «Институт патриотов». «Институт работает, как военное учреждение: четко и оперативно, — писал Н. С. Тихонов в августе 1942 г. — Он похож на военный корабль, находящийся в боевом плавании».⁹⁸

Научные сотрудники Нейрохирургического института провели большое количество сложнейших операций. Институтом руководил профессор А. Л. Поленов.⁹⁹ Нуждам фронта была подчинена деятельность Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева. Здесь проводились тонкие и сложные операции на головном и спинном мозгу.¹⁰⁰

С самого начала войны, вплоть до эвакуации Института в Самарканд, директор этого научного учреждения член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Осипов выполнял оборонные задания.¹⁰¹ В июне 1942 г. состоялась общегородская конференция невропатологов и психиатров, обобщившая опыт работы невропсихиатрических учреждений города за время войны.¹⁰² Не прекращалась деятельность Научно-исследовательского института тубер-

⁹⁶ «Ленинградская правда» от 15 сентября 1942 г., № 219, стр. 3.

⁹⁷ «Ленинградская правда» от 17 июля 1942 г., № 168, стр. 2.

⁹⁸ «Ленинградская правда» от 7 августа 1942 г., № 186, стр. 3.

⁹⁹ «Ленинградская правда» от 11 января 1942 г., № 9, стр. 2.

¹⁰⁰ «Ленинградская правда» от 25 марта 1942 г., № 70, стр. 2.

¹⁰¹ Институт мозга в 1941—1946 гг. Обзор и авторефераты трудов, библиография. В кн.: Тр. Гос. инст. по изучению мозга им. В. М. Бехтерева, т. XVIII. Издание Инст. мозга, Л., 1947, стр. 11.

¹⁰² «Ленинградская правда» от 11 июня 1942 г., № 137, стр. 2.

кулеза, где защищались диссертации и организовывались научные конференции врачей.¹⁰³

В сентябре 1942 г. Ленинградский филиал Всесоюзного института экспериментальной медицины организовал научную сессию в ознаменование 93-й годовщины со дня рождения И. П. Павлова. С докладами на сессии выступали профессора Е. А. Ганике, М. К. Петрова и др.¹⁰⁴

Как уже упоминалось, несмотря на трудности блокады, продолжалась научная и учебная жизнь в 1-м и 2-м медицинских институтах и в Педиатрическом институте. 1-й Медицинский институт дал стране за время блокады 1500 врачей.¹⁰⁵ С 1 июля 1941 г. по 1 января 1943 г. Ученый совет Института собирался на заседания 42 раза. На обсуждение Ученого совета выносились научные и отчетные доклады, а также диссертации. Всего состоялось 24 защиты диссертаций.¹⁰⁶

В октябре 1942 г. 2-й Медицинский институт выпустил 150 врачей,¹⁰⁷ Педиатрический институт — 109 врачей.¹⁰⁸ В ноябре 1942 г. во всех трех медицинских вузах города начался новый учебный год.¹⁰⁹

Среди преподавателей медицинских вузов были профессор И. И. Канаев (заведовал кафедрой общей биологии 1-го Медицинского института), доцент М. М. Котон (заведовал кафедрой общей и органической химии Педиатрического института), профессор Б. А. Остроумов (заведовал кафедрой физики Педиатрического института), доцент В. В. Разумовский (заведовал кафедрой органической химии 2-го Медицинского института) и др.

Одной из главных задач ученых по-прежнему являлась охрана научных ценностей, и после зимы

¹⁰³ «Ленинградская правда» от 8 января 1942 г., № 6, стр. 2.

¹⁰⁴ «Ленинградская правда» от 29 сентября 1942 г., № 231, стр. 4.

¹⁰⁵ А. Е. Сукновалов. Петроградская сторона. Лениздат. Л., 1960, стр. 144.

¹⁰⁶ 50 лет Первого Ленинградского медицинского института, стр. 94.

¹⁰⁷ «Ленинградская правда» от 8 октября 1942 г., № 239, стр. 2.

¹⁰⁸ «Ленинградская правда» от 20 октября 1942 г., № 249, стр. 4.

¹⁰⁹ «Ленинградская правда» от 3 ноября 1942 г., № 261, стр. 4.

1941/42 г. выполнению этой задачи они, как и раньше, отдают много сил и энергии.

22 апреля 1942 г. собрание сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР под председательством Н. В. Пигулевской, в присутствии директора Архива Академии наук СССР Г. А. Князева, специально рассматривало вопрос об охране рукописных и книжных фондов Института. Этот же вопрос обсуждался на собрании сотрудников 26 мая 1942 г.¹¹⁰ Большая заслуга в сохранении рукописей и книг, находившихся в Институте востоковедения, принадлежала О. П. Петровой.

24 апреля и 9 июля 1942 г. на совещаниях сотрудников Института этнографии Академии наук СССР были заслушаны сообщения С. М. Абрамзона относительно организации охраны музейных коллекций.¹¹¹ На совещании сотрудников Зоологического института Академии наук СССР, проходившем под председательством доктора биологических наук Л. А. Портенко 14 июля 1942 г., говорилось о том, что охрана научных фондов, имущества и помещения — основная задача коллектива Института. Участники совещания в полном составе осмотрели места хранения научных фондов Института.¹¹²

Благодаря мужеству ученых многочисленные архивные документы, рукописные и книжные собрания, музейные коллекции и научная аппаратура были спасены и сохранены.

Летом 1942 г. произошло значительное сокращение личного состава научных учреждений: многие ученые были эвакуированы. Одновременно принимались меры к тому, чтобы улучшить бытовые условия тех научных работников, которые оставались в Ленинграде.

В июле 1942 г. вице-президент Академии наук СССР академик А. Ф. Иоффе обратился с письмом в административно-хозяйственное управление ленинградских академических учреждений, предложив ускорить эвакуацию семей крупных ученых. А. Ф. Иоффе просил сообщить ему о положении дел в ленинградских институтах Академии наук СССР. «Буду Вам также благодарен

¹¹⁰ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 7, л. 39.

¹¹¹ ААН, ф. 142, оп. 1 (1942), № 5, л. 47; № 15, лл. 11—12.

¹¹² ААН, ф. 55, оп. 1 (1942), № 13, л. 7.

за информацию о ленинградских учреждениях АН и в особенности о Физико-техническом институте»,¹¹³ — писал академик. Для улучшения питания ученых в начале октября 1942 г. ленинградским учреждениям Академии наук были доставлены на самолете из Москвы продовольствие и витамины.¹¹⁴

Весной и летом 1942 г. ученые, как и все ленинградцы, затратили большие усилия для того, чтобы посадить и вырастить картофель и овощи, а осенью убирали урожай. В борьбе за обеспечение города собственными овощами и картофелем ленинградцам энергично помогали ученые Сельскохозяйственного института профессор Н. Н. Богданов-Катков, доценты В. А. Брызгалов, Е. М. Беликов, М. Е. Владимирская, И. Г. Михайлов и В. Ф. Цупак.¹¹⁵

Вместе со всеми трудящимися города ученые готовились во всеоружии встретить вторую блокадную зиму.

* *
*

Начало 1943 г. отмечено одним из выдающихся событий в истории Великой Отечественной войны: 18 января 1943 г. в результате соединения Ленинградского и Волховского фронтов блокада Ленинграда была прорвана. Волнующие дни переживали тогда ленинградцы. Сознание того, что враг потерпел жестокое поражение, а блокада прорвана наполняло сердца ленинградцев гордостью за свои вооруженные силы и огромной ни с чем не сравнимой радостью.

Условия жизни города стали быстро улучшаться. Однако враг все еще продолжал бомбить и обстреливать Ленинград. 23 января 1943 г. противник сбросил фугасную авиабомбу в парке Ботанического института АН СССР, которая нанесла большие разрушения.¹¹⁶

7, 12, 26 января, 10 февраля 1943 г. артобстрелу и авиабомбардировке подверглось здание Института этно-

¹¹³ ААН, ф. 4, оп. 2 (1942), № 21, л. 245.

¹¹⁴ Там же, № 25, л. 2.

¹¹⁵ А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 241.

¹¹⁶ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 28, л. 32.

графии АН СССР — была пробита кровля и повреждена наружная и внутренняя отделка здания.¹¹⁷ 26 января, 4 апреля и 1 мая 1943 г. бомбы и снаряды падали на здания Физиологического института и Физико-технического института.¹¹⁸ Однако бомбы и снаряды, как и раньше, не смогли остановить научной работы.

Воодушевленные исторической победой под Ленинградом ученые продолжали напряженно трудиться каждый на своем посту.

В начале 1943 г. Дом ученых объединял 460 членов. Здесь работали 14 научных секций, в том числе химическая, энергетическая, автотракторная, строительная, сельскохозяйственная, механическая, общественного питания, историко-литературная, библиотечно-библиографическая, объединение изобретателей и др. Секции возглавлялись профессорами Ю. В. Баймаковым, Н. А. Ивановым, М. Д. Каменским, П. С. Козьминым, И. Г. Кулевым, М. Х. Пигулевским, В. С. Спиридоновым, А. Д. Халкиповым, доцентом К. Д. Морозовым и др.¹¹⁹

Центральное место в деятельности секций занимали проблемы, вытекавшие из потребностей фронта и тыла. Так, механическая секция работала над решением вопросов рационального использования механизмов и машин, их усовершенствованием. Вне поля зрения секции не остались и проблемы наиболее целесообразного использования машин и механизмов, предназначенных для уборки территории Ленинграда.¹²⁰ 18 февраля 1943 г. на заседании химической секции обсуждался доклад профессора Ю. В. Баймакова — «Сплавы щелочных металлов».¹²¹

В 1943 г. был выпущен в свет ряд книг и брошюр, подготовленных учеными и инженерами города (об исследованиях Н. Н. Давиденкова, Б. Н. Окунева и Б. А. Остроумова, изданных в 1943 г., упоминалось выше, см. стр. 65—68, 115). 23 декабря 1943 г. был подписан к печати труд заведующего кафедрой электрометаллургии цветных металлов Политехнического института профессора Ю. В. Баймакова «Электролиз в металлургии,

¹¹⁷ Там же, № 29, л. 92.

¹¹⁸ Там же, лл. 42—47.

¹¹⁹ ААН, ф. 349, оп. 2, № 144, л. 2.

¹²⁰ Там же, л. 3.

¹²¹ Там же, № 143, л. 27.

т. II).¹²² Главное управление учебных заведений Народного Комиссариата цветной металлургии утвердило книгу Ю. В. Баймакова в качестве учебного пособия для вузов.

Читатель книги Ю. В. Баймакова не может не обратить внимания на следующие слова, содержащиеся в предисловии к ней: «Мирное строительство, а также восстановление хозяйства и промышленности нашей родины по окончании войны поставят перед металлургами грандиозные задачи по производству легких, щелочно-земельных и других металлов. Для выполнения этих задач необходимо подготовить кадры инженеров с широким техническим и теоретическим кругозором, владеющих методом теоретического и технического анализа производства».¹²³ Еще не закончилась война, еще Ленинград не был полностью освобожден от вражеской блокады, а ленинградский ученый, уверенный в скорой победе над врагом, думал уже о мирном строительстве, о восстановлении народного хозяйства. В 1944 г. Ю. В. Баймаков защитил докторскую диссертацию на тему «Расход электроэнергии при получении легких металлов».¹²⁴

Среди научных исследований, изданных в Ленинграде в 1943 г., нельзя не упомянуть капитальный труд «Теория, расчет и конструирование электроизмерительных приборов», подготовленный большой группой ученых Политехнического института под руководством профессора Н. Н. Пономарева накануне Отечественной войны. Война надолго задержала выпуск книги, которая была подписана к печати лишь 30 марта 1943 г.¹²⁵ Интересные подробности, относящиеся к изданию книги, сообщает один из ее авторов — директор завода «Вибратор» А. М. Дамский. «С невероятными трудностями, — пишет он, — удалось отыскать этот нигде еще не печатавшийся труд и издать его в условиях блокады в типографии имени Е. Соколо-

¹²² Книга Ю. В. Баймакова была выпущена в Москве Металлургиздатом. Хотя она была подписана к печати 23 декабря 1943 г., на титульном листе дата выхода ее обозначена 1944-м годом.

¹²³ Ю. В. Баймаков. Электролиз в металлургии, т. II. Металлургиздат, М., 1944, стр. 3.

¹²⁴ Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, 1949, № 1, стр. 51.

¹²⁵ Теория, расчет и конструирование электроизмерительных приборов. Под ред. Н. Н. Пономарева. Л., 1943.

вой. Книга была отпечатана небольшим тиражом¹²⁶ и через „дорогу жизни“ отправлена в различные города страны. Эта книга была ценным пособием для приборостроителей. Помогла она нам и в решении новых технических задач, поставленных перед заводом¹²⁷ Ленинградским фронтом».¹²⁸

Начиная с 1943 г. при Лениздате стала активно работать редакция технической литературы. В 1943 г. Лениздат выпустил брошюры профессора Н. А. Кузнецова «Скрап — угольный процесс в мартеновских печах» (редактор Б. А. Остроумов), А. Н. Оглоблина — «Как читать машиностроительный чертеж», В. Г. Плотицына — «Высокопроизводительное фрезерование» и «Работа на револьверном станке». Авторы названных брошюр задались целью помочь промышленным предприятиям в совершенствовании техники производства, в повышении производительности труда, в скорейшем овладении молодыми рабочими техническими знаниями.¹²⁹

Обратимся теперь к деятельности ленинградских учреждений Академии наук СССР.

Научные сотрудники Зоологического института Академии наук СССР оберегали здание, библиотеку и оборудование Института, ликвидируя повреждения от бомбардировок и артиллерийских обстрелов. Уполномоченный Института профессор Л. А. Портенко готовил к печати книгу «Фауна Чукотского полуострова и острова Врангеля», заведующий отделом наземных беспозвоночных профессор И. В. Кожанчиков написал несколько статей, заведующий отделом низших позвоночных и гидробио-

¹²⁶ Тираж книги составлял 1000 экземпляров.

¹²⁷ Речь идет о заводе «Вибратор».

¹²⁸ «Вечерний Ленинград» от 19 июня 1961 г., № 143, стр. 2.

¹²⁹ Техническую литературу Лениздат продолжал издавать и в последующие годы войны, в 1944—1945 гг. В 1944 г. увидели свет брошюры В. А. Буталова — «Легкие сплавы» (под редакцией Ю. В. Баймакова), П. А. Кузнецова — «Способы приближенного расчета размеров волн у берегов», Д. Н. Лазарева — «Светящиеся краски» (под редакцией Б. А. Остроумова), а также составленный В. А. Буталовым сборник работ «Замена кокса в вагранках» (под редакцией А. З. Кочкачева). В начале 1945 г. Лениздат выпустил брошюры профессора В. М. Андреева — «Дефекты отливок и методы их исправления», кандидата технических наук Н. М. Рудо — «Точное взвешивание» (под редакцией Б. А. Остроумова) и др.

люгий кандидат биологических наук П. В. Терентьев работал над докторской диссертацией об «Опыте критики закона Бергмана».¹³⁰

В Физиологическом институте научные исследования вели профессор М. К. Петрова, старший научный сотрудник М. Ф. Васильев, младший научный сотрудник З. А. Нежданова и др.¹³¹ В сентябре 1943 г. М. К. Петрова выступала с докладом на конференции, организованной Ленинградским филиалом Всесоюзного института экспериментальной медицины в связи с 94-й годовщиной со дня рождения И. П. Павлова. В докладе М. К. Петровой содержались материалы, устанавливавшие роль нервной системы в образовании раковых опухолей.¹³²

Характеризуя сотрудников Физиологического института, его уполномоченный Д. Я. Глезер писал в декабре 1943 г.: «Обо всех можно сказать, что они честно и самоотверженно выполняли в трудные месяцы блокады свои обязанности по охране Института при обстрелах, бомбежках, по выполнению охраны Института от пожара, по несению нарядов и дежурств».¹³³

В 1943 г. ученые Ботанического института Академии наук СССР прочитали свыше 150 лекций и дали много консультаций по вопросам использования дикорастущих пищевых, витаминных и других растений. Они написали также брошюры, статьи и плакаты на сельскохозяйственные темы. Назовем некоторые из брошюр, составленных сотрудниками Института в 1943 г.: В. И. Чирков и В. Ф. Корякина — «Ботва овощных растений»; В. С. Соколов и И. А. Линчевский — «Табак и его культура в Ленобласти»; П. К. Красильников — «Содержание витамина „С“ в листьях и хвое деревьев и кустарников»; Л. А. Лебедева — «Разведение шампиньонов»; «Памятка коннику по применению местных кормов зимой» (под редакцией М. М. Ильина, Е. М. Лавренко и Б. А. Тихомирова) и др.¹³⁴ Перечисленные брошюры имели немало-

¹³⁰ ААН, ф. 55, оп. 1 (1944), № 5, лл. 54—55.

¹³¹ ААН, ф. 153, оп. 1 (1943), № 1, л. 2.

¹³² «Ленинградская правда» от 28 сентября 1943 г., № 229, стр. 4.

¹³³ ААН, ф. 153, оп. 1 (1943), № 1, л. 4.

¹³⁴ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 7, лл. 94—95.

важное практическое значение в условиях военного времени.

Сотрудники Ботанического института подготовили 150 бригадиров-овощеводов для работы в подсобных хозяйствах Ленинграда, организовали показательный участок по овощным культурам.¹³⁵

В первом полугодии 1943 г. в Ботаническом институте Н. В. Шипчинский защитил докторскую диссертацию на тему: «Зеленое строительство в пустынных районах Казахстана», защищенная тогда же О. А. Пидотти кандидатская диссертация была посвящена теме «Определитель семян сорных растений Таджикистана».¹³⁶

В июне 1943 г. 80 сотрудников Института были награждены медалями «За оборону Ленинграда».¹³⁷ В феврале 1944 г. Исполнительный комитет Ленинградского городского совета, учитывая «большую научно-практическую работу коллектива сотрудников Ботанического института в выращивании лекарственных растений, огородных и плодовоягодных культур, использования дикорастущих растений и разработке специальных карт» наградил 31 сотрудника грамотами Исполкома Ленсовета. В числе награжденных были доктора биологических наук А. С. Бондарцев, А. А. Корчагин, Н. Н. Монтеверде, Р. Ю. Рожевиц, Н. В. Шипчинский и др.¹³⁸

Астрономический институт Академии наук СССР составлял «Большой астрономический ежегодник СССР на 1944 г.», «Морской астрономический ежегодник на 1944 г.» и «Авиационный астрономический ежегодник на 1944 г.».¹³⁹

Ученые продолжали исследования и в области общественных наук. 1 апреля 1943 г. был подписан к печати подготовленный сотрудниками Ленинградского филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина при Центральном Комитете партии сборник статей «Героический Ленинград. 1917/1942». Сборник, выпущенный под редакцией С. И. Аввакумова, содержал статьи, посвященные важнейшим событиям из истории города за годы советского

¹³⁵ ААН, ф. 273, оп. 1 (1944), № 18, лл. 1—2.

¹³⁶ Там же, оп. 1 (1943), № 4, л. 24.

¹³⁷ Там же, л. 8.

¹³⁸ Там же, оп. 1 (1944), № 17, л. 1.

¹³⁹ ААН, ф. 334, оп. 1 (1942), № 4, лл. 38—39.

строю.¹⁴⁰ В предисловии к сборнику секретарь Городского комитета партии А. И. Маханов писал: «Ленинградский институт истории ВКП(б), выпуская в свет настоящий сборник статей, делает первую попытку осветить героический путь советского Ленинграда. Сборник поможет нашим кадрам и трудящимся массам лучше осознать путь и величие героической борьбы города Ленина в дни Отечественной войны».¹⁴¹

Большую помощь составителям сборника «Героический Ленинград» в процессе работы над ним оказали Областной и Городской комитеты партии.¹⁴²

Сборник «Героический Ленинград» — не единственный труд, подготовленный Ленинградским филиалом института Маркса—Энгельса—Ленина при Центральном Комитете партии. За 1941—1943 гг. сотрудники этого научного учреждения, которым постоянно помогал Городской комитет партии, написали свыше 20 книг и брошюр, опубликовали более 50 статей в газетах и журналах. Работы сотрудников филиала были посвящены истории Коммунистической партии, революционного движения и гражданской войны.¹⁴³ Большое место в деятельности филиала занимало собирание материалов по истории героической обороны Ленинграда, которые были впоследствии изданы.¹⁴⁴

¹⁴⁰ В сборник были включены статьи: К. Шариков. Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции; Е. Соколова. Петроградские рабочие в годы гражданской войны; А. Пухов. Балтийцы на защите города Ленина; Н. Мананов и Л. Петерсон. Ленинград — крупнейший индустриальный центр нашей страны; А. Волкова. Ленинград — город передовой науки, культуры и искусства; Д. Бердников. Город — фронт; С. Аввакумов. Большевики — организаторы обороны Ленинграда; П. Бутырина. Женщины в обороне Ленинграда; В. Иванов. Комсомол в обороне Ленинграда; В. Грудин и И. Мужество и стойкость воинов Ленинградского фронта.

¹⁴¹ Героический Ленинград. 1917/1942. Госполитиздат, Л., 1943, стр. IV.

¹⁴² А. В. Карасев. Ленинград периода Великой Отечественной войны в советской исторической литературе. «История СССР», 1960, № 3, стр. 159.

¹⁴³ С. Сутоцкий. Работа филиалов Института Маркса—Энгельса—Ленина в дни Отечественной войны. «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 105.

¹⁴⁴ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов, т. I. 1944; т. II, 1947.

Сотрудники Института литературы Академии наук СССР В. М. Глинка, В. А. Мануйлов, М. И. Стеблин-Каменский, охраняя ценности Пушкинского Дома, участвовали в подготовке заседаний памяти А. С. Пушкина, А. М. Горького, В. А. Маяковского и не прекращали вести научные исследования.¹⁴⁵

Малочисленным был личный состав Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Самоотверженно исполняли свои трудные обязанности его сотрудники К. Н. Сербина и М. И. Стеблин-Каменская. После смерти М. И. Стеблин-Каменской уполномоченным Института была назначена К. Н. Сербина. Не жалея сил и здоровья, оберегала она ценнейшие рукописные собрания Института. Продолжала К. Н. Сербина и исследовательскую работу по теме: «Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.»¹⁴⁶

Институт востоковедения Академии наук СССР был представлен в Ленинграде двумя учеными — старшими научными сотрудниками А. Н. Болдыревым и Д. В. Семеновым,¹⁴⁷ а также техническими сотрудниками.

Не прекращалась деятельность оставшейся в городе группы сотрудников Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Старший научный сотрудник Института В. А. Петров затратил много усилий на то, чтобы установить тщательный контроль за состоянием хранения книжных и рукописных фондов академических учреждений.¹⁴⁸

Весьма большая и сложная работа по охране музейных фондов Института этнографии Академии наук СССР легла на плечи старшего научного сотрудника К. В. Вяткиной, младших научных сотрудников В. В. Антроповой, В. В. Федорова, М. Д. Торэн и уполномоченного Инсти-

¹⁴⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1943), № 7, лл. 21—22.

¹⁴⁶ ААН, ф. 133, оп. 1 (1942), № 1658, лл. 7—8. В 1951 г. Академия наук СССР издала монографию К. Н. Сербиной «Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.»

¹⁴⁷ В мае 1943 г. Д. В. Семенов умер. Научные заслуги Д. В. Семенова высоко оценивал его учитель И. Ю. Крачковский. См.: Акад. И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 245.

¹⁴⁸ ААН, ф. 312, оп. 1 (1943), № 8, л. 11; № 13, лл. 1—6.

тута Р. И. Каплан-Ингеля, которые вели также и научные исследования.¹⁴⁹

Объединению ученых-историков способствовала созданная в августе 1943 г. при Институте этнографии научно-исследовательская группа, в сентябре 1943 г. получившая наименование группы историков ленинградских учреждений Академии наук СССР. Возглавлял группу Ю. П. Францев. Ученым секретарем ее была назначена К. В. Вяткина. На заседаниях группы обсуждались доклады, относящиеся к различным проблемам исторической науки.

Обратимся к протоколу заседания группы, состоявшегося 21 сентября 1943 г. На заседании, проходившем под председательством Ю. П. Францева, присутствовало 28 человек. Были заслушаны доклады А. В. Дмитриевской — «Опыт исследования инвентаря русских курганов XI—XIII вв. на основе технологического анализа» и Н. А. Мальцевой — «Участие национальных формирований в Отечественной войне 1812 г.». Доклады вызвали оживленные прения, в которых участвовали М. Д. Мальцев, В. А. Петров, К. Н. Сербина, М. В. Фармаковский, Н. Д. Флитнер, Ю. П. Францев и Э. А. Якубинская.¹⁵⁰ На последующих заседаниях группы с докладами выступали К. Н. Сербина,¹⁵¹ М. Е. Сергеевко¹⁵² и др.

Деятельность группы историков отражала стремление ученых к постоянному творческому общению, к коллективному обсуждению проблем исторической науки.

В июне 1943 г. ленинградские ученые отметили 100-летие со дня рождения К. А. Тимирязева. С докладами о жизни и деятельности К. А. Тимирязева, о его научных трудах на заседании, состоявшемся в Доме ученых, выступали профессора А. Б. Вериги и И. В. Кожанчиков.¹⁵³

С каждым месяцем научная работа в Ленинграде все более расширялась. 1 сентября 1943 г. было созвано первое за годы войны общее собрание действительных чле-

¹⁴⁹ ААН, ф. 142, оп. 1 (1943), № 10, л. 33; № 18, лл. 1, 14—18, 79.

¹⁵⁰ Там же, № 14, лл. 7—8.

¹⁵¹ ААН, ф. 133, оп. 1 (1943), № 3, л. 16.

¹⁵² ААН, ф. 312, оп. 1 (1943), № 8, лл. 9—10.

¹⁵³ «Ленинградская правда» от 5 июня 1943, № 131, стр. 4.

нов Всесоюзного географического общества, обсудившее итоги своей деятельности в прошлом и задачи на будущее.¹⁵⁴

Большую помощь школам города продолжал оказывать Институт усовершенствования учителей. Сотрудники Института консультировали учителей, читали лекции для них. Институт ежегодно проводил научно-практические конференции. В научно-практической конференции, созванной Институтом в мае 1943 г., участвовало около 1400 учителей.¹⁵⁵

1 октября 1943 г. после 18-месячного перерыва начались занятия в Химико-технологическом институте им. Ленсовета¹⁵⁶ и на первых курсах Института инженеров железнодорожного транспорта.¹⁵⁷ В октябре—ноябре 1943 г. возобновилась учебная жизнь в Политехническом институте им. М. И. Калинина, в Электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина), в Кораблестроительном, Инженерно-строительном институтах и других вузах города.

В начале декабря 1943 г. состоялось общегородское собрание ученых Ленинграда. С докладом о задачах научной интеллигенции выступил секретарь Городского комитета партии А. И. Маханов. О деятельности представляемых ими учреждений рассказали уполномоченный Физико-технического института член-корреспондент Академии наук СССР П. П. Кобеко, уполномоченный Астрономического института Академии наук СССР профессор И. Д. Жонголович, профессор Политехнического института М. Д. Каменский, заведующая Почвенным музеем АН СССР З. Ю. Шокальская и др. С гордостью говорили они, что работа научных учреждений города продолжалась в самые тяжелые месяцы блокады. Собрание ученых вновь продемонстрировало неуклонную решимость дея-

¹⁵⁴ В. И. Ромишовский. Географическое общество в дни Великой Отечественной войны, стр. 20.

¹⁵⁵ А. А. Бобовский. Из опыта работы Ленинградского института усовершенствования учителей. В кн.: «Материалы научной сессии, посвященной 250-летию Ленинграда». Изд. АПН РСФСР, М., 1959, стр. 150—151.

¹⁵⁶ Н. Н. Аверьянов, А. Я. Авербух, ук. соч., стр. 181.

¹⁵⁷ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 297—299.

телей науки трудиться во имя быстреего разгрома врага.¹⁵⁸

В январе 1944 г. советские войска, отбросив противника от Ленинграда, полностью освободили город от вражеской блокады. Героическая 900-дневная оборона Ленинграда победоносно завершилась.

Выражая думы и чаяния ленинградских ученых, член-корреспондент АН СССР И. А. Бычков писал в радостные дни января 1944 г.: «Горячо приветствую доблестных воинов Ленинградского фронта, освободивших наш родной город от ужасов фашистской блокады. Непобедимый Ленинград всегда был и будет гордостью русского народа, а образ храбрых его защитников сохранится навеки в благодарной памяти грядущих поколений. На славные победы нашей могучей Красной Армии мы, люди науки, ответим ревностным трудом на поприще великой русской культуры на благо нашей дорогой, горячо любимой Родины».¹⁵⁹

* *

*

Весной 1943 г. среди членов Дома ученых возникла мысль об издании сборника исследований ленинградских ученых в дни блокады, тогда же начался и сбор материала для книги. 18 января 1944 г. совет Дома ученых принял решение об ее издании.

К подготовке сборника был привлечен большой авторский коллектив. Председателем редакционной коллегии и ответственным редактором сборника являлся академик И. А. Орбели. В редактировании активно участвовали академик И. Ю. Крачковский и член-корреспондент АН СССР М. В. Доброклюнский. По ряду причин сборник не вышел в свет, а был лишь доведен до корректуры.

Автор знакомился с двумя экземплярами корректуры «Сборника трудов ленинградских ученых в дни блокады». Один экземпляр хранится в Архиве Академии наук СССР,¹⁶⁰ другой — в Отделе рукописей Государственной

¹⁵⁸ «Ленинградская правда» от 12 декабря 1943 г., № 293, стр. 4.

¹⁵⁹ «Ленинградская правда» от 29 января 1944 г., № 25, стр. 2.

¹⁶⁰ 29 января 1947 г. Ленинградское отделение Издательства АН СССР, по указанию президента АН СССР академика С. И. Ва-

Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в фонде геолога И. В. Даниловского.¹⁶¹

«Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады» — один из важнейших источников для изучения истории Ленинграда в годы войны, и А. В. Карасев, особо подчеркивая ценность этого источника в своей капитальной монографии о блокаде Ленинграда, совершенно прав.¹⁶²

Сборник открывается насыщенной большим фактическим материалом статьей об исследованиях ученых в период блокады. Он разбит на две части. В первой части содержатся сведения как об опубликованных, так и о рукописных исследованиях. Здесь даны заголовки научных работ и в сжатой форме изложено их содержание. Во вторую часть вошли краткие данные биографического характера об авторах трудов, помещенных в сборнике. Сборник, таким образом, носит биобиблиографический характер, что придает ему особую ценность.

«Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады» убедительно свидетельствует, что научно-исследовательская работа в осажденном городе велась во всех областях знаний. В сборник включены сведения о 1000 научных исследований, выполненных 480 авторами. Причем, в вводной статье сборника редакция указывает на его известную неполноту, так как нередко необходимых материалов о работах ученых получить не удалось.

Обширный материал сборника (в нем 471 страница текста) разделен на 7 следующих отделов: 1. Астрономия. Математика. Физика. 2. Химия, 3. Геология. Геофизика. География. 4. Физиология, биохимия, фармакология, медицина и дисциплины, к ней примыкающие. 5. Бо-

илова, направило директору Архива АН СССР Г. А. Князеву на хранение последние корректурные листы сборника «Ленинградские ученые в дни блокады». (Такое название содержится в сопроводительной бумаге Издательства). ААН, разряд VI, оп. 5, № 60.

¹⁶¹ На корректуре есть дата — 15 апреля 1946 г. и помета — «2-я корректура». Государственная Публичная Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. И. В. Даниловского.

¹⁶² А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады 1941—1943, стр. 7—8.

таника и сельское хозяйство. Зоология. Ветеринария. 6. Техника. 7. История и искусствоведение. Литературоведение и языковедение. Varia.

В отделе «Астрономия. Математика. Физика» вы сможете ознакомиться с содержанием работ И. Д. Жонголовича — «Гравиметрические пункты в Арктике, определенные на ледовых пароходах „Садко“ и „Седов“ в 1935—1940 гг.», «Астрономическая и математическая части мореходных таблиц», «Астрографики», «Редукция силы тяжести» и исследований многих других ученых.

В отделе «Химия» рассказано об исследовании на тему «Каталитический распад ацеталей, выполненном заведующим кафедрой общей и органической химии Педиатрического института М. М. Котоном (ныне членом-корреспондентом Академии наук СССР). Ваше внимание привлечет здесь и труд В. В. Разумовского — «Электронно-динамическая теория в органической химии». Дана в отделе «Химия» краткая характеристика работы заведующего кафедрой «Процессы и аппараты» Химико-технологического института П. Г. Романкова «Исследование процесса экстрагирования питательных веществ из сои», а также сообщаются результаты изысканий по темам: «Фильтрация соевого молока» (авторы П. Г. Романков и В. Г. Баранов), «Разработка конструкции автоматического газосигнализатора» (авторы П. Г. Романков и В. А. Григор), «Разработка рецептуры и технологии индикаторных лаковых пленок» (авторы П. Г. Романков и Е. Я. Кулиненко), «Составление и анализ газовых смесей, содержащих окись углерода» (авторы П. Г. Романков и Л. Н. Давиденкова) и т. д.

Отдел «Геология. Геофизика. География» позволяет вам убедиться, что И. В. Даниловский работал по теме: «Стратиграфия четвертичных отложений в южной части Ленинградской и Калининской областей и в Восточной Белоруссии»; З. Ю. Шокальская подготовила исследование — «Почвенно-географический очерк Африки» и «Почвенная карта Африки»; Н. Н. Степанов вел изучение общественного строя и межплеменных отношений тунгусов в XVII в.¹⁶³

¹⁶³ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 49—66.

Наибольший удельный вес в сборнике занимает отдел, посвященный медицине и наукам, к ней примыкающим. Преобладающее число исследований этого отдела составляют те, которые имеют своей целью содействие лечению раненых, сохранению здоровья трудящихся. Здесь по смертно сообщаются сведения о работах академика А. А. Ухтомского — «Система рефлексов в восходящем ряду», В. С. Садикова — «Химия биоорганических соединений». Знакомясь с содержанием отдела, вы видите, что Г. И. Цобкало вел исследования — «Действие пикротоксина на центральную нервную систему в различные периоды онтогенетического развития», «Природа тормозного компонента в действии пикротоксина на центральную нервную систему», М. В. Гликина и Л. П. Крутикова выполнили работу — «Новый биологический препарат для лечения раневых инфекций».¹⁶⁴

Отдел «Ботаника и сельское хозяйство. Зоология. Ветеринария» дает возможность ознакомиться с содержанием работ Н. Н. Монтеверде — «Производственная культура дигиталиса в условиях блокады Ленинграда», «Методика полевых исследований лекарственных растений», Л. А. Портенко — «Фауна Чукотского полуострова и острова Врангеля», Б. А. Федченко — «Обзор флоры Ирана с указанием растений полезных и вредных», «Флора Памира и Шугнана» и др.

В отделе «Техника» сообщается содержание работ, выполненных 50 авторами.

Отдел «История и искусствоведение. Литературоведение и языковедение. *Variā*» посвящен трудам ученых в области общественных наук. В нем сообщается об исследованиях Н. А. Воскресенского — «Законодательные акты Петра I», «Петр I как законодатель», Г. Г. Гримма — «Каталог чертежей России в собрании Музея Академии художеств», «Архитектурный комплекс г. Пушкина в XVIII в.», «История здания Зимнего дворца и Эрмитажа в XVIII в.», М. В. Доброклонского — «К вопросу о происхождении форм хиванской школы миниатюры XIV—XVII вв.»¹⁶⁵ А. В. Оссовского — «Русская мысль о музыке в XVIII в.»

¹⁶⁴ Там же, стр. 69—247.

¹⁶⁵ В сентябре 1943 г. М. В. Доброклонский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

«Н. А. Римский-Корсаков (Воспоминания с приложением 75 писем и записок композитора и его жены)», «Идеи патриотизма в русской музыке», «Русская музыкальная культура и Запад». ¹⁶⁶

Здесь же содержится краткое изложение исследования А. В. Венедиктова — «Военно-хозяйственное законодательство дореволюционной России» и работ И. Я. Демана по истории математики. Из материалов отдела видно, что В. А. Мануйлов работал над критико-биографическими очерками об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и А. П. Чехове, готовил монографию о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова; Ф. П. Филин занимался изучением языка времени Великой Отечественной войны; В. С. Спиридонов редактировал и комментировал очередные тома полных собраний сочинений В. Г. Белинского и Л. Н. Толстого, составлял критико-биографический очерк о Л. Н. Толстом.

В числе авторов исследований, сведения о которых помещены в отделе, — уполномоченный Института востоковедения Академии наук СССР А. Н. Болдырев (работы «Очерки культурной жизни Герата эпохи Навои», «Завещание великого предка»), заведующий отделом инкунабул Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина В. С. Люблинский (работы «Инкунабулы в СССР и их изучение», «Инкунабулы как объекты международных расчетов») и многие другие ученые. ¹⁶⁷

¹⁶⁶ В сентябре 1943 г. Академия наук СССР избрала А. В. Оссовского членом-корреспондентом. А. В. Оссовский написал воспоминания о своей работе в блокированном Ленинграде. Примечательно, что заканчиваются они такими словами: «Никогда в мирное время научная работа не протекала с таким энтузиазмом, столь напряженно и плодотворно, никогда она не давала столько внутреннего удовлетворения, как именно в годы войны, среди тяготей и опасностей блокады» (см.: А. Оссовский. Моя творческая работа в годы Великой Отечественной войны. В кн.: «В годы Великой Отечественной войны. Воспоминания, материалы». Изд. «Советский композитор», Л., 1959, стр. 41). В 1944 г. А. В. Оссовский вступил в ряды Коммунистической партии (см.: В. Богданов-Березовский. Старейший деятель советской музыкальной культуры. К 75-летию со дня рождения А. В. Оссовского. «Вечерний Ленинград» от 1 апреля 1946 г., № 78, стр. 3).

¹⁶⁷ Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады. Корректурa, стр. 305—330.

Выше были приведены лишь названия отдельных исследований ленинградских ученых, вошедших в сборник. Перечислить имена всех ученых — авторов работ, составивших сборник, мы не имеем здесь возможности. В целом «Сборник трудов ленинградских ученых в дни блокады» дает развернутую картину научной жизни города в один из самых героических периодов его истории.

Некоторое представление о работе ученых в годы блокады позволяют получить экспонаты Музея истории Ленинграда. Музей, расположенный в одном из красивейших зданий на берегу Невы, — живая история города. Велик поток посетителей Музея. Особое внимание их всегда привлекают экспозиции, посвященные блокаде.

Ни один посетитель не пройдет мимо зала, экспонаты которого рассказывают о научной и культурной жизни города в дни блокады. Он очень невелик, этот зал. Многогранная деятельность ученых города представлена здесь скупой, и сразу же возникает пожелание в необходимости расширения соответствующих экспозиций.

Но и то, что узнает посетитель Музея о труде ученых, производит на него сильное впечатление. Вот фотография сотрудников Радиевого института АН СССР, трудившихся, не покладая рук, на нужды фронта. Вот выписка из приказа по войскам 23 армии Ленинградского фронта от 23 сентября 1943 г., в котором объявляется благодарность директору этого Института А. Б. Вериге за помощь командованию 39-го отдельного моторизованного топографического отряда в реализации одного из рационализаторских предложений.

На одной из фотографий посетитель видит сотрудников Ботанического института Н. И. Курнакова и В. И. Ковалеву, занимавшуюся в октябре 1941 г. фильтрацией медицинского бальзама, широко применявшегося в госпиталях Ленинграда. С гордостью за ученых читает посетитель надпись под фотографией профессора С. А. Рейнберга, сообщающую, что за годы войны он подготовил 200 врачей и рентгенотехников. Как памятник блокадных дней экспонированы в Музее брошюры сотрудников Ботанического института В. И. Чиркова — «Шиповник», «Китайская капуста» и В. С. Соколова — «Как обеспечить себя витамином „С“ в зимнее время», выпущенных Лениздатом в 1943 г. Один из документов

Музея содержит сведения о количестве научных работ, изданных и подготовленных учеными к печати. Хотя сведения эти далеко неполны, все же они позволяют убедиться в том, что научные исследования не прекращались на протяжении всего периода блокады.¹⁶⁸

Характеризуя научную жизнь Ленинграда, академик А. Ф. Иоффе писал в ноябре 1942 г.: «С первых же дней Отечественной войны ленинградские ученые отдали себя целиком служению обороне. Сотни изобретенных новых боевых средств посыпались из лабораторий и заводов. Сразу же при содействии партийных организаций установилось тесное сотрудничество между научными институтами и предприятиями. Удачные идеи поэтому быстро осуществлялись. Нигде и никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научной идеи в практику, как в Ленинграде в месяцы войны».¹⁶⁹

Среди исследований, завершенных в Ленинграде, были и такие, которые впоследствии получили широкое признание как в СССР, так и за рубежом. К их числу следует отнести монографию профессора К. М. Быкова «Кора головного мозга и внутренние органы». Многолетнюю работу над ней ученый закончил в блокированном городе. Труд К. М. Быкова был издан Военно-морской медицинской академией в 1942 г. в г. Кирове.¹⁷⁰

Враг причинил огромный материальный ущерб научным институтам и вузам города. Достаточно сказать, что только по ленинградским учреждениям Академии наук СССР этот ущерб выразился в колоссальных цифрах — 1 111 936 398 рублей.¹⁷¹

Многие научные работники погибли от истощения и болезней, от бомб и снарядов. Ленинградские учреждения Академии наук СССР потеряли 5 членов-корреспондентов, 16 докторов наук, 6 профессоров и 54 кандидатов наук.¹⁷² Здоровье многих ученых, оставшихся в живых,

¹⁶⁸ Музей истории Ленинграда, экспозиция, зал № 23.

¹⁶⁹ А. Ф. Иоффе. Ленинградские ученые в Отечественной войне. «Ленинградская правда» от 12 ноября 1942 г., № 268, стр. 2.

¹⁷⁰ В 1946 г. К. М. Быков был избран академиком и удостоен Государственной премии за работу «Кора головного мозга и внутренние органы» (Материалы к библиографии ученых СССР. К. М. Быков. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 5).

¹⁷¹ ААН, ф. 4, оп. 2 (1943), № 27, лл. 19—20.

¹⁷² Там же, № 7, л. 92.

было сильно подорвано. Словами невозможно выразить тяжелейшие испытания, перенесенные учеными вместе со всеми ленинградцами.

Партия и правительство высоко оценили подвиг ленинградских ученых. 17 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР наградила 57 научных и технических сотрудников ленинградских учреждений Академии наук орденами и медалями Советского Союза «за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады города Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии наук СССР, являющихся национальным богатством страны». Орденом Ленина были награждены академики И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели и член-корреспондент Академии наук СССР П. П. Кобеко, орденом Трудового Красного Знамени — уполномоченный Радиового института профессор А. Б. Верито, старший научный сотрудник Ботанического института Е. А. Галкина, уполномоченный Астрономического института профессор И. Д. Жонголович, уполномоченный Института этнографии Р. И. Каплан-Ингель, уполномоченный Зоологического института доктор биологических наук Л. А. Портенко, заведующий гербарием Ботанического института профессор Р. Ю. Рожевиц, уполномоченный Ботанического института В. С. Соколов, старший научный сотрудник Ботанического института Н. В. Шипчинский. Орденом «Знак Почета» правительство наградило уполномоченного Института востоковедения А. Н. Болдырева, старшего научного сотрудника Института этнографии К. В. Вяткину, заведующую лабораторией Физико-технического института В. А. Иоффе, уполномоченную Архива М. В. Крутикову, уполномоченного Института литературы В. А. Мануйлова, старшего научного сотрудника Ботанического института А. А. Никитина, старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры В. А. Петрова, заведующую отделом филологии Библиотеки Академии наук Г. Я. Снимщикову, директора Музея истории религии Ю. П. Францева, старшего научного сотрудника Ботанического института В. И. Чиркова, заведующую Почвенным музеем З. Ю. Шокальскую, директора Библиотеки Академии наук И. И. Яковкина. Среди награжденных медалью «За трудовую доблесть» находились младший

научный сотрудник Института этнографии В. В. Антропова, заведующая лабораторией Физико-технического института М. В. Гликина, младший научный сотрудник Физико-технического института С. В. Кобеко, старший научный сотрудник Астрономического института В. С. Мошкова, ученый секретарь Географического общества В. И. Ромишовский, уполномоченная Ленинградского отделения Института истории К. Н. Сербина, старший научный сотрудник Астрономического института М. И. Фролова. Медалью «За трудовое отличие» были награждены старший научный сотрудник Института литературы В. М. Глинка, старший научный сотрудник Физико-технического института Ф. И. Марей, заведующий лабораторией Физико-технического института Н. М. Рейнов, младший научный сотрудник Астрономического института Г. М. Саухалова, заведующая лабораторией Радиового института М. М. Гербаневская.¹⁷³

Как уже упоминалось, правительственными наградами был отмечен труд ученых, работавших и в других научных учреждениях, а также в вузах города (см. стр. 51, 71). Общее число профессоров, преподавателей и студентов, награжденных в период Отечественной войны орденами и медалями Советского Союза, составило по одному лишь Институту инженеров железнодорожного транспорта — 842 человека.¹⁷⁴ Среди удостоенных правительственных наград сотрудников Химико-технологического института им. Ленсовета были В. В. Албенский, В. А. Грипечкин, А. Ф. Доноусов, А. И. Журина, И. Е. Захарова, А. Г. Прокофьев, Т. Р. Путырская, К. Б. Хесс и др.¹⁷⁵

¹⁷³ «Ведомости Верховного Совета СССР» от 4 июня 1944 г., № 3, стр. 1.

¹⁷⁴ Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, стр. 284.

¹⁷⁵ Н. Н. Аверьянов, А. Я. Авербух, ук. соч., стр. 181.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подвиг, совершенный ленинградцами в годы блокады, с восхищением признает весь народ. Ленинград стал символом мужества, стойкости, героизма.

Приветствуя трудящихся Ленинграда в связи с 250-летием города, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР и Центральный Комитет КПСС писали в июне 1957 г.: «Бессмертен подвиг ленинградцев в грозную пору Великой Отечественной войны. Ни жестокие бомбардировки с воздуха, ни артиллерийский обстрел, ни постоянная угроза смерти не сломили железной воли и патриотического духа ленинградцев. Девятисотдневная защита осажденного города — это легендарная повесть мужества и героизма, которая вызвала удивление и восхищение современников и навсегда останется в памяти грядущих поколений. Ленинградцы до конца остались верными Родине. Город-герой — вот имя, которое благодарно присвоил Ленинграду советский народ».¹

Вместе со всеми ленинградцами, мужественно преодолевая многочисленные трудности, достойный вклад в дело разгрома врага внесли и ученые.

В суровые годы ученые Ленинграда показали себя как верные сыны народа. Весь свой талант, знания, опыт, силы отдавали они народу, трудящимся города-героя, героически боровшимся с вражескими полчищами. Ученые находились в едином строю со славными защитниками Ленинграда.

Горячее желание быстрее разгромить врага, отстоять родной город, сохранить великие культурные ценности, сосредоточенные в Ленинграде, — эти благородные идеалы

¹ «Правда» от 23 июня 1957 г., № 174, стр. 1.

воодушевляли ученых и давали им силы продолжать научные исследования в неимоверно тяжелых условиях блокады.

Город-фронт требовал от ученых быстрого решения множества самых разнообразных практических задач, и деятели науки оказались в высокой степени способными к их оперативному выполнению. Теснейшая связь с практикой социалистического строительства — эта замечательная черта советской науки нашла яркое отражение в работе ленинградских ученых.

Документы, относящиеся к научной жизни Ленинграда блокадных лет, убедительно свидетельствуют о том, что ученые и тогда, насколько это позволяла обстановка, стремились работать коллективно, помогали друг другу, сосредоточивая свои усилия на наиболее важных проблемах науки. Научные сотрудники родственных по профилю учреждений находили новые формы творческого общения, такие, например, как создание Объединенного ученого совета гуманитарных институтов Академии наук СССР и др. Деятельность ленинградских ученых явилась замечательным подтверждением большой силы и глубокой жизненности присущего советской науке принципа коллективизма.

В марте 1923 г. В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» указывал на необходимость того, «чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».² Непрерывавшаяся в годы блокады работа ленинградских ученых была конкретным претворением в жизнь этого ленинского указания.

Самоотверженный творческий труд ученых Ленинграда в период блокады — одна из самых выдающихся страниц истории советской науки. Героизм ленинградских ученых, проявленный ими в годы Великой Отечественной войны, служит замечательным вдохновляющим примером для научной молодежи нашей страны, активно участвующей в строительстве коммунистического общества.

170192

² В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. Сочинения, т. 33, стр. 447.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава I. Первые месяцы войны (июнь—август 1941 г.)	15
Глава II. Начало блокады (сентябрь—ноябрь 1941 г.)	38
Глава III. Ученые — герои (декабрь 1941 г.—март 1942 г.)	58
Глава IV. Научная работа продолжается (апрель 1942 г. — январь 1944 г.)	94
Заключение	142

Анатолий Васильевич Кольцов

УЧЕННЫЕ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ БЛОКАДЫ (1941—1943)

Утверждено к печати

Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР

Редактор Издательства **Н. И. Кочергин**. Художник **Д. С. Данилов**.
Технический редактор **В. А. Сорокина**. Корректор **Н. М. Шилова**.

Сдано в набор 1/XI 1961 г. Подписано к печати 6/I 1962 г. РИСО АН СССР № 25—3В. Формат бумаги 84×108/32. Бум. л. 2¼. Печ. л. 4¼—7.38 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7.69. Изд. № 1542. Тип. зак. № 384. М-36003. Тираж 3000. Цена 46 коп.

Ленингр. отд. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.